

Еврейская литература и другие эссе

Густав Карпелес

Jewish Literature and Other Essays

Gustav Karpeles

Электронная книга проекта "Гутенберг" по еврейской литературе и другие эссе

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Еврейская литература и другие эссе

Автор: Густав Карпелес

Дата выхода: 27 января 2009 г. [Электронная книга № 27901]

Последнее обновление: 4 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Чаком Грайфом и командой онлайн-корректоров, распространяющей корректуру по адресу <https://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, из проекта Google Print Project.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЕВРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ДРУГИЕ ЭССЕ" ***

ЕВРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ДРУГИЕ ОЧЕРКИ

АВТОР ГУСТАВ КАРПЕЛЕС

филадельфия
еврейское издательское общество Америки
1895

Издательство
компании Friedenwald Co.,
Балтимор

ПРЕДИСЛОВИЕ

Следующие эссе были представлены в течение последних десяти лет в форме обращений перед крупнейшими ассоциациями в крупных городах Германии. Каждое из них является для меня дорогим достоянием. Когда я еще раз просматриваю их, в моей голове всплывают воспоминания о торжественных случаях и впечатляющих сценах, о замечательных мужчинах и очаровательных женщинах. Я чувствую себя так, словно отправляю в мир самых любимых детей моей фантазии, и меня охватывает печаль, когда я понимаю, что они больше не принадлежат мне одному - что они стали собственностью незнакомцев. Живое слово, падающее на ухо слушателя, - это одно; совсем другое - слово, смотрящее с холодной печатной страницы. Будут ли мои мысли встречены так же дружелюбно, как и тогда, когда они были впервые высказаны?

Я осмеливаюсь надеяться, что они будут приняты благожелательно, ибо эти обращения были рождены преданной любовью к иудаизму. Сознание того, что на Израиль возложена великая историческая миссия, которая еще не выполнена, привело их к существованию. Правда и искренность звучали в каждом слове. Самонадеянно ли тогда надеяться, что они смогут найти благосклонность в Новом Свете? Братья по моей вере живут там, как и здесь; наш древний лозунг "Шма Исраэль" звучит в их синагогах, как и в наших; старый, запятнанный кровью флаг с возвышенной надписью "Господь - мое знамя!" реет над ними; и еврейские сердца в Америке преданны, как и наши, и поддерживаются непоколебимой верой в мессианское время, когда наши надежды и идеалы, наши цели и мечты осуществляются. Во всем мире существует только один иудаизм, как на берегах Иордана и Тежу, так и на берегах Вислы и Миссисипи. Да благословит и защитит его Бог, и поведет его к цели - к его славному будущему!

Всем еврейским сердцам за океаном, в свободной Америке, братский привет!

Густав Карпелес

Берлин, Песах
5652.
1892

Содержание

	страница
Краткий обзор еврейской литературы	9
Талмуд	52
Еврей в истории цивилизации	71

Женщины в еврейской литературе	106
Моисей Маймонид	145
Еврейские трубадуры и миннезингеры	169
Юмор и любовь в еврейской поэзии	191
Еврейская сцена	229
Поиски еврея в Африке	249
Еврейский король в Польше	272
Еврейское общество во времена Мендельсона	293
Леопольд Цунц	318
Генрих Гейне и иудаизм	340
Музыка синагоги	369
Указатель	380

ВЗГЛЯД НА ЕВРЕЙСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

В хорошо известном отрывке из "*Romanzero*", упрекая еврейских женщин в их невежестве относительно великолепного золотого века поэзии их нации, Гейне использовал неизмеримые выражения осуждения. Он был слишком суров, поскольку источники, из которых он черпал свою собственную информацию, носили чисто научный характер, неизбежно непонятный обычному читателю. Первое по-настоящему популярное представление всей еврейской литературы было сделано всего несколько лет назад и не могло существовать во времена Гейне, поскольку самые ценные сокровища этой литературы, настоящие еврейские помпеи, были извлечены из плесени и мусора библиотек в этом столетии. Таким образом, изучение истории еврейской литературы стало возможным только в течение последних пятидесяти лет.

Но в течение этого полувека добросовестные исследования проводились так активно, что теперь мы можем, по крайней мере, с высоты птичьего полета взглянуть на весь ход нашей литературы. Некоторые участки все еще остаются в тени, и неудивительно, что выдающиеся ученые продолжают утверждать, что "не существует такой вещи, как органическая история, логическое развитие гигантской неоеврейской литературы"; в то время как те, кто знаком с результатами последних исследований, в лучшем случае признают, что еврейской литературе было позволено получить "нежные последствия". Оба вердикта не соответствуют действительности и несправедливы. Еврейская литература развивалась органично, и в ходе своей эволюции у нее был как весенний прилив, так и период упадка, за которым снова последовало энергичное возрождение.

Подобные мнения - неотъемлемая часть перипетий нашей литературы, и сами по себе они достаточны для создания интересной книги. Конечно, странно, что народ без дома, без земли, живущий в условиях репрессий и преследований, смог создать такую великую литературу; еще более странно, что ее сначала сохранили и распространили, затем забыли или относились к ней с пренебрежением предрассудков и, наконец, пробудили от оцепенения к крепкой жизни дыханием современной эпохи. Сейчас нам известно около двадцати двух тысяч работ.

Пятьдесят лет назад библиографы не знали о существовании половины из них, и в библиотеках Италии, Англии и Германии неисчислимое их количество ожидает воскрешения.

На самом деле наша литература еще не получила названия, которое заслуживало бы всеобщего признания. Некоторые называют это "раввинской литературой", потому что в средние века каждый образованный еврей носил титул раввина; другие - "нееврейской"; а третья сторона считает это чисто теологической. Все эти названия неадекватны. Возможно, единственное достаточно всеобъемлющее - "Еврейская литература". Это охватывает, как и должно быть, совокупность произведений, созданных евреями с самых ранних дней их истории до настоящего времени, независимо от формы, языка и, по крайней мере, в средние века, тематики.

Имея в виду это определение, мы можем в общих чертах обрисовать весь ход нашей литературы, хотя и в рамках эссе. Мы узнаем, как хорошо сказал Леопольд Цунц, Гумбольдт еврейской науки, что она "тесно связана с культурой древнего мира, с происхождением и развитием христианства и с научными достижениями средневековья. Поскольку она разделяет интеллектуальные устремления прошлого и настоящего, их конфликты и неудачи, она дополняет общую литературу. Его специфические особенности, которые сами подпадают под действие универсальных законов, в свою очередь, полезны при интерпретации общих характеристик. Если совокупные результаты интеллектуальной деятельности человечества можно уподобить морю, то еврейская литература является одним из притоков, питающих его. Подобно другим произведениям и литературе в целом, она раскрывает изучающему, какие благородные идеалы лелеяла душа человека и стремилась реализовать, а также раскрывает разнообразные достижения интеллектуальных сил человека. Если мы сегодня являемся свидетелями и порождениями вечного, созидательного принципа, то, в свою очередь, настоящее - это всего лишь начало будущего, то есть воплощение знания в жизнь. Духовные идеалы, которых сознательно придерживается любая часть человечества, придают свободу мысли, изящество чувствам, и, плывя вверх по этому единому потоку, мы можем достичь истока, откуда исходят все духовные силы и вокруг которого, как неподвижного полюса, кружатся все духовные течения".[1]

Краеугольным камнем этой еврейской литературы является Библия, или то, что мы называем литературой Ветхого Завета — древнейшее и в то же время наиболее важное из еврейских писаний. Она охватывает период, заканчивающийся вторым веком до нашей эры; написана, по большей части, на иврите и является самым ясным и верным отражением изначальных характеристик еврейского народа. Эта библейская литература привлекала самое пристальное внимание всех народов и всех эпох. До семнадцатого века библейская наука была чисто догматической, и только с тех пор, как Гердер указал путь, ее эстетические элементы стали обсуждаться наряду с догматическими соображениями, часто вопреки им. До сих пор Эрнест Мейер и Теодор Нелдеке были единственными, кто рассматривал Ветхий Завет с точки зрения его места в истории литературы.

Несмотря на догматический вид, присущий критическим введениям к изучению Ветхого Завета, их авторы не постеснялись относиться к книге, священной для двух религий, с детским произволом. Со времен Спинозовского "эссе о рационалистическом объяснении" библейская критика была ареной борьбы самых экстравагантных толкований, смелых гипотез и рискованных домыслов. Ни одна латинская или греческая классика не подвергалась столь

безжалостным нападкам и препарированию; никакая средневековая поэзия не интерпретировалась столь произвольно. Как естественное следствие, эстетические элементы все больше и больше отодвигались на задний план. Только недавно мы начали высмеивать это увлечение гипотезами и вернулись к более трезвым методам исследования. Библейская критика достигла апогея абсурда, и справедливым было презрение, которым была встречена одна из важнейших работ критической школы - "Объяснение Псалмов" Хитцига. Рецензент сказал: "Мы можем тешить себя надеждой, что во втором издании комментария этого умного писателя он будет в завидном положении, чтобы сообщить нам день и час, когда был написан каждый псалом".

Реакция началась несколько лет назад с признания неадекватности документной гипотезы Аструка, которая до тех пор была кредо всех библейских критиков. Астрюк, знаменитый французский врач, в 1753 году выдвинул теорию о том, что Пятикнижие — пять книг Моисея - состоит из двух параллельных документов, называемых соответственно яхвистическими и элохистическими, по имени, применяемому к Богу в каждом из них. На этой основе немецкая наука после него возвела надстройку. Ни одна дата не была сочтена слишком поздней для определения состава Пятикнижия. Если бы историка Иосифа Флавия не существовало, и если бы Иисус не говорил о "Законе" и "пророках", и о том, "что было написано в Законе Моисеевом, и в Пророках, и в Псалмах", критики были бы склонны перенести редакцию Библии на какой-нибудь период христианской эры. Расхождения во мнениях по этому вопросу настолько велики, что два ученых критика, Эвальд и Хитциг, расходятся в датировке определенного библейского отрывка не менее чем на тысячу лет!

Библейская археология, толкование Библии и обсуждения грамматических тонкостей смешивались с историей библейской литературы, и, естественно, именно последняя страдала от отсутствия дифференциации. Ортодоксальность предполагала чисто божественное происхождение Библии, в то время как скептики относились к священной книге с большим легкомыслием, чем они осмелились бы проявить, критикуя современный роман. Одна сторона подняла шумиху, когда о Моисее заговорили как о первом авторе; другая обнаружила "непристойные, грубые, даже каннибальские черты"[2] в возвышенных повествованиях Библии. Задачей грядущих поколений, преемников одного поколения легковверных любителей Библии и непосредственных наследников убежденных рационалистов, должно стать примирение и сплавление в более высоком понимании Библии двух расходящихся теорий о ее чисто божественном и чисто человеческом происхождении. К сожалению, приходится признать, что Эрнест Мейер прав, когда в своей "Истории национальной поэзии евреев" говорит, что эта задача целиком принадлежит будущему; в настоящее время это нерешенная проблема.

Эстетическая точка зрения - это единственная правильная точка зрения для полного признания ценности библейской литературы. Предположение, что легенда, миф и история объединились, чтобы создать совершенную гармонию, которая является их непреходящим отличием, безусловно, не лишает священные Писания, вечный источник духовного утешения, их возвышенного характера и божественной ценности. Крестьянин, живущий на недоступных горных высотах, рядом с летописью пастушеской жизни Авраама перечисляет главные события его собственной карьеры, юбилейные даты, священные для его семьи. Молодые люди считают одним из своих первых впечатлений "коричневый фолиант" и ярче всего остального помнят

"Прекрасные и правдивые девы,
мудрецы и отважные герои,
Чьи истории, вдохновленные провидцами,
изложены В нашей Книге книг.

Простая жизнь и вера
патриархов древности,
Подобные ангелам, парят рядом,
охраняют и ведут их по пути".[3]

Прежде всего, целая нация на протяжении веков жила с этой книгой и только благодаря ей. Несомненно, это убедительное свидетельство непреходящей ценности великого труда, в котором простейшие пастушеские сказки и наивнейшие легенды, глубокие нравственные принципы и величественные образы, идеалы мессианского будущего и чистейшее, гуманнейшее представление о жизни чередуются с возвышенными описаниями природы и сладостными мелодиями любовных стихотворений, с национальными песнями, дышащими надеждой или трепещущими от тоски, с глухими тонами отчаянного пессимизма и богодухновенными гимнами возвышенной теодицеи - все смешивается, образуя то, что создала благоговейная любовь людей. названный Книгой книг.

Было естественно, что книга такого рода стала основой великой литературы. Все, что было создано в более поздние времена, должно было оцениваться по ее высоким стандартам. Это стало правилом поведения, пророческим зеркалом, отражающим будущую работу нации, судьба которой была неразрывно связана с ее собственной. Неизвестно, как и когда библейские писания были объединены в одну книгу, священный канон, но, вероятно, правильно предположить, что это было сделано *соферим*, Переписчиками, между 200 и 150 годами до н.э. Во всяком случае, несомненно, что три раздела Библии — Пятикнижие, Пророки и разные писания — содержались в греческой версии, Септуагинте, названной так по семидесяти или семидесяти двум александрийцам, которые, как предполагается, выполнили работу по переводу при Птолемеи Филадельфе.

Греческий перевод Библии знаменует начало второго периода еврейской литературы, иудео-эллинистического. Иврит перестал быть языком народа; с тех пор им пользовались только ученые и при богослужении. Евреи впервые встретились с греческим интеллектом. Сим и Иафет по-братски обнялись. "Но даже в то время, когда учения Эллады прокладывали себе путь в покоренную Палестину, склоняя еврейскую философию к отступничеству и стремясь с помощью основных сил внедрить язычество, сами греческие философы испытывали благоговейный трепет перед величием и мощью еврейских проповедников. Мечи и слова вошли в списки защитников иудаизма. Народный арамейский, позволив греческому наложить свой отпечаток на многие из своих существительных, отказался поддаться влиянию греческого глагола, и, в конце концов, еврейская истина под видом учения Иисуса подорвала гордую структуру язычников ". Это самая превосходная характеристика того литературного периода, который длился около трех столетий и закончился между 100 и 150 годами н.э. Вряд ли можно сказать, что его влияние на еврейскую литературу было устойчивым. К нему принадлежат все апокрифические писания, которые, первоначально составленные на греческом языке, по этой причине не были включены в Священный Канон. Центр интеллектуальной жизни находился уже

не в Палестине, а в Александрии в Египте, где в то время проживало триста тысяч евреев, и поэтому эта литература стала называться иудео-александрійской. Среди ее авторов - последние неоплатоники, в частности Филон, создатель аллегорического толкования Библии и еврейской философии религии; Аристей и псевдо-Фокид. Были также еврейские *литераторы*: драматург Иезекииль; Ясон; Филон Старший; Аристокл, популяризатор аристотелевской философии; Эвполем, историк; и, вероятно, еврейская Сивилла, которой пришлось прибегнуть к языческой манере оракула, чтобы провозгласить истины иудаизма, и к греческим фигурам речи для своих апокалиптических видений, которые предсказывали библейскими фразами и с пророческим пылом будущее Израиля и народов, контактирующих с ним.

Тем временем значение слова Библии в Палестине неуклонно возрастало. Изучение и толкование священного текста стало уделом конгрегации Иакова, тех, кто не прислушивался к мелодичным нотам эллинизма. Мидраш, как назывались исследования комментаторов, постепенно разделился на два течения — Галаху, которая устанавливает и систематизирует положения Закона, и Агаду, которая использует священные тексты для гомилетических, исторических, этических и педагогических дискуссий. Последний является поэтическим, а первый - законодательным элементом в талмудических писаниях, состав которых, насчитывающий более тысячи лет, составляет третий, наиболее важный период еврейской литературы. Конечно, ни один из этих периодов не может быть определен так четко, как можно было бы предположить при беглом обзоре. Например, на пороге этой третьей эпохи стоит фигура Флавия Иосифа Флавия, знаменитого еврейского историка, который, будучи одновременно восторженным евреем и другом римлян, пишет историю своего народа на греческом языке — персонаж столь же своеобразный, как и его эпоха, которая, слушая издевательский смех Лукиана, увидела, как низвергнут Олимп и его боги низвергнуты с тронов, Иерусалимский храм исчез в пламени и дыму, а новое учение сына плотника из Назарета начало свой победоносный путь.

Рядом с этим историком с лицом Януса стоят герои Талмуда, окутанные славой. Мы встречаемся с такими людьми, как Гиллель и Шаммай, Йоханан бен Заккай, Гамалиил, Джошуа бен Чананья, знаменитый Акиба, а позже принц Иегуда, друг императорского философа Марка Аврелия и составитель Мишны, авторитетного свода законов, заменяющего все другие сборники. Затем есть баснописец Меир; Симон бен Йохай, ложно обвиненный в авторстве мистической Каббалы; Хия; Раб; Самуэль, одинаково известный как врач и раввин; Йоханан, предполагаемый составитель Иерусалимского талмуда; и Аши и Абина, бывшие, вероятно, составителями Вавилонского талмуда. Этот последний Талмуд, пользующийся авторитетом среди евреев из-за его разной судьбы, является самым замечательным литературным памятником, дошедшим до нас. Никогда еще книга не была так ненавидима и так преследуема, ее так недооценивали и так презирали, с другой стороны, ее так ценили и так почитали, и, прежде всего, так несовершенно понимали, как этот самый Талмуд.

Для евреев и их литературы это имело несказанное значение. То, что Талмуд был хранителем иудаизма, является неопровержимым утверждением. Верно, что изучение Талмуда чрезмерно поглощало огромную интеллектуальную силу его приверженцев и привело к несколько одностороннему умственному развитию евреев; но также верно, как говорит автор, [4], что "всякий раз, когда в смутные времена научные исследования приостанавливались; всякий раз, когда по какой-либо причине еврей был отстранен от участия в общественной жизни, евреи

были отстранены от участия в общественной жизни". изучение Талмуда поддерживало эластичность и бодрость еврейского ума и спасало евреев от бесплодного мистицизма и духовной апатии. Талмуд, как правило, был враждебен мистицизму, и самые блестящие талмудисты в благоприятные дни добивались выдающихся успехов в светской науке. Еврей пережил века горечи, все это время преданно цепляясь за свою веру посреди враждебности, и первый луч света, проникший сквозь стены гетто, застал его готовым принять участие в интеллектуальной работе своего времени. Такой замечательной эластичностью ума он обязан, прежде всего, изучению Талмуда".

Из этого сильно злоупотребляемого Талмуда, как и из его современника Мидраша в ограниченном смысле, выросли цветы Агады — той самой Агады

Где прекрасные древние саги,
полные смысла легенды об Ангелах,
безмолвные жертвы мучеников,
праздничные песни и изречения мудрости,

Тропы и аллегорические фантазии —
Все пропитано торжествующим
сиянием веры — где они сияют,
сияют, сила их неисчерпаема.

И отзывчивое мальчишеское сердце
Пьет дикую, фантастическую сладость,
Приветствует горестную, чудесную тоску,
Поддается все возрастающему очарованию тайны,

Скрытой в благословенных мирах басни.
Спасовал он слушает торжественную
, чтобы, что священный
смертный человек имеет поэзии призван".[5]

История из мидраша очаровательно характеризует связь между Галахой и Агадой. Два раввина, Хия бар Абба, галахист, и Аббаху, агадист, случайно читали лекции в одном и том же городе. Аббаху, Агадиста, всегда слушали огромные толпы, в то время как Чия со своей Галахой стоял практически безлюдный. Агадист утешил разочарованного учителя притчей. "Давайте предположим, что два купца, - сказал он, - приехали в город и выставили товары на продажу. В одном выставлены жемчуга и драгоценные камни, в другом - дешевые наряды, позолоченные цепочки, кольца и яркие ленты. Как вы думаете, на чей стенд давит толпа?— Раньше, когда борьба за существование не была жестокой и неизбежной, у людей был досуг и желание изучать глубокие учения Закона; теперь они нуждаются в ободряющих словах утешения и надежды".

Более тысячи лет этот безымянный дух национальной поэзии находился за границей и породил множество произведений, которые со временем были собраны во всеобъемлющее собрание, получившее различные названия Мидраш Рабба, Песикта, Танчума и др. Их составление было

начато примерно в 700 году н.э., то есть вскоре после закрытия Талмуда, в переходный период от третьей эпохи еврейской литературы к четвертой, золотому веку, который длился с девятого по пятнадцатый век и, согласно закону человеческих продуктов, показывает сезон роста, расцвета и увядания.

Местом действия в этот период были западная Азия, северная Африка, иногда Италия и Франция, но главным образом Испания, где арабская культура, которой суждено было в неисчислимой степени повлиять на еврейскую мысль, находилась в то время в зените своего расцвета. "Во второй раз евреи были втянуты в водоворот чужой цивилизации, и через двести лет после Мухаммеда евреи в Кайруане и Багдаде говорили на одном языке - арабском. Язык снова стал посредником между еврейским языком и общей литературой, и лучшие умы двух рас посредством этого языка взаимно влияли друг на друга. Евреи, которые когда-то писали по-гречески для своих братьев, теперь писали по-арабски; и, как и во времена эллинизма, цивилизация господствующей расы, как в ее первоначальных чертах, так и в ее адаптации из иностранных источников, нашла отражение в цивилизации евреев ". Было бы интересно проанализировать этот важный процесс ассимиляции, но мы можем заниматься только творчеством еврейского интеллекта. И снова на пороге этого периода мы встречаем характерную фигуру, мыслителя Саадию, занимавшего высокое положение как писатель и религиозный философ, известного также как грамматик и поэт. За ним следует Шерира, которому мы обязаны началом истории талмудической литературы, и его сын Хай Гаон, строго ортодоксальный законоучитель. За ними следуют отряды врачей, теологов, лексикографов, талмудистов и грамматистов. Большой круг нашей национальной литературы: она включает в теологии, философии, экзегетики, грамматики, поэзии и юриспруденции, да даже астрономии и хронологии, математики и медицины. Но эти широко варьирующиеся субъекты составляют только один класс, поскольку все они проникнуты духом иудаизма и подчиняются его требованиям. Упоминание выдающихся актеров превратило бы все это эссе в сухой список имен. Поэтому для нас лучше просто обрисовать этот период в общих чертах, остановившись только на его величайших поэтах и философах, сформировавших его характер.

Бытует мнение, что семитской расе недостает философских способностей. И все же нельзя отрицать, что евреи были первыми, кто принес греческую философию в Европу, преподавая и развивая ее там до того, как ее распространили знаменитые арабы. В своем рвении гармонизировать философию со своей религией и в меньшем стремлении защитить традиционный иудаизм от полемических атак новой секты, караимов, они придали системе Аристотеля особые черты, сделав ее, так сказать, своей национальной философией. В любом случае, должно быть общепризнано, что евреи разделяют с арабами заслугу "в том, что они лелеяли изучение философии в течение столетий варварства и в течение длительного времени оказывали цивилизующее влияние на Европу".

Скудные достижения евреев на факультетах истории и истории литературы не оправдывают вывода о том, что им недостает исторического восприятия. Отсутствие работ на эти темы объясняется страданиями и гонениями, которыми был отмечен их путь. Прежде чем их летописцы успели записать прошлые невзгоды, на них обрушились новые горести и беды. В средние века история еврейской литературы - это вся история еврейского народа, ее путь, очерченный кровью и орошенный реками слез, у истоков которых скорбит гений еврейской поэзии. "Восток живет изгнанником на Западе, - поэтически говорит Франц Делич, первый

иностранец, с любовью изучивший эту литературу, - и его слезы тоски по родине являются источником еврейской поэзии".[6]

Эта поэзия достигла своего совершенства в творчестве знаменитого трио Соломона Габироля, Иегуды Халеви и Моисея бен Эзры. Об их ослепительных победах возвестили более скромные достижения Абитур, написавшей на иврите, и Адии и поэтессы Ксемоны (Касмун), использовавших арабский язык, чтобы воспевать хвалу Богу и оплакивать беды Израиля.

Преобладающей, но не исключительной характеристикой еврейской поэзии является ее религиозный оттенок. Великие мыслители, люди, получившие философское образование и в то же время наделенные поэтическим даром, внесли свой вклад в создание огромного тома синагогальной поэзии, тематикой которой являются восхваление Господа и сожаление о Сионе. Скорбь о нашем утраченном отечестве никогда не приобретала более ярких красок, никогда не была выражена в более полных тонах, чем в этой поэзии. Как древнееврейская поэзия текла двумя потоками пророчества и псалмопения, так и еврейская поэзия средневековья была разделена на *Пьюту* и *Селиху*. Песни надежды и отчаяния, крики о мести, призывы к миру между людьми, элегии о каждом отдельном преследовании и стенания по Сиону следуют друг за другом в калейдоскопической последовательности. К сожалению, никогда не было недостатка в историческом материале для разработки этой поэзии. Обеспечить это было хорошо выполненной задачей правителей и священников в средние века, как "в царстве исламского царя царей, так и в царстве апостольского слуги слуг". Так судьба сделала эту поэзию классической и в высшей степени национальной. Те характеристики, которые в общей литературе дают произведению название "гомеровского", в еврейской литературе составляют литургическую поэму "Калирик", названную так по имени поэта Элиэзера Калира, героя многих мифических сказаний, и первую в длинной череде поэтов, испанских, французских и немецких, восходящей к шестнадцатому или семнадцатому веку. Литературная история этой эпохи была написана Леопольдом Цунцем с теплотой чувства и колоссальной ученостью. Он завершает свою работу надеждой на то, что человечество когда-нибудь в будущем примет религиозную поэзию Израиля как свою собственную, превратив элегическую *Селиху* в радостный псалом всеобщего мира и доброжелательности.

Бок о бок с религиозной процветает светская поэзия, облачающаяся в рифму и размер, перенимающая все современные формы поэзии и трактующая любую подходящую тему. Его первым приверженцем был Соломон Габироль, который

Человеческий соловей, который распевал
свои песни о нежной любви,
Во тьме мрачной,
готической средневековой ночи.

Она, этот соловей, пела только,
Выражая свое обожание,
своему Господу, своему Богу на небесах,
Которого превозносили ее хвалебные песни".[7]

Можно сказать, что Соломон Габироль был первым поэтом, пришедшим в восторг от *Weltschmerz*. "Он создавал гимны и песни, покаянные молитвы, псалмы и стихи, наполненные

надеждой и тоской по благословенному будущему. Они повсюду отмечены суровой серьезностью, стирающей в своей суровости краски и расцвет жизни; но бок о бок с ней, поднимаясь из глубочайших тайников человеческой души, идет смиренное поклонение Богу".

Кроме того, Габироль был выдающимся философом. В 1150 году его главный труд, "Источник жизни", был переведен на латынь архидьяконом Доминикусом Гундисальви с помощью Йоханнеса Авендита, еврея-отступника, имя автора было искажено на Авенсеброль, позже ставшее Авицеброном. Эта работа была превращена в учебник схоластической философии, но ни скотисты, ни томисты, ни приверженцы, ни недоброжелатели не подозревали, что под именем Авицеброн дремлет еврей-еретик. Исследователю наших дней, Соломону Мунку, оставалось раскрыть лицо Габироля под маской искаженного имени. Пораженные, мы видим, что современный философ-пессимист так же мало, как схоласты средневековья, может освободиться от презираемого еврея. Шопенгауэр может сколько угодно возражать, но несомненно, что Габироль был его предшественником более чем на восемьсот лет!

Чаризи, с которым мы вскоре встретимся, вынес вердикт о его поэзии, который остается в силе до сих пор: "Соломону Габиролю нравится называть себя малым, но перед ним все великое должно уменьшаться и падать.—Кто может подобно ему внушать ужас могучей речью? —По сравнению с ним поэты его времени бессильны — он, маленький, один - башня.—Он достиг высшей ступени поэтической лестницы. —Мудрость ласкала его, красноречие называло его сыном — и,облачив его в пурпур, сказал: "Смотри! — мой перворожденный сын, иди вперед, на завоевание иди!" — Песни его предшественников ничто по сравнению с его песнями — и многим его последователям не повезло лучше.— Более поздние певцы— которым он обучал, являются наследниками его поэтической мысли.— Но все равно он царь, ему принадлежит вся хвала, ибо Песнь Песней принадлежит Соломону".

Рядом с Габиролем стоит Иегуда Халеви, вероятно, единственный еврейский поэт, известный читателю широкой литературы, которому его имя, жизнь и судьба стали известны благодаря *Роману "Зеро"* Генриха Гейне. Его великолепные описания природы "отражают южное небо, зеленые луга, глубокие синие реки и штормовое море", а его эротические тексты целомудренны и нежны. Он восхваляет вино, молодость и счастье, превозносит прелести своей возлюбленной, но превыше всего он посвящает свою песню Сиону и его народу. Жемчужина его стихотворений

"Знаменитый плач
Поется во всех шатрах Иакова,
широко разбросанных по земле ...

Да, это песнь Сиона,
которую Иегуда бен Халеви,
Умирая на святых развалинах,
пел о любимом Иерусалиме".[8]

"Во всем многообразии религиозной поэзии, не исключая Мильтона и Клопштока, нельзя найти ничего, что могло бы превзойти сионскую элегию", - говорит современный писатель, нееврей.[9] Это волнующее душу "Слово о Сионе" лучше, чем любое количество критических

диссертаций, даст читателю четкое представление о характере и духе еврейской поэзии в целом:

О Сион! о покое твоих изгнанников подумай,
Остаток твоего стада, которого ты искал!
С запада, с востока, с севера и юга раздается,
Издаেকে, а теперь и близко, из всех пределов твоих,
И не прекращается,
"Да будет мир с тобою!"

Закованный в оковы тоски, Я тоже приветствую тебя,
Мои слезы быстро текут, как роса Хермона —
О блаженство, если бы они только упали на святые холмы!
Я превращаюсь в каркающую птицу, когда сквозь меня пробегает трепет
Твоего опустошенного состояния; но когда я внезапно вижу сон,
Господь возвращает каждого твоего плененного сына —
Сразу арфу
, Чтобы спеть твою песнь.

В сердце я обитаю там, где когда-то твой чистейший сын
одерживал победы В Вефиле и Пениэле;
Устрашающее присутствие Бога там было близко к тебе,
Чьи двери твой Создатель, по божественному указу,
Противопоставил вратам рая, как товарищей
.

Ни солнце, ни луна, ни звезды не нуждались в существовании;
только лик Божий озарял тебя,
На избранных которого Он изливал свой дух.
В тебе излил бы я свою душу благочестивую!
Ты был престолом царства, Божьего престола,
А теперь там обитает раса рабов, не твоя собственная,
В царском государстве,
Где царствовал твой великий.

О, если бы я мог побродить по каждому месту,
Где Бог являл Свою милость посланным пророкам!
И кто даст мне крылья? Внеочередная встреча,
Я бы поспешил лечь на твое разбитое сиденье,
Твой двойник —
Мое израненное сердце.

На твоей драгоценной земле я бы пал ниц,
Твои камни ласкают, пыль за твоими воротами,
И счастье было бы с благоговением стоять
У могил Хеврона, сокровищ твоей земли,

И приветствовать твои леса, твои увитые виноградом склоны, твои долины,
Приветствовать Аварима и Хора, чей свет никогда не меркнет,
Сияющую корону,
славу Твоих священников.

Воздух твой - бальзам для душ; как мирра песок твой;
Медом текут реки земли твоей.
Хотя я и босой, к удовольствию моего сердца, я рассчитываю
Пройти свой путь по всей твоей пустынной горе,
Где когда-то возвышался
Твой святой зал,

Где стоял твой ковчег с сокровищами, в полутемной нише,
Задернутой шторами, охраняемый херувимами.
Корону Моей Наз'рите я бы сорвал и с радостью бросил
Ее вперед. Проклятиями проклял бы я
То нечестивое время, когда твой народ, увенчанный диадемой,
Твои назорейцы, прошли мимо врагов, связанных
узами ненависти,
В нечистых землях.

Собаки жестоко разрывают
И тащат твоих похотливых львов; твои сильные, молодые орлята,
унесенные ввысь,
Схвачены сквернословящими воронами и все уничтожены.
Может ли еда по-прежнему соблазнить мой вкус? Может ли солнечный свет
казаться прекрасным для таких глаз, как у меня?
.....?

Мягче, мягче! Потерпи немного, о чаша боли!
Мои чресла отягощены, мое сердце и мозг,
горечью от тебя. Когда я думаю
Об Охоле, [10] гордая северная королева, я пью
Твой гнев, и когда вспоминается моя несчастная Охолива
— тогда я пью твое презрение,
Тогда, глоток боли,
Я осушаю Твой осадок.

О Сион! Венец благодати! Твоя красота
Всегда снискивала благосклонность и нежную ласку.
Жизни твоих верных возлюбленных связаны с тобой;
Они радуются твоей безопасности, но тоскуют
И оплакивают во мраке
твою печальную участь.

Из камеры узника они вздыхают о тебе,

И каждый в молитве, где бы он ни был,
Обращается К твоим разрушенным вратам. Изгнанное,
Рассеянное с горы на холм, твое оскверненное стадо
Не забыло твоего убежища. Они хватаются за
подол Твоего одеяния и доверчиво, нетерпеливо обхватывают
протянутыми руками
Твои ветвистые ладони.

Шинар, Патрос — могут ли они по величию
сравниться С тобой? Или их идолопоклонство
твоему Уриму и твоему Туммиму августу?
Кто может превзойти твоих священников, твоих святых праведников,
Твоих смелых пророков
И бардов древности?

Языческие царства изменяются и полностью прекращаются —
Только Твоя мощь незыблема,
Твои назорейцы из века в век пребывают,
Твой Бог в тебе желает пребывать.
Тогда счастлив тот, кто выбирает тебя
, Чтобы поселиться при твоих дворах, и ждет, чтобы увидеть,
И трудится, чтобы пробудить
Твой свет.

Над ним, когда утро озарит твой свет,
Блаженство твоего избранника порадует его взор,
Твоим счастьем он возрадуется,
В триумфе сладостно возликует ликующим голосом,
О тебе, обожаемый,
К юности возвращенный.

Мы долго беседовали с Иегудой Халеви, и все же недостаточно долго, поскольку мы еще не говорили о его претензиях на звание философа, завоеванное для него его книгой *Аль-Хазари*. Но теперь мы должны поспешить к Моисею бен Эзре, последнему и самому светскому из трех великих поэтов. Он посвящает свой гений своим покровителям, вину, своей неверующей любовнице и "вакхическим пирам под лиственными навесами, с веселым пением птиц". Он оплакивает разлуку с друзьями и родственниками, оплакивает краткость жизни и быстрое приближение седой старости — и все это отточенным языком, иногда, однако, лишенным благозвучия. Даже когда он ударяет на своей лире во славу своего народа Израиля, ему не удастся подняться до тех высот, которых достигают его товарищи по песне.

Вместе с Иегудой Харизи в начале XIII века в испано-еврейской литературе наступает эпигонский период. В "*Тачкемони*" Чаризи, подражании поэзии араба Харири, шутка и серьезная критика, радость и горе, возвышенное и тривиальное сменяют друг друга, как оттенки в разноцветном мотке. Его отличительной чертой является легкость, с которой он играет на иврите, не самом гибком из инструментов. В целом, еврейские поэты и философы

манипулировали этим языком с удивительной ловкостью. Песни, гимны, элегии, покаянные молитвы, увещевания и религиозные размышления поколение за поколением излагались на языке псалмопевца, однако структура языка не претерпела никаких изменений. "Развитие неоеврейской идиомы из древнееврейского, - справедливо замечает выдающийся современный этнограф, - подтверждает лингвистическими свидетельствами пластичность, логическую проницательность, всеобъемлющую и в то же время разностороннюю интеллектуальность еврейской расы. Благодаря искусному составлению слов, наделению старых выражений новыми значениями и адаптации материала, предлагаемого чужими или родственными языками, для своих собственных целей он расширил и обогатил сравнительно скудную словарную сокровищницу".^[11]

Наряду с этим космополитизмом, проиллюстрированным в "Агаде", страницы которой доказывают, что ничто человеческое не является чуждым еврейской расе, он обнаруживает в своем литературном развитии, особенно в Галахе, резко выраженную субъективность. Еллинек говорит: "Не теряя себя в созерцании явлений жизни, не посвящая себя какому-либо предмету, если только это не преследует скрытой цели, но видя все вещи в их отношении к себе и подчиняя их своему собственному смело заявляемому *эго*, еврейская раса не склонна применять свои силы для решения сложных философских проблем или для заумных метафизических спекуляций. Следовательно, это не философская раса, и ее участие в философской работе мира восходит только к ее контакту с греками". Тот же автор, с другой стороны, подчеркивает либеральность, широкие симпатии еврейской расы в своем заявлении о том, что еврейский разум при первой встрече с арабской философией впитал ее как закваску в свою интеллектуальную жизнь. Продуктом ассимиляции была — заметьте, уже в двенадцатом веке — философская концепция жизни, широкая либеральность которой достигает высшей точки в высказывании двух самых выдающихся мыслителей: христианство и ислам являются предшественниками мировой религии, предварительными условиями для великой религиозной системы, удовлетворяющей всех людей. Иегуда Халеви и Моисей Маймонид были философами, достаточно смелыми, чтобы высказать эту мысль, имеющую далеко идущее значение.

Второй расцвет еврейской поэзии порождает экзотические романсы, сатиры, многословные гимны и юмористические повествовательные стихи. Подобные произведения, конечно, не оправдывают применения эпитета "теологический" к еврейской литературе. Соломон бен Сакбель сочиняет сатирический роман в "Макамат"^[12] в форме, описывающей разнообразные приключения Ашера бен Иегуды, другого Дон Кихота; Берахья Ханакдан переводит на иврит басни Эзопа и Локмана, снабжая Лафонтена некоторыми из своих материалов; Авраам ибн Сахль получает от арабов, безусловно, не отличающихся щедростью, по десять золотых за каждую из его любовных песен; Сантоб де Каррион - любимый испанский бард, достаточно смелый, чтобы говорить неприятную правду королю; Джозеф ибн Сабара пишет юмористический роман; Иегуда Саббатаи - эпические сатиры "Война за богатство и мудрость" и "Подарок женоненавистника", а также неназванные авторы "Кампания истины" и "Восхваление женщин".

Сатириком с незаурядными способностями был итальянец Калонимос, чей "Пробный камень", как и "Макамат" Ибн Хасдая, "Принц и дервиш", был переведен на немецкий. Современниками их были Зюскинд фон Тримберг, швабский миннезингер, и Самсон Пни из Страсбурга, которые помогли немецким поэтам продолжить *Парцифаль*, в то время как позже, в Италии, Мозес Риети сочинил "Рай" на иврите *терца-рима*.

В период упадка еврейской литературы наиболее заметной фигурой является Эммануил бен Соломон, или Маноелло, как называют его итальянцы. Критики считают его предшественником Боккаччо, а история знает его как друга Данте, чью *Божественную комедию* он пародировал на иврите. Автор первого сонета на иврите и первого романа на иврите, он был талантливым писателем, но столь же легкомысленным, сколь и талантливым.

Таково развитие еврейской поэзии в ее великий период. В других областях литературы, в философии, в теологии, в этике, в толковании Библии раса столь же плодотворна умами первого порядка. Оглядываясь на мгновение назад, наш взгляд прикован к Моисею Маймониду, великому систематизатору еврейского закона и связующему звену между схоластикой и греко-арабским развитием системы Аристотеля. До него Бехай ибн Пакуда и Джозеф ибн Цадик занимались теософскими размышлениями с целью гармонизации арабской и греческой философии, а в эпоху, непосредственно предшествовавшую эпохе Маймонида, Авраам ибн Дауд, писатель удивительно либеральных взглядов, предпринял в "Высшей вере" задачу примирения веры с философией. В то же время рационалистическое толкование Библии было начато Авраамом ибн Эзрой, острым, но безрассудным полемистом. Ортодоксальные толкования Библии до него преподавали во Франции Раши (Соломон Ицхаки) и Самуэль бен Меир, а продолжили их немецкие раввины, которые в то же время были проповедниками морали — примечательное явление в преследуемом племени. "Насколько чистыми и сильными были его этические принципы, видно из его религиозной поэзии, а также из его практического Закона. То, что пронизывает поэзию как высокий идеал, при применении Закона становится очевидной реальностью. Скрытый энтузиазм в гимнах Самуила Благочестивого и других поэтов воплощен, живет в постановлениях Иегуды Хакохена, Соломона Ицхаки и Якоба бен Меира; в юридических заключениях Исаака бен Абрахама, Элиэзера ха-Леви, Исаака бен Моисея, Меира бен Баруха и их преемников, а также в кодексах Элиэзера Мецкого и Мозеса де Куси. Немецкий профессор^[13] столетней давности, просмотрев несколько еврейских писаний, воскликнул тоном снисходительного одобрения: "Вряд ли можно было ожидать, что христиане того времени будут придерживаться таких высоких моральных принципов, которые этот еврей записал и завещал своим братьям по вере!"

Еврейская литература этого и следующего периодов состоит в основном из теологических дискуссий и комментариев к Талмуду, подготовленных сотней. Было бы бесполезно называть имена даже самых выдающихся авторов; их работы принадлежат истории теологической науки и редко оказывали определяющее влияние на развитие подлинной литературы.

Мы также должны обойти молчанием многочисленных еврейских врачей и медицинских писателей; но следует помнить, что они тоже принадлежат к еврейской литературе. Самой замечательной характеристикой этой литературы является то, что в ней еврейская раса зафиксировала каждый шаг своего развития. "Все, что было изучено, собрано, приобретено в ее путешествиях туда—сюда — греческая философия и арабский язык, а также латинская схоластика - все это наложилось слоями на Библию, придав более поздней еврейской литературе индивидуальность, которая заняла ей уникальное место среди литератур мира".

Путешественники, однако, должны быть названы по именам. Их маршруты были полностью посвящены интересам их единоверцев. Первый в этом ряду - Эльдад, рассказчик своего рода древнееврейской одиссеи. Бенджамин из Туделы и Петахья из Ратисбона заслуживают большего доверия как правдивые летописцы, и их описания вместе с описаниями Харизи

дополняют еврейскую библиотеку путешествий тех ранних дней, если, конечно, вместе со Штайншайдером мы не рассматриваем, как это действительно возможно, большинство еврейских авторов в рамках этой рубрики. Для еврейских писателей тяжелая, вынужденная участь всегда была штормовым ветром, швырявшим их туда-сюда и разносившим семена знания по всем землям. Таким образом, ученость оказалась окутывающим, защищающим плащом для этих нищенствующих и авторов-пилигримов. Рассеяние евреев, их международная торговля и желание сохранить свои академии стимулировали любовь к путешествиям, сделали частые путешествия действительно необходимостью. Только так мы можем объяснить необычайно быстрое распространение еврейской литературы в средние века. Студент того времени часто случайно встречает раввина, который сегодня преподает, читает лекции, пишет в Кандии, завтра в Риме, в следующем году в Праге или Кракове, и поэтому еврейская литература является "странствующим евреем" среди мировых литератур.

Четвертый период, августовская эпоха нашей литературы, завершается резким диссонансом — изгнанием евреев из Испании, их второй родины, где они видели, как из их рядов выросли министры, принцы, профессора и поэты. Сцена литературной деятельности меняется: на передний план выдвигаются Франция, Италия, но главным образом Славянский Восток. Это не спасительная перемена; она предвещает три столетия упадка и застоя в литературной деятельности. Сумма усилий обозначается названием периода - Раввинский, поскольку его главной работой было развитие и закрепление раввинизма.

Упадок наступил не сразу. Действовали определенные благотворные силы, либо продолжавшие действовать с прежнего периода, либо возникшие в результате нового стечения обстоятельств: еврейские изгнанники из Испании приносили свою культуру в приюты, гостеприимно предоставленные им на Востоке и в нескольких европейских странах, особенно в Голландии; распространялось книгопечатание, первые печатные станки в Италии выпускали еврейские произведения; и солнце гуманизма и Реформации всходило и проливали одиночные лучи своего сияния на еврейские умы, находившиеся в то время за работой.

Среди заслуживающих внимания авторов, стоящих между двумя периодами и принадлежащих к обоим, наиболее выдающимся является Нахманид, благочестивый и образованный библеист. С логической силой и критической прямоотой он вступил в великий конфликт между наукой и верой, который затем разделил еврейский мир на два лагеря, используя труды Маймонида в качестве их опоры. Философия Аристотеля больше не удовлетворяла. Умы и сердца жаждали нового откровения, а за неимением его погружались в мистические спекуляции. Возникла обширная теософская литература. Был распространен *Зоар*, Библия мистицизма, авторство которой приписывалось раввину древности. Вполне вероятно, что настоящий автор был жив в то время; многие думают, что это был Мозес де Леон. Либеральная партия насчитывала в своих рядах две выдающиеся семьи Тиббон и Кимчи, первая прославилась как успешные переводчики, вторая - как грамматисты. Их наиболее известными представителями были Иуда ибн Тиббон и Дэвид Кимчи. Достаточно любопытно, что "завещание первого" содержит в безошибочных выражениях мнение о том, что "Собственность есть воровство", предвосхищающее мнение Прудона, который, если бы он знал это, увидел бы в его раннем изложении дополнительное свидетельство его истинности. Либеральную фракцию также поддержали Джейкоб бен Абба-Мари, друг Фридриха II. и Майкл Скотус. Авва Мари жил при дворе германского императора в Неаполе и цитировал его в своем комментарии к Библии как экзегета. Кроме того, среди маймунистов, или рационалистов, были Леви бен Абрахам,

необычайно либеральный человек; Шемтоб Палькера, один из самых образованных евреев своего века, и Едайя Пенини, философ и поэт-пессимист, чье "Созерцание мира" было переведено Мендельсоном и высоко оценено Лессингом и Гете. Несмотря на такой набор талантов, противники были сильнее, наиболее представительным сторонником был талмудист Соломон бен Адерет.

В то же время споры о Талмуде, закончившиеся его публичным сожжением в Париже, продолжались среди христианского духовенства. Другое литературное течение той эпохи обозначается словом "Каббала", которое держало в плену своего колдовства многие из лучших и благороднейших умов. Каббала, несомненно, является продолжением более ранних теософских исследований. Его главные доктрины были изложены тщательным изучением нашей литературы: Все существующее берет начало в Боге, вечном источнике света. Его Самого можно познать только через Его проявления. Он безначален и окутан тайной, или Он - ничто, потому что все творение развилось из ничего. Это ничто едино, неделимо и безгранично — *Эн-Соф*. Бог наполняет пространство, Он и есть само пространство. Чтобы проявить Себя, чтобы творить, то есть раскрывать Себя посредством эманаций, Он сжимается, создавая таким образом пустое пространство. *Эн-Соф* впервые проявил себя в прототипе всего творения, в макрокосме, называемом "сыном Божиим", первым человеком, когда он появляется на колеснице Иезекииля. От этого первобытного человека исходит весь сотворенный мир в четырех стадиях: *Азила*, *Брия*, *Езира*, *Асия*. Эманация *Азила* олицетворяет активные качества первобытного человека. Это силы или разум, исходящие от него, одновременно его сущностные качества и способности, с помощью которых он действует. Существует десять таких сил, образующих десять священных *Сфирот*, слово, которое в первом значении числа стало обозначать сферу. Первые три *сфирот* - это разум, семь остальных - атрибуты. Предполагается, что они следуют друг за другом в следующем порядке: 1. *Кетер* (корона); 2. *Чохма* (мудрость); 3. *Бина* (понимание); 4. *Хесед* (благодать), или *Гедулла* (величие); 5. *Гевура* (достоинство); 6. *Тиферет* (великолепие); 7. *Незах* (победа); 8. *Ход* (величие).); 9. *Есод* (принцип); 10. *Малхут* (царство). Из этого первого мира *Азилы* исходят три других мира, *Асия* является низшей ступенью. Человек является частью этих трех миров; будучи микрокосмом, он реализует в своем действительном существе то, что предвещал идеальный, первобытный человек. Он держится за *Азию* своей жизненной частью (*Нефеш*), за *Езиру* своим интеллектом (*Руах*), за *Берию* своей душой (*Нешама*). Последнее - это его бессмертная часть, искра божественности.

Рассуждения, подобные этим, доведенные до логического завершения, неизбежно приведут исследователя из иудаизма в тринитаризм или пантеизм. Каббалисты, конечно, лишь в редких случаях осознавали опасность. Печальные условия, царившие в эпоху после изгнания из Испании, третьего изгнания, во всех отношениях были рассчитаны на то, чтобы способствовать развитию мистицизма, и он действительно пышно расцвел.

Несколько философов, последних в длинном ряду, все еще ожидают упоминания: Леви бен Герсон, Джозеф Каспи, Моисей из Нарбонны на юге Франции, долгое время являвшийся центром еврейской учености; затем Исаак бен Шешет, Часдай Крескас, чей "Свет Божий" оказал глубокое влияние на Спинозу и его философию; семья Дюран, особенно Профиат Дюран, успешный защитник иудаизма от нападок отступников и христиан; и Джозеф Альбо, который в своем главном философском труде "*Иккарим*" показывает, что Иудаизм должен основываться на трех фундаментальных доктринах: вере в существование Бога, Откровении и

вере в будущую награду и наказание. Эти писатели - последние, кто отразил величие золотого века.

При вступлении к следующему периоду мы снова встречаем человека необычайных способностей, Исаака Абрабанеля, одного из самых выдающихся и почитаемых комментаторов Библии, в молодости служившего католическому королю, позже ученого-паломника, скитавшегося в изгнании со своими сыновьями, один из которых, Иегуда, известен как автор *"Диалогов любви"*. В веренице изгнанников, направляющихся из Португалии на Восток, находятся Авраам Закуто, выдающийся историк еврейской литературы и когда-то профессор астрономии в университете Саламанки; Джозеф ибн Верга, историк своего народа; Амабус Лузитанус, который вплотную подошел к открытию циркуляции крови; Израэль Нагара, самый одаренный поэт столетия, чьи гимны принесли ему популярность; позже Джозеф Каро, "самый влиятельный персонаж шестнадцатого века", его претензии на признание основываются на *Шулхан Арух*, исчерпывающий свод еврейских обычаев и законов; и многие другие. В Салониках изгнанники вскоре образовали процветающую общину, где процветал Якоб ибн Хабиб, первый составитель агадистических рассказов Талмуда, а впоследствии Дэвид Конфорте, авторитетный историк. В Иерусалиме Обадия Бертиноро работал над своим знаменитым комментарием к Мишне в кругу большого круга каббалистов, из которых Соломон Алкабез наиболее известен благодаря своей знаменитой субботней песне *Лечо Доди*. И снова Иерусалим стал целью многих паломников, привлеченных туда распространенными каббалистическими и мессианскими причудами. Истинная литература мало что выиграла от таких экстремистов. Единственное созданное ими произведение, которое можно признать имеющим литературные качества, - это "Две таблицы свидетельства" Исаяи Гурвица, даже в наши дни пользующаяся известностью. Это своего рода энциклопедия еврейской учености, составленная и изложенная с мистической точки зрения.

Положение евреев в Италии было благоприятным, и их литературные произведения черпали благодать из их удачливости. Эпоха Возрождения оказала на них благотворное влияние, а возрождение классических исследований повлияло на их интеллектуальную работу. Греческая мысль встретила с еврейской в третий раз. Ученость наслаждалась своим возрождением, и всякий раз, когда их жалкое политическое и социальное положение не было помехой, евреи присоединялись к общему восторгу. Однако их страдания были непреодолимым бременем, да, даже в те дни, когда, по словам Эразма, жить было радостью. На самом деле, становилось все тяжелее. Тем более примечательно, что изучение иврита привлекало к исследованиям ученых, хотя они проявляли заботу о слове Божьем, а не о Его народе. Пико делла Мирандола изучает Каббалу; еврейский грамматик Элиас Левита является учителем кардинала Эджидио де Витербо, а позже Пауля Фаджиуса и Себастьяна Мюнстера, последний переводит работы своего учителя на латынь; папы и султаны предпочитают евреев в качестве обычных врачей, которые, как правило, являются выдающимися литераторами; евреи переводят философские труды с иврита и арабского на латынь; Элиаса дель Медиги вызывают арбитром в схоластическом конфликте в Падуанском университете; — все идет наперекосяк, разорение не грозит, предотвращено. Рейхлин может протестовать сколько угодно, еврей сослан, Талмуд сожжен.

В такие мрачные дни португалец Самуэль Уске пишет свой труд *"Утешителям Израиля"*, а Джозеф Коэн - свою хронику "Долина плача", самую важную историю, созданную со времен Иосифа Флавия, — дополнительные доказательства того, что раса обладает врожденной

жизнерадостностью и неустрашимым героизмом в переносе страданий. Женщины также все чаще участвуют в духовной работе своей нации; среди них Дебора Аскарелли и Сара Копиа Саллам, самые выдающиеся из длинного списка имен.

Проницательный критик и ученый Азария де Росси - один из литературных гигантов своего времени. Его исследования в области истории еврейской литературы являются основой, на которой зиждется последующая работа в этом отделе, и многие из его выводов до сих пор остаются неопровержимыми. Вокруг него группируются Абрахам де Порталеоне, превосходный археолог, установивший, что евреи первыми заметили лечебное применение золота; Давид де Помис, автор знаменитой защиты еврейских врачей; и Лео де Модена, раввин Венеции, "непостоянный, как вода", колеблющийся между верой и неверием, и, хотя он был каббалистом и раввином, пишущий работы против каббалы, с одной стороны, и против раввинской традиции - с другой. Похожий на него по характеру Джозеф дель Медиги, странствующий писатель, который иногда поносит, иногда превозносит Каббалу.

Есть люди более высокого калибра, как, например, Исаак Абоаб, чья *Номология* стремится защитить еврейскую традицию от любого рода нападков; Сэмюэль Абоаб, великий знаток Библии; Азария Фигу, знаменитый проповедник; и, прежде всего, Моисей Хайим Луццатто, первый еврейский драматург, предшествующие ему драмы представляют интерес только как попытки. Он тоже попадает в сети Каббалы и становится жертвой ее темных сил. Его драмы свидетельствуют о поэтическом даре и необычайном мастерстве владения ивритом, верным спутником еврейской нации во всех ее странствиях. Чтобы завершить этот очерк итальянских евреев того периода, следует добавить, что, хотя по интеллекту и достижениям они стоят выше своих братьев по вере из других стран, по характеру и чистоте нравов они им уступают.

Впоследствии литературный интерес сосредоточился в Польше, где раввинская литература нашла своих самых ревностных и образованных приверженцев. По всей стране были созданы школы, в которых талмуд преподавался с помощью *Пилпула*, остроумного, придиричвого метода талмудических рассуждений и дискуссий, который, как говорят, был изобретен Джейкобом Поллаком. И снова перед нами длинная череда выдающихся имен. Это Соломон Лурия, Мозес Иссерлес, Джоэл Сиркс, Дэвид бен Леви, Саббатай Коэн и Элиас Вильна. Саббатай Коэн, от которого, если бы в литературной республике была допустима гордость происхождением, нынешний автор мог бы похвастаться происхождением, был не только талмудистом; он также оставил исторические и поэтические произведения. Элиас Вильна, последний в списке, обладал тонким, деликатно уравновешенным умом и заслуживает особого упоминания за его решительное неприятие каббалы и ее детища хасидизма, враждебного и губительного для иудаизма и еврейской учености.

Проблеск истинного удовольствия можно почерпнуть из истории голландских евреев. В Голландии евреи соединили светскую культуру с религиозной набожностью, и профессора других конфессий встретили их с терпимостью и дружелюбием. Солнечный свет падает на еврейские школы и прямо в сердце юноши, который сразу же оставляет фолианты Талмуда и выходит в мир, чтобы провозгласить удивленному человечеству евангелие новой философии. Этот юноша - Барух Спиноза!

Многим еще предстоит разъяснять иудаизм: Манассия бен Израэль, пишущий книги на иврите и латыни в защиту эмансипации своего народа и его литературного превосходства; Давид Нето, изучающий философию; Бенджамин Муссафия, Оробио де Кастро, Давид Абенатор Мело,

переводчик Псалмов с испанского, и Даниэль де Барриос, поэт и критик - все они используют быстро приобретенное свободное владение голландским языком для защиты интересов своего народа.

В Германии смесь немецкого и иврита вошла в обиход евреев как средство повседневного общения. На этом своеобразном наречии, называемом *юдендойчским*, сложилась обширная литература. До времен Лютера в нем имелись два прекрасных перевода Библии, помимо многочисленных сочинений этического, поэтического и исторического характера, среди которых следует особо упомянуть те, что посвящены немецким циклам средневековых легенд. В то же время Талмуд получает должное время, усилия и талант. Новая жизнь приходит только с эпохой освобождения и просвещения.

Упомяну лишь несколько имен, остальные вскоре ускользнут из памяти обычного читателя: это историк Дэвид Ганс, библиограф Саббатай Басиста, а также талмудисты Абигедор Кара, Джейкоб Джошуа, Джейкоб Эмден, Джонатан Эйбешютц и Иезекииль Ландау. Приятно иметь возможность еще раз проследить интерес, проявляемый к еврейской литературе, которой долгое время пренебрегали, такими христианскими учеными, как два Буксторфа, Бартолоки, Вольф, Сурренхейс и Де Росси. К сожалению, интерес к ним угасает вместе с ними, и знаменательно, что по сей день большинство выдающихся богословов, явно в ущерб себе, "довольствуются ненадежными вторичными источниками", вместо того чтобы пить из самого источника.

Мы подошли к шестому и последнему периоду, нашему собственному, еще не завершенному, о плодах которого будет судить будущее поколение. Это период возрождения еврейской литературы. Происходят изменения в характере, тоне, форме и языке. Германия впервые оказалась в авангарде, и Мендельсон, ее самая привлекательная фигура, стоит в начале периода, окруженный своими учениками Вессели, Хомбергом, Эйхелем, Фридлендером и другими, вместе с которыми он дает евреям новый, чисто немецкий перевод Библии. Поэзией и филологией усердно занимаются, и вскоре еврейская наука через своих приверженцев Леопольда Цунца и С. Дж. Раппопорта празднует блестящее возрождение, подобное тому, что описывает поэт: "На далеком Востоке брезжит заря, — Старина снова молодеет".

"Готтесдиенстлихен Вортрейдж дер Юден" Цунца, опубликованная в 1832 году, была пионерской работой новой еврейской науки, нынешнее развитие которой, несмотря на ее широкий диапазон, еще не исчерпало предложений, сделанных автором. Последовали другие не менее важные работы, написанные тем же пером, а затем последовали исследования Раппопорта, З. Френкеля, И. М. Йоста, М. Сакса, С. Д. Луццатто, С. Мунка, А. Гейгера, Л. Херцфельда, Х. Греца, Й. Фюрста, Л. Дьюкса, М. Штайншайдера, Д. Касселя, С. Холдхейма и множества младших исследователей и преподавателей. Их любящая преданность пробудила еврейскую науку и литературу от мирского сна к энергичной интеллектуальной жизни, благотворно повлияв на духовное развитие самого иудаизма. Создателями новой литературы являются такие люди, как знаменитые проповедники Адольф Еллинек, Саломон, Клей, Мангеймер; способные мыслители Штайнхайм, Хирш, Крохмаль; выдающиеся ученые М. Лазарус, Х. Стейнтал; и разносторонние журналисты Г. Риссер и Л. Филиппсон.

Всеобщее возрождение не обошло стороной и поэзию. Первым еврейским поэтом, писавшим по-немецки, был М. Э. Кух, о трагической судьбе которого трогательно рассказал Бертольд Ауэрбах в своей книге *"Дихтер и Кауфман"*. Бремя этой современной еврейской поэзии, конечно же, заключается в прославлении верности и стойкости духа, которые сохранили расу в тяжелом прошлом. Такие поэты, как Штайнхайм, Виль, Л. А. Франкл, М. Бер, К. Бек, Т. Крейзенах, М. Хартманн, С. Х. Мозенталь, Генриетта Оттенхаймер, Мориц Раппопорт и Л. Штайн, поют песни Сиона на немецком языке. И можно ли забыть Гейне, который в своем *"Нулевом романе"* так мелодично и в то же время так трогательно выразил седую печаль еврея?

В эссе такого масштаба нельзя сделать ничего большего, кроме как дать самый общий обзор современного движения. Подробное описание творчества немецко-еврейских лириков принадлежит истории немецкой литературы, и, фактически, на его страницах можно найти должную оценку их достоинств непредвзятыми критиками, которые особенно высоко оценивают новый вид сказок - "Еврейская деревня", или "Гетто", сказки, которыми в последнее время обогатились еврейская и немецкая литературы. Их цель - изобразить религиозные обычаи, бывшие в моде у евреев прошлых поколений, их домашнюю жизнь и конфликты, возникшие, когда старый иудаизм соприкоснулся с современными взглядами на жизнь. Мастером в искусстве рассказывать эти истории из гетто является Леопольд Комперт. Из его учеников — ибо таковыми можно считать всех, кто придет после него, — А. Бернштейн описал евреев Познани; К. Э. Франзоса и Л. Херцберг-Френкеля - евреев Польши; Э. Кульке - моравских евреев; М. Гольдшмида - голландцев; С. Х. Мозентала - гессенца и М. Леманна - южногерманца. Пионерской работе Бертольда Ауэрбаха весь этот класс литературы обязан своим существованием; и фрагмент Генриха Гейне *"Рабби фон Бахарах"*, образец в своем роде, также относит его к этой категории писателей.

Итак, иудаизм и еврейская литература выходят на новую арену, на которой мощные силы, способные радикально повлиять на них обоих, борются друг с другом. Находится ли еврейская поэзия на грани вымирания или ей суждено насладиться возрождением? Кто был бы настолько опрометчив, чтобы пророчествовать что-либо о расе, все прошлое которой - загадка, а литература - вопросительный знак? О расе, которая более тысячи лет, подобно своему прародителю, победоносно боролась с богами и людьми?

Резюмируя: мы проследили курс литературного развития, начавшийся в глубокой древности с библейских повествований, ассимилировавших персидские доктрины, греческую мудрость и римское право; позже - арабскую поэзию и философию и, наконец, всю европейскую науку во всех ее разветвлениях. Литература, которую мы описали, внесла свою лепту в каждый духовный результат, достигнутый человечеством, и является до сих пор неисследованной сокровищницей поэзии и философии, опыта и знаний.

"Все реки впадают в море, но море никогда не бывает полноводным", - говорит Проповедник; так что все духовные течения текут вместе в безбрежный океан мировой литературы, никогда не переполняющийся, никогда не заверченный, радующийся каждому вступлению, достигающий апогея своей мощи и величия в тот день, когда, по словам пророка, "земля наполнится познанием Господа, как воды наполняют море".

ТАЛМУД

Во всем многообразии мировой литературы найдется немного книг с таким неоднозначным жизненным путем и такой любопытной судьбой, как у Талмуда. Название достаточно простое, оно легко слетает с языка, но как трудно объяснить его значение непосвященному! От доминиканца Хенрикуса Сейненсиса, который принял "Талмуд" за имя раввина — он приводит цитату из *Ut narrat rabbinus Talmud*, "Как рассказывает раввин Талмуд", — вплоть до церковных историков и университетских профессоров наших дней, самые странные заблуждения о природе Талмуда преобладали даже среди ученых людей. Поэтому неудивительно, что обычный читатель не имеет ни малейшего представления о том, что это такое.

Только в последние годы Талмуд стал предметом научного изучения, и теперь к нему обращаются филологи, его цитируют юристы, им пользуются историки, широкая общественность начинает интересоваться им, и в последнее время старый Талмуд неоднократно вызывали в суды для дачи показаний. При таких обстоятельствах естественно спросить, что такое Талмуд? Бесполезно искать ответ, сравнивая этот гигантский памятник человеческого интеллекта с какой-либо другой книгой; это *sui generis*. В том виде, в каком она вышла из еврейских академий Вавилонии и Палестины, это великий национальный труд, научный документ первостепенной важности, архивы десяти веков, в которых сохранены мысли и мнения, взгляды и вердикты, ошибки, прегрешения, надежды, разочарования, обычаи, идеалы, убеждения и печали Израиля — произведение, созданное усердием и терпением тридцати поколений, трудившихся с самоотречением, не имеющим аналогов в истории литературы. Произведение такого характера, несомненно, заслуживает того, чтобы о нем узнали. К сожалению, путь к его пониманию преграждают особые лингвистические и исторические трудности. Прежде всего, следует избегать сравнительных объяснений. Его сравнивали с юридическим кодексом, с журналом, с отчетами ученых органов; но эти сравнения неадекватны и вводят в заблуждение. Чтобы сделать это приблизительно понятным, необходимо дать пространное объяснение, поскольку, по правде говоря, Талмуд, как и Библия, представляет собой мир в миниатюре, охватывающий все возможные фазы жизни.

Возникновение Талмуда произошло одновременно с возвращением Израиля из вавилонского изгнания, во время которого в плененном народе произошли удивительные перемены. Идолопоклоннический, мятежный народ превратился в благочестивое собрание Господа, одержимое рвением к изучению Закона. Постепенно из этого изучения выросла наука широкого охвата, истоки которой скрыты в последней книге Библии, в слове *Мидраш*, переведенном "историей" в Авторизованной версии. Его истинное значение определяется значением его корня, *дараш*, изучать, разъяснять. В ходу были четыре различных метода объяснения священных Писаний: первый был направлен на достижение простого понимания слов в их нынешнем виде; второй использовал подсказки, предлагаемые явно лишними буквами и знаками в тексте, чтобы понять его значение; третий был "гомилетическим применением того, что было, к тому, что было и будет, пророческих и исторических изречений к действительному положению вещей"; а четвертый посвятил себя теософским мистериям — но все они вели к общей цели.

На протяжении веков развитие мидраша, или изучения Закона, шло по двум четко обозначенным направлениям: Галахе, объяснению и формулированию законов, и Агаде, их поэтической иллюстрации и этическому применению. Это две сферы, внутри которых

вращалась интеллектуальная жизнь иудаизма, и эти два элемента, юридический и эстетический, составляют Талмуд.

Две системы мидрашей подчеркивают соответственно верховенство закона и власть свободы: Галаха - воплощенный закон; Агада - свобода, регулируемая законом и несущая на себе отпечаток морали. Галаха олицетворяет жесткий авторитет Закона, абсолютную важность теории — закона и теории, которые Агада иллюстрирует общественным мнением и предписаниями здравомыслящей морали. Галаха включает в себя уставы, установленные устной традицией, которая на протяжении веков была неписаным комментарием к писаному закону, наряду с обсуждениями в академиях Палестины и Вавилонии, результатом которых стала окончательная формулировка галахических постановлений. Агада, хотя и исходит из слова Библии, лишь играет с ним, объясняя его сагами и легендами, сказками и стихотворениями, аллегориями, этическими размышлениями и историческими реминисценциями. Для нее Библия была не только высшим законом, на предписания которого нельзя было ссылаться, но и "золотым гвоздем, на который "Агада" вешала свои великолепные гобелены", так что библейское слово было вступлением, рефреном, текстом и темой поэтических пояснений Талмуда. В компетенцию Галахи входило построить на фундаменте библейского закона правовую надстройку, способную противостоять разрушительному действию времени и, не обращая внимания на современные бедствия и лишения, проследить для будущих поколений крайние логические последствия применения Закона. Агаде принадлежала высокая этическая миссия утешения, назидания, увещевания и обучения нации, страдающей от мук и находящейся под угрозой духовного застоя, изгнания; провозглашения того, что слава прошлого предвосхищала такое же блестящее будущее и что само убожество настоящего было частью божественного плана, изложенного в Библии. Если верно сравнение, сравнивающее Галаху с крепостными стенами вокруг святилища Израиля, которое каждый еврей был готов защищать до последней капли крови, то Агада должна казаться "цветочными лабиринтами экзотических цветов и сбивающего с толку аромата" под защитой стен Храма.

Полная работа по разъяснению, разработке и, наконец, установлению Закона представляет собой труд многих поколений, метод процедуры которого меняется время от времени. В длительном промежутке между завершением Священного Канона и завершением работы над Талмудом можно выделить три исторических пласта, отложившихся тремя разными классами учителей. Первая группа Книжников — *Соферим* — процветала в период, начавшийся с возвращения из вавилонского плена и закончившийся сирийскими гонениями (220 год до н.э.), и их работой было сохранение текстов Священных Писаний и простое изложение библейских предписаний. За ними последовали "Ученики" — *Танаим*, чья деятельность продолжалась до 220 года н.э. В этот период произошли великие исторические события: походы героев-Маккавеев, рождение Иисуса, разрушение Храма римлянами, восстание под руководством Бар-Кохбы и окончательное полное рассеяние евреев. Среди всех этих бурь *танаимы* ни на минуту не прекращали своих прилежных исследований в области Права. Талмуд рассказывает историю знаменитого раввина, которая лучше всего характеризует эпоху и ее ученых: "Опускалась ночь. Похоронный кортеж двигался по улицам старого Иерусалима. Говорили, что ученики несли любимого учителя к могиле. Путь был благоговейно расчищен, даже римская стража у ворот не препятствовала процессии. За городскими стенами процессия остановилась, носилки опустили, крышка гроба открылась, и из него поднялась почтенная фигура раввина Йоханана бен Заккая, который, чтобы беспрепятственно добраться до римского лагеря, притворился мертвым. Он предстал перед Веспасианом, и, впечатленный благородной фигурой седого

раввина, военачальник пообещал ему исполнение любого желания, которое тот может высказать. В чем заключалась его просьба? Не ради своего народа, не ради сохранения Святого Города, даже не ради Храма. Его просьба была проста: "Позволь мне открыть школу в Явне". Гордый римлянин с улыбкой дал согласие. Он не имел ни малейшего представления о значении этой молитвы и о пророческой мудрости просителя, который, стоя на руинах независимости своей страны, думал только о спасении Закона. Рим, империя "железных ног", была обречена на сокрушение, нация за нацией были поглощены водоворотом времени, но Израиль живет по Закону, тому самому закону, который был вырван из тлеющих руин Иерусалима, одинаково любимого сумасшедшими фанатиками и отчаявшимися защитниками мира, и перенесен в крошечный морской порт Явнех. Там Йоханан бен Заккай открыл свою академию, место сбора рассеянных своих учеников и своего народа, и оттуда, одаренный проницательностью пророка, он провозгласил, что миссия Израиля заключается не в приношении жертв, а в свершении мирных дел.^[14]

The *Танаим* можно считать самыми оригинальными толкователями науки иудаизма, которую они развивали в своих академиях. В течение столетий их интеллектуальный труд накопил обильный запас научного материала вместе с таким огромным количеством предписаний, запретов и законов, что овладеть предметом стало почти невозможно. Задача ученых теперь состояла в том, чтобы упорядочить накопление материала и свести его к системе. Раввин за раввином брались за эту задачу, но только четвертая попытка кодификации, предпринятая принцем Иегудой, увенчалась успехом. Его сборник, классифицирующий предмет по шести разделам, разделенный на шестьдесят три трактата, содержащих пятьсот двадцать четыре главы, назывался Мишна и стал авторитетом, к которому обращались по вопросам права.

Приняв неизменный вид кодекса, Мишна, в свою очередь, стала тем, чем была Библия на протяжении веков — текстом, основой всех правовых разработок и научных дискуссий. Таким образом, его использовали эпигоны, *амораимы*, или Ораторы, толкователи третьего периода. На протяжении поколений комментирование Мишны было итогом литературных усилий. Выявились традиции, на которые раньше не обращали внимания. Новые методы заявили о себе. Старшему поколению галахистов на смену пришла группа людей во главе с Акибой бен Иосифом, которые, игнорируя практические вопросы, разрабатывали законы на основе библейского текста или традиций, считавшихся божественными. Духовная, истинно религиозная концепция иудаизма была вытеснена юридическими придирками и тонкими методами толкования. Подобно софистам Рима и Александрии того времени, самые знаменитые преподаватели академий Вавилонии и Палестины на протяжении веков предавались казуистике. Это история развития Талмуда, или, правильнее сказать, двух Талмудов: один, законченный в 390 году н.э., является выражением того, чему учили в палестинских академиях; другой, более важный, заверченный в 500 году н.э., тому, чему учили в Вавилонии.

Вавилонский текст, считающийся авторитетным, примерно в четыре раза больше Иерусалимского талмуда. Его тридцать шесть трактатов (*Massichtoth*) в нашем настоящем издании занимают свыше трех тысяч страниц-фолиантов, переплетенных в двенадцать огромных томов. Говорить о завершенном Талмуде так же неверно, как говорить о библейском каноне. Ни один религиозный орган, ни одно торжественное постановление синода никогда не объявляли ни Талмуд, ни Библию завершенным целым. Канонизация любого рода явно противоречит духу иудаизма. Дело в том, что поток традиционных знаний никогда не прекращался.

Теперь перед нами слабый набросок развития Талмуда. Изобразить напряженный мир, вписывающийся в эти рамки, - другое и более сложное дело. Может быть составлен каталог его содержимого. Можно сказать, что это книга, содержащая законы и дискуссии, философские, теологические и юридические изречения, исторические заметки и национальные воспоминания, предписания и запреты, управляющие всеми жизненными позициями и отношениями, любопытные, причудливые рассказы, идеальные максимы и пословицы, возвышающие легенды, очаровательные лирические порывы и привлекательные загадки, соседствующие с человеконенавистническими высказываниями, сбивающими с толку медицинскими предписаниями, суеверными практиками, выражениями глубокой агонии, своеобразными астрологическими чарами и бессвязными отступлениями о праве, логике, и ботаника, и когда все это было сказано, не было рассказано и половины его содержания. Это пышные джунгли, которые должен исследовать тот, кто хочет получить адекватное представление о их особенностях и продуктах.

Гемара, то есть вся совокупность дискуссий, записанных в двух Талмудах, в первую очередь является текущим комментарием к тексту Мишны. В то же время это арена для обсуждения и исследования тем, вытекающих из Мишны или предлагаемых литературой, разработанной вместе с талмудической литературой. Эти дискуссии, дебаты и исследования представляют собой мнения и аргументы различных школ, придерживающихся противоположных взглядов, разработанные с редкой проницательностью и схоластической тонкостью и, в конечном итоге, согласованные в достигнутом решении. Единственной прочной и неприступной скалой, поддерживающей гигантскую структуру Талмуда, является слово Библии, считающееся священным и неприкосновенным.

Лучшие переводы — отдельные трактаты переведены на современные языки — не в состоянии передать адекватное представление о дискуссиях и методе, которые привели к появлению Галахи. Легче дать приблизительно правдивое представление о раввинской системе практической морали, почерпнутое из Агады. Конечно, следует иметь в виду, что Галаха и Агада - это не отдельные произведения; это два волокна одной и той же нити. "Вся агадистическая литература — до сих пор недооцененные архивы языка, истории, археологии, религии, поэзии и науки — с небольшими оговорками может быть названа национальной литературой, содержащей совокупность взглядов тысяч мыслителей, принадлежащих к далеко разделенным поколениям. Во многом, конечно, эти взгляды и убеждения присущи людям, их придерживающимся, или их времени"; тем не менее, каждое агадистское выражение в общих чертах иллюстрирует какой-то фундаментальный национальный закон, основанный на национальной религии и национальной истории.^[15] Благодаря Агаде мы удостоены заглянуть в таинственный мир, который, возможно, до сих пор отталкивал нас как странный и отвратительный. Его поэзия раскрывает перспективы сверкающей красоты и света, пышного роста и буйной жизни, в то время как знакомые мелодии ласкают наш слух.

Агада передает свое поэтическое послание в облике песни-аллегии и, главным образом, эпиграмматического высказывания. Формой пренебрегают; дух имеет первостепенное значение, и его достаточно, чтобы скрыть все недостатки формы. Талмуд, конечно, не дает полной системы этики, но его практическая философия состоит из доктрин, лежащих в основе нравственной жизни. Несправедливость оскорблений, обрушившихся на него, стала бы очевидной для его самых суровых критиков из нескольких его принципов и правил поведения, таких как следующее: Будь одним из преследуемых, а не из гонителей.— Будь проклят, а не тот,

кто проклинает.—Те, кого преследуют и не преследуют, кого поносят и не возражают, кто действует с любовью и радуется даже в страданиях, они - любящие Бога. —Благословляйте Бога как за добро, так и за зло. Когда ты слышишь о смерти, скажи: "Благословен будь праведный Судья". — Жизнь подобна мимолетной тени. Это тень башни или птицы? Это тень птицы в ее полете. Птица улетает, и ни птицы, ни тени не остается позади.—Покаяние и добрые дела - цель всей земной мудрости.—Даже праведники не займут такого высокого места на небесах, как истинно раскаявшиеся.—Тот, чья ученость превосходит его добрые дела, подобен дереву со многими ветвями и немногими корнями, которое буря вырывает с корнем и бросает на землю. Но тот, чьи добрые дела превосходят его ученость, подобен дереву с немногими ветвями и множеством корней; все ветры небесные не могут сдвинуть его с места.— Есть три короны: корона Закона, корона священства, корона царствования. Но превыше всего корона доброго имени.— Четверо не могут войти в Рай: насмешник, лжец, лицемер и злоречивый.—Бейте богов, и священники будут трепетать.—Раскаяние лучше многих бичеваний.—Когда кувшин падает на камень, горе кувшину; когда камень падает на кувшин, горе кувшину; что бы ни случилось, горе кувшину.—Место не делает чести человеку, человек почитает место.—Тот, кто унижает себя, возвысится; тот, кто возвышает себя, будет унижен, —Всякий, кто стремится к величию, от того убежит величие; всякий, кто бежит от величия, того будет преследовать величие.—Милосердие так же важно, как и все остальные добродетели вместе взятые.—Будь нежным и податливым, как тростинка, а не твердым и гордым, как кедр.—Лицемер не увидит Бога.—Недостаточно быть невинным перед Богом; мы должны показать нашу невинность миру.—Дела, поощряемые хорошим человеком, лучше тех, которые он совершает.Горе тому, кто занимается ростовщичеством, ему не жить; куда бы он ни пошел, он несет несправедливость и смерть.

Тот же Талмуд, который главу за главой заполняет мельчайшими юридическими деталями и щекотливыми спорами, несколькими штрихами излагает самую идеальную концепцию жизни, стоящую больше, чем теории и системы религиозной философии. Отрывок из Агады гласит: "Шестьсот тринадцать предписаний были даны Моисеем народу Израиля. Давид сократил их до одиннадцати; пророк Исайя разделил их на шесть глав; Михей перечислил только три: "Чего требует от тебя Господь, как не поступать справедливо, любить милосердие и смиренно ходить пред Богом твоим". Другой пророк ограничил их двумя: "Соблюдайте суд и творите правду". Амос объединил все заповеди в одну: "Ищите меня, и вы будете жить"; а Аввакум сказал: "Праведный будет жить своей верой". — Такова этика Талмуда.

Другим характерным проявлением идеализма Талмуда является его деликатное отношение к женщинам и детям. К малышам проявляется почти экстравагантная привязанность. Все стихи Священного Писания, в которых говорится о цветах и садах, применяются в Талмуде к детям и школам. Их дыхание поддерживает моральный порядок вселенной: "Из уст младенцев и грудных младенцев Бог основал Свое могущество". Их называют цветами, звездами, помазанниками Божьими. Когда Бог собирался дать Закон, Он потребовал от израильтян обещаний заверить Его, что они будут свято соблюдать Его заповеди. Они предложили патриархов, но каждый из них совершил какой-нибудь грех. Они называли Моисея своим поручителем; даже он не был невинен. Тогда они сказали: "Пусть наши дети будут нашими заложниками". Господь принял их.

Точно так же есть много выражений, указывающих на то, что раввины Талмуда высоко ценили женщину: Люби свою жену, как самого себя; почитай ее больше, чем себя.—Выбирая жену, спустись на ступеньку ниже.—Если твоя жена маленького роста, наклонись и прошепчи ей на

ухо.—Божий алтарь оплакивает того, кто оставил любовь своей юности.—Тот, кто видит, как его жена умирает раньше него, как бы присутствовал при разрушении самого святилища; вокруг него мир погружается во тьму. — Только через женщину Божьи благословения изливаются на дом. Дети того, кто женится ради денег, станут для него проклятием — предупреждение, исключительно применимое к обстоятельствам нашего времени.

Особое очарование Агады лучше всего раскрывается в ее легендах и сказаниях, баснях и мифах, ее апологиях и аллегориях, ее загадках и песнях. Отправной точкой Агады обычно является какое-нибудь воспоминание о великом прошлом. Она переплетает и опутывает волшебной сетью жизни патриархов, пророков и мучеников и облекает свежей, пышной зеленью старые идеалы и фигуры, давая им новую жизнь для далекого поколения. Учителя Агады не упускают ни одной возможности, печальной или веселой, без того, чтобы не использовать ее под видом извинения или притчи. Сад Агады изобилует благоухающими цветами и сочными фруктами как для свадебных торжеств, так и для похорон, для банкетов и дней поста. Простота, изящество и детское веселье пронизывают его басни, но они глубоки, даже возвышенны в своей правдивости. "Их главное и непреходящее очарование - в их бездонной глубине, в их непритязательной красоте". Стихотворения, созданные с большим художественным мастерством, не встречаются. Тут и там скромный бутон лирической поэзии застенчиво поднимает свою головку, как в следующем двустишии, описывающем знаменитого, но пользующегося дурной славой раввина:

"Без очарования формы и лица.
Но с умом редчайшего изящества".

Над могилой того же учителя Талмуд плачет:

"Святая Земля украсила то, что дала утроба Сеннара;
И теперь наполненное слезами око Тверии оплакивает могилу своего сокровища".

Увидев мертвое тело патриарха Иегуды, раввин сокрушается:

"Ангелы стремились завоевать ковчег свидетельства.
Они победили людей; о чудо! Ковчег исчез!"

Еще одна песнь над каким-то принцем из царства интеллекта:

"Кедр охвачен пламенем;
Можно ли тогда спасти иссоп?
Левиафан с крюком был пойман;
Увы! ах ты, маленькая рыбка!
Глубокий и могучий ручей пересох,
О горе! вы, мелководные ручейки!"

Нет недостатка и в юморе. "Ах, корзина велика, книг полно, ты пропал!" - это панегирик книжному червю.

Поэты, естественно, не замедлили воспользоваться материалом, хранящимся в Агаде. Многие из ее сокровищ, воплощенных в современных стихах, были подарены миру. Ниже приведены примеры:[16]

РОЖДЕНИЕ И СМЕРТЬ

"Его руки быстро сжались, пальцы крепко сжались,
Так человек начинает эту жизнь.
Он претендует на богатства земли и объявляет себя
наследником всех ее даров.
Он думает, что его рука может схватить и удержать
Все, что дает жизнь.

Но когда, наконец, наступил конец,
Его руки широко раскрыты,
больше не сомкнуты. Теперь он прекрасно знает,
что тщетными были все его надежды.
Он смиренно говорит: "Я ухожу, и ничто не отнимается
от всего, что сотворили мои руки".

Следующая глава, "Проценты и ростовщичество", может помочь яркому противнику Талмуда составить лучшее представление о его позиции в финансовых вопросах:

"Смотри! сотворенные вещи всякого рода
Дают займы друг другу. День сменяется ночью,
А ночь днем; и они не ссорятся,
как люди, которые сомневаются в разуме друг друга,
Даже когда они произносят дружеские слова, думают плохо.
Луна в восторге помогает звездному воинству,
И каждая возвращает свой дар без хвастовства.
Только когда Господь всевышний пожелает,
Чтобы земля погрузилась во мрак,
Он говорит луне: "Воздержись, сдерживай свой свет!-
И гасит, кроме того, мириады ночных ламп.
Из источника мудрости часто черпает знание,
В то время как мудрость смиренно извлекает уроки из знания.
Небеса ниспосылают благословения на благодарную землю,
И она — в драгоценных запасах недостатка нет —
Выдыхает и посылает ввысь справедливую награду.
Суровый закон с милосердием смягчает свои постановления,
А милосердие действует с силой благодаря постулату справедливости.
Добрые дела основаны на вере, посланной небесами,
в которой, в свою очередь, должен быть сок поступков.
Каждое создание берет займы, одалживает и отдает с любовью,
Без споров, чтобы почтить всевышнего.

Однако, когда человек накормил своих ближних,
Тогда, несмотря на закон, запрещающий проценты,
Он не думает ни о чем, кроме проклятой выгоды, которую можно вырвать.
Тот, кто занимается ростовщицеством, по-моему, сказал:
"О Господь, прекрасна Твоя земля!
Но почему люди должны просто так наслаждаться ее равнинами?
Проси прощения, поскольку это Ты посылаешь дожди.
Купили ли они деревья, их плоды и цветы?
На все, чем они здесь наслаждаются, Ты претендуешь больше всего:
На небесные сферы, которые сияют днем и ночью,
на бессмертную душу, озаренную Твоим светом,
И на чудесную структуру их каркаса.
Но Бог отвечает: "Теперь приди и посмотри! Я даю
открытой, щедрой рукой, но ничего не беру;
Земля дает богатство, и вы не должны ничего возвращать взамен.
Но знайте, о люди, что только пока вы живы,
Вы можете наслаждаться этими дарами моей награды.
Столица принадлежит мне, и, конечно же, я потребую, чтобы
дух в тебе был посажен моей рукой,
И земля получит причитающуюся ей награду."
Прах к праху человека собирается в могиле,
Его душа возвращается к Богу, который милостиво дал".

Р. Иегуда бен Заккай отвечает своим ученикам, которые спрашивают:

"Почему Закон более сурово обходится с теми,
которые крадут ягненка из загона,
Чем с разбойниками с большой дороги, которые бесстыдно крадут
Твой кошелек силой среди бела дня?"

"Потому что разбойники одинаково уважают
хозяина и его слугу.
Их злоба открыта, откровенна и дерзка,
Они не боятся ни Бога, ни человеческих запретов.

Вор испытывает больше уважения к земному закону,
Чем к оку своего небесного Хозяина,
Присутствие Человека вызывает страх и благоговение,
Забывает, что его видит Бог на небесах".

Это проблеск мира Агады — чудесного, фантастического мира, калейдоскопической панорамы
чарующих видов. "Хорошо ли мы можем понять душевное смятение средневекового богослова
или даже современного *ученого*, который, стремясь проследить за самыми тонкими поворотами
некоторых научных дебатов на страницах талмуда — геометрических, ботанических,
финансовых или иных - поскольку они вращаются вокруг соблюдения субботы, выращивания

семян, подсчета десятины и налогов, чувствует, как почва внезапно уходит из-под ног. Громкие голоса стихают, двери и стены классной комнаты исчезают у него на глазах, и на их месте встает Великий Рим, Города и Орбиты и ее многоголосая жизнь. Или видны цветущие виноградники вокруг другого Города на Холмах, самого Золотого Иерусалима, и среди них мечтательно движутся одетые в белое девственницы. Слышны обрывки их песен, ритм их хоровых танцев поднимается и опускается: это самый страшный День Искупления, который, по поэтическому контрасту, был выбран "Розой Сарона" как день радости для прогулки среди этих колышущихся полей с лилиями и поросших виноградом склонов. Или рокот восстания звучит высоко и пронзительно в сложных дебатах, и Валтасар, история о чьем жутком пиршестве рассказывается со всеми добавлениями сводящего с ума ужаса, служит Нерону кровавому; или Навуходоносор, вавилонский тиран, и все его воинство проклинаются вопиющим проклятием — по поводу какого-нибудь совершенно неуместного юридического пункта, в то время как для посвященных он означает Тита — наконец взорвавшегося — "Усладу человечества". ... Часто — слишком часто ради интересов науки и славы рода человеческого — размеренный топот римской когорты, пароль революции, вопль и лязг кровавого поля боя прерывают эти дебаты, и спорящие учителя и ученики обнажают оружие и с криком "Иерусалим и свобода" бросаются в бой".[17] Таков мир Талмуда.

ЕВРЕЙ В ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ[18]

На заре цивилизации рытье колодцев считалось благотворным трудом. Путеводные столбы, видимые издалека, отмечали их положение, и в честь этого события сочинялись гимны и устраивались торжественные пиршества. Одно из лучших произведений ранней еврейской поэзии - "Песнь о колодце". Душа в благодарной радости ликующе призывает своих товарищей: "Встань! спой песню колодцу! Колодец, который выкопали принцы, который выдолбили знатные люди из народа".[19] Этот дом также является путеводителем к недавно обнаруженному кладезю человечности и культуры, памятником нашей верности и рвения в признании и распространении истины. Подобная сцена напоминает мне прекрасные слова псалмопевца:[20] "Вот, как хорошо и как приятно братьям пребывать вместе в единстве. Это подобно драгоценному умащению головы, стекающему на бороду, даже на бороду Аарона, стекающему на полы его одежды; подобно росе Ермона, стекающей на горы Сиона; ибо там Господь заповедал благословение, то есть жизнь во веки веков".

Чудесные мысли, завуалированные чудесными образами! Скрытый смысл приведет нас к нашему празднику колодца, нашему празднованию в честь недавно открытых вод. Наш орден основан на убеждении, что все люди должны объединиться для достижения гуманных целей. Но что такое гуманность? Не филантропия, не благожелательность, не милосердие: это "человеческая культура, поднявшаяся до такой степени, на которой человек осознает всеобщее братство и стремится к осуществлению общего блага". В древние времена вожди людей были помазаны елеем, символом мудрости и божественного вдохновения. Прежде всего было необходимо, чтобы он использовался при посвящении священников, выразителей божественного духа и Закона. Идея псалмопевца заключается в том, что подобно тому, как драгоценное миро в изобилии стекает по бороду Аарона к подолу его одежды, точно так же мудрость и божественный дух изольются из уст священников, наставников, друзей и учителей народа, распространителей закона мира и любви.

"Как роса Хермона, стекающая на горы Сиона!" Высоко над всеми горами возвышается Хермон, его гребень окутан облаками и покрыт вечными снегами. С этой небесной вершины стекает благодарная роса, орошая землю, которая когда-то "текла молоком и медом". Из его расщелин вытекает Иордан, самый могучий поток на земле, орошающий своим течением широкую равнину. В этом обличье Господь даровал земле Свое благословение, благословение цивилизации и материального процветания, из которых вытекают обязанности милосердия и общечеловеческой направленности.

Это картинка из старины, адрес логи времен певцов псалмов. Дни бегут, время пребывает; люди уходят, человечество пребывает. Исполненные освященных веками мыслей, вдохновленные надеждами ушедших поколений, стремящиеся к цели благородных людей во все века, подобно певцам псалмов во времена ранней культуры, мы празднуем праздник колодца, оглядываясь на прошлое и глядя вперед, на пути времени.

Менее пятидесяти лет назад группа энергичных, лояльных евреев по другую сторону Атлантики основала наш любимый Орден. Теперь она утвердилась во всех частях света, от крайнего западного побережья Америки до благословенных лугов Иордана; да, даже на Святой Земле, повсюду расправляя знамя милосердия, братской любви и единства и стремясь распространять образование и культуру, предшественников человечества. Иудаизм, заметьте, это религия человечества. Слишком поздно для нашего блага и блага человечества мы начали провозглашать эту истину с подобающей энергией и акцентом и демонстрировать ее с радостью убеждения. Вопрос в том, проникнуты ли мы этим убеждением? Наши знания об иудаизме невелики; мы едва ли имеем представление о том, что на протяжении веков, нет, тысячелетий, он сделал для прогресса цивилизации. По моему мнению, наше новоселье нельзя отпраздновать более достойно, чем взглянув на еврейскую культуру с высоты птичьего полета.

Библия - это учебник общей литературы. Из Библии, особенно из Десяти заповедей, принесенных с Синая, человечество извлекло свой первый этический урок в системе, которая все еще удовлетворяет его потребности. Чтобы дать хотя бы слабое представление о том, что Библия сделала для цивилизации, морали и литературы каждого народа — о бесчисленных текстах, которые она дала поэтам и сюжеты для художников, — сама по себе потребовалась бы литература.

Конфликты с окружающими нациями, которым они подвергались, заставили евреев сконцентрировать свои силы и, таким образом, позволили им вести успешную войну с нациями, более могущественными, чем они сами. Их героизм при Маккавеях и Бар-Кохбе, в средние века и в наши дни, позволяет им занять одно из первых мест в истории. Историк литературы, нееврей, перечисляет три фактора, делающих евреев важными агентами в сохранении и возрождении образования:[\[21\]](#) Во-первых, их способности как трейдеров. Финикийцы считаются древнейшей торговой нацией, но евреи оспаривали у них пальму первенства. Зебулон и Ашер в очень ранние времена были племенами мореплавателей. При Соломоне израильские корабли доходили до Офира, чтобы доставить золото Африки в Иерусалим. До разрушения Святого города еврейские общины обосновались на самом западном побережье Европы. "Весь известный мир был покрыт их поселениями, находившимися в постоянном общении друг с другом через странствующих купцов, которые осуществляли обмен знаниями, а также товарами; в то время как другие народы становились все более и более изолированными

и закрывались даже от тех редких возможностей развития ментальной культуры, которые тогда были доступны".

Вторым фактором, способствующим умственному развитию, были школы, процветавшие в Израиле со времен пророка Самуила; и третьим были языковые достижения евреев, которыми они были обязаны природным способностям в этом направлении. Едва греческий язык соединился с еврейской мыслью, как александрийские евреи написали по—гречески, сравнимому с платоновским, и не более чем через двести лет после поселения евреев в Аравии мы встречаем большое количество еврейских поэтов среди учеников Мухаммеда, в то время как в средние века они преподавали и писали по-арабски, по-испански, по-французски и по-немецки - разносторонность, естественно благоприятствующая интеллектуальному прогрессу.

Можно сказать, что еврейское влияние начало проявляться в общей культуре, когда иудаизм и эллинизм впервые встретились. Результатом встречи стал новый продукт, иудео-эллинская литература. Греческая цивилизация была привлекательна для евреев. Новые идеи были популяризированы для усвоения всеми слоями населения. Незадолго до того, как рухнул старый языческий мир, эллинизм пережил прекрасное, неожиданное возрождение в Александрии. Там, как ни странно, иудаизм, на своей родине враждебный эллинизму, наполнился греческим духом и объединился с ним. Его литература постепенно перенимала греческие традиции, и зрелым плодом этого союза стала иудео-александрийская религиозная философия, посредничество между двумя резко противоречащими системами, впервые поставленными в близкое соседство и нуждающимися в каком-то таком новом элементе для их гармонизации. Когда древняя цивилизация в Иудее и Элладе пришла в упадок, перед человечеством была поставлена задача примирить эти две великие исторические силы, диаметрально противоположные друг другу, и первая попытка достичь этой цели была вдохновлена еврейским гением Иисусом из Назарета.

Александрийские евреи занимались широко распространенной торговлей и судоходством, и среди них были художники, поэты, гражданские чиновники и механики. Они естественным образом усвоили греческие обычаи, а вместе с ними и эллинские пороки. Афинским вакханалиям с энтузиазмом подражали в Иерусалиме и, как само собой разумеющееся, в Александрии. Достигнув этой точки, римская цивилизация утвердила себя, и люди стремились присоединиться к своим римским победителям, в то время как раввины посвятили себя Закону, не исключая, однако, научной работы. В рядах врачей и астрономов мы находим еврейских мастеров и еврейских учеников. Медицина всегда пользовалась большим уважением у евреев, и Самуил мог по праву похвастаться перед своими современниками тем, что запутанные ходы звезд были ему так же хорошо известны, как улицы Нехардеи в Вавилонии.^[22]

Сокровища информации по педагогике, медицине, юриспруденции, астрономии, географии, зоологии, ботанике и, наконец, по общей истории, погребенные в Талмуде, до сих пор не были оценены по достоинству. Раввины Талмуда стояли в первых рядах культуры. Они составили календарь в полном соответствии с метоновым циклом, который современная наука должна признать безупречным. Их классификация костей человеческого тела лишь незначительно отличается от современных результатов анатомической науки, и Талмуд демонстрирует, что некоторые предписания Мишны основаны на геометрических положениях, которые могли быть известны лишь немногим математикам того времени. Рабби Гамалиил, который, как говорят,

пользовался телескопом, был известен как математик и астроном, а в 289 году н.э., как сообщается, рабби Джошуа вычислил орбиту кометы Галлея.

Римское завоевание Палестины изменило положение евреев. Никогда прежде Иуда не подвергался таким пыткам и страданиям, как под скипетром Рима. Нищета стала невыносимой, к иностранному гнету добавились внутренние беспорядки, вспыхнуло неудачное восстание, которое нанесло смертельный удар еврейской национальности и отправило Иудею в изгнание. На свой тернистый мученический путь он не взял с собой ничего, кроме книги — своего кодекса, своего закона. И все же, как расточителен его вклад в фонд культуры человечества!

Примерно пятьсот лет спустя Иуда увидел, как на его собственной земле зарождается новая религия, которая присвоила себе лучшее и прекраснейшее из его духовных достояний. Быстро выросла обширная политическая и интеллектуальная структура мусульманской державы, и, как прежде с греческой, так и еврейская мысль теперь объединилась с арабскими устремлениями, породив в Испании золотой век неоеврейской литературы в сферах поэзии, метафизических спекуляций и всех областей научных исследований. Не будет преувеличением сказать, что средние века поддерживали себя плодами этого интеллектуального труда, который, более того, дошел в наследство до нашей современной эпохи. Через двести лет после Мухаммеда евреи Кайруана и Багдада говорили на одном и том же арабском языке. Оснащенные таким образом, они замечательным образом выполнили задачу, поставленную перед ними их талантами и обстоятельствами, которой они с особым рвением посвящали себя в течение двух столетий. Евреи являются назначенными посредниками между Востоком и Западом, и их деятельность как таковая, иллюстрируемая их вкладом в общую культуру и науку, представляет особый интерес. В рассматриваемый период их лингвистические достижения позволили им помочь сирийцам сделать греческую литературу доступной для арабского сознания. В самой арабской литературе они заняли видное место. Современным исследованиям пока не удалось пролить свет на развитие и распространение науки среди арабов под опекой сирийских христиан. Но во мраке греко-арабской культуры зарождаются еврейские имена, обладатели которых были учителями усердных арабских учеников. Всего через пятьдесят лет после того, как воинство Пророка завоевало Святую Землю, еврей из Бассоры перевел с сирийского на арабский "Пандекты" пресвитера Аарона, знаменитый медицинский труд средневековья. В анналах следующего столетия, среди первых авторов арабской литературы, мы встречаем имена евреев как переводчиков медицинских, математических и астрономических трудов, а также как грамматиков, астрономов, ученых и врачей. Еврей перевел "Альмагест" Птолемея; другой помогал в первом переводе басен об индийской лисе (*Калила ве-Димна*); первый дал средневековью основы их астрономической науки, второй снабдил европейских поэтов литературным материалом. С помощью евреев арабы познакомились еще в восьмом веке, незадолго до того, как греческие знания стали доступны им, с индийской медициной, астрономией и поэзией. Самой греческой наукой они были обязаны еврейскому посредничеству. Не только среди евреев, но и среди греков, сирийцев и арабов еврейская разносторонность способствовала распространению веры в то, что "вся мудрость - от евреев", - точку зрения, часто повторяемую эллинистами, "Праведными братьями" среди арабов, а позже христианскими монахами Европы.

Еврейские академии всегда были пропитаны научным духом. Оказывая влияние на других, они позволяли науке и культуре своих соседей влиять на их жизнь и работу. Например, нет сомнений в том, что, несмотря на заметную разницу между темами, рассматриваемыми

арабами и евреями, особые качества староарабской лирики сформировали неоеврейскую поэзию. Опять же, поскольку еврейские псалмы-акrostихи явно служили образцом для старых сирийских церковных поэтов, то, в свою очередь, сирийская псалмопение, вероятно, стала образцом, которому следовала синагогальная поэзия. Таким образом, еврейская поэзия завершила цикл, который, конечно, нельзя точно проследить на всех его исторических этапах, но который критические исследования и сравнительное изучение литератур установили почти с уверенностью.

В девятом веке смелый, отважный путешественник Эльдад ха-Дани,^[23] своего рода еврейский Улисс, появился среди евреев, и в то же время иудаизм породил Саадию, своего первого великого религиозного философа и переводчика Библии. Отцы Церкви всегда смотрели на раввинов как на авторитеты; отныне все ученые считали евреев учителями толкования Библии. Саадия был первым из раввинов, перевевшим Еврейские Писания на арабский. Справедливо сказано, что его работа "признает течение мысли, доминировавшее в его время, и выражает вновь пробудившееся желание примирить религиозную практику, сложившуюся на протяжении поколений, с источником религиозного вдохновения". Кроме того, он был первым, кто разработал систему религиозной философии в соответствии с жестким планом и в строго научном духе.^[24] Зная греческие рассуждения, он оспаривает их с такой же силой, как и Калам исламской философии. Его учение формирует систему практической этики, светлых размышлений и здравых максим. Среди его современников был Исаак Израэль, врач из Кайруана, чьи работы в их латинском переводе монаха Константина приобрели большую известность, а позже были списаны авторами-медиками. Его трактат о лихорадке был высоко оценен, его перевод изучался как учебное пособие на протяжении веков, а его диетические труды оставались авторитетными в течение пятисот лет. В целом, медицинская наука арабов в большом долгу перед ним. Почтение к еврейским медицинским способностям в те дни было настолько преувеличено, что Галена отождествляли с еврейским мудрецом Гамалиилом. Ошибка была допущена в "Сефер Асаф", любопытном медицинском фрагменте неопределенного авторства и происхождения, из-за повторения старого мидраша, в котором происхождение лекарства восходит к Симу, сыну Ноя, который получил его от ангелов и передал древним халдеям, а они, в свою очередь, передали его египтянам, грекам и арабам.

Хотя зарождение медицины вряд ли произошло среди евреев, бесспорно, что врачам еврейской расы в значительной степени следует приписать развитие медицинской науки в любой период. В то время, о котором мы говорим, евреи в Египте, северной Африке, Италии, Испании, Франции и Германии были обычными врачами халифов, императоров и пап, и везде они представлены среди медицинских писателей. Положение, которое в арабском мире занимал израильтянин, на Западе занимал Сабаттай Донноло, представитель школы Салерно на заре ее существования, автор труда о *Materia medica*, возможно, старейшего оригинального произведения по медицине на иврите.

Период еврейского процветания в Испании был назван сказочным видением истории. Культура, развитая под его гениальным влиянием, пронизывала средние века и проецировала свои идеи даже на нашу современную эпоху. Одним из самых известных ученых начала того периода был государственный деятель Хасдай бен Шапрут, чей перевод "Знаний о растениях" Диоскорида послужил учебником ботаники средневековой Европы. Первым поэтом был Соломон ибн Габироль, автор "Источника жизни", систематического изложения неоплатонической философии, книги с самыми любопытными судьбами. Благодаря латинскому переводу,

сделанному с помощью еврея-отступника и носящему имя автора в искаженной форме Avencebrol, позже измененной на Avicebron, схоластика пропиталась своими философскими идеями. Благочестивые отцы христианской философии, Альберт Великий и Фома Аквинский, приложили все усилия, чтобы опровергнуть их, в то время как Дунс Скот и Джордано Бруно часто обращались к этой работе как к авторитету. В борьбе между скотистами и томистами она занимала видное место еще в четырнадцатом веке, соперники считали ее работой какого-то великого христианского философа, стоящего на пороге Запада и у врат философии. Так случилось, что автор прошел сквозь века, никем не признанный, забытый самими собой, пока в наше время за мавританско-христианской маской Авенсеброля Соломон Мунк не обнаружил еврейского мыслителя и поэта Соломона ибн Габироля.

Работа *De Causis*, приписываемая Давиду, забытому еврейскому философу, должна быть отнесена к "Источнику жизни" Габироля из-за ее неоплатонизма и первостепенного влияния на схоластику. Фактически, только посредством тщательного анализа этих двух работ можно получить представление о развитии и отклонениях догматической системы средневековой философии.

Среди них процветали и другие науки, особенно математика. Спустя столетие после того, как он написал их, труды Авраама ибн Эзры, известного как астроном и математик, были переведены на латынь итальянцами, среди которых его авторитет был настолько велик, что, как до сих пор можно видеть, он был изображен среди толкователей математической науки на фреске итальянской церкви, представляющей семь свободных искусств. Под именем Авраам Иудей, позже преобразованным в Авенаре, он встречается на протяжении всего средневековья. Авраам бен Чия, другой выдающийся ученый, известный под именем Савасорда, составил первый систематический очерк астрономии, и в своем географическом трактате он объяснил сферичность земли, в то время как латинский перевод его геометрии, основанный на арабских источниках, доказывает, что он значительно пополнил запас знаний в этой области. Интеллектуальная сила Моисея Маймуни и его влияние на схоластов через его медицинские и, в особенности, религиозно-философские труды слишком хорошо известны, чтобы нуждаться в более чем мимолетном упоминании.

Даже на юге Франции и в Германии, куда свет культуры распространялся не так быстро, как в Испании, евреи участвовали в развитии наук. Соломон бен Исаак, по имени Раши, великий экзегет, считался авторитетом среди других, помимо его братьев по вере. Николя де Лира, один из самых выдающихся христианских толкователей Библии, признает, что его простые объяснения отрывков из Священных Писаний взяты преимущественно из библейского комментария Раши, и среди ученых признано, что именно в вопросе толкования этот французский монах оказал решающее влияние на Мартина Лютера. Таким образом, случается, что в некоторых местах перевода Библии Лютера Раши виден сквозь очки Николаса де Лира.

В оживленной интеллектуальной жизни Прованса евреи также принимали активное участие. Дэвида Кимчи стали считать *выдающимся* преподавателем грамматики и лексикографии иврита, а Иуда ибн Тиббон, один из самых известных переводчиков, в своем завещании, адресованном своему сыну, представил полную презентацию современной науки, энциклопедию арабского и ивритского языков и литературы, грамматики, поэзии, ботаники, зоологии, естественной истории и особенно религиозной философии, изучения Библии и Талмуда.

За золотым веком литературы последовал менее творческий период, важный поворотный момент в истории иудаизма как духовного прогресса в целом. Борьба между традицией и философией затронула умы каждого. Литература широко культивировалась; каждое из ее направлений нашло приверженцев. Изучались европейские языки, и устанавливались связи между литературами разных стран. Едва ли какое-либо духовное течение, проходящее через средневековье, каким-либо образом не повлияло на еврейскую культуру. По иронии истории, доминиканец Альберт Магнус входит в число сорока проскрипторов Талмуда, собравшихся в Париже в XIII веке, который в своих успешных попытках направить схоластическую философию в новое русло полностью полагался на труды и переводы тех самых евреев, которых он помогал преследовать. Схоласты были слишком плохо знакомы с греческим, чтобы читать Аристотеля в оригинале, и поэтому вынуждены были довольствоваться принятием иудео-арабской конструкции, наложенной на учение греческого мудреца.

Помимо того, что евреи выступали в качестве посредников, они внесли оригинальный вклад в схоластическую философию. Например, Маймонид, первым примиривший учение Аристотеля с библейским богословием, был создателем метода, принятого схоластами в случае, когда принципы Аристотеля расходились с их догмами. Фридрих II, либеральный император, нанимал при своем дворе еврейских ученых и переводчиков; среди них Якоб бен Абба-Мари бен Анатоли, которому выплачивалась рента за перевод работ Аристотеля. Майкл Скотус, имперский астролог, был его близким другом. Его современниками были в основном популярные философы или мистики, за исключением только выдающегося провансальца Якоба бен Махира, или Профатия Иудея, как его называли, члена семьи переводчиков Тиббон. Его наблюдения о наклоне земной оси были позже использованы Коперником в качестве основы для дальнейших исследований. Он был известным преподавателем в академии Монпелье, что напоминает мне упомянуть о том, что евреи были в значительной степени причастны к основанию и успеху медицинских школ в Монпелье и Салерно, они, действительно, были почти единственными врачами во всех частях известного мира. Салерно, в свою очередь, предполагает Италию, где в тот период делались переводы с латыни на иврит. Гиллель бен Самуэль, например, тот самый, который вел оживленную философскую переписку с другим выдающимся евреем, маэстро Исааком Гайо, врачом папы римского, перевел с латыни на иврит некоторые труды Фомы Аквинского, книгу Бруно ди Лунгобурго "Хирургия" и различные другие работы.

Эти преемники великих умов золотого века неоеврейской литературы, досконально знакомые с арабской литературой, занялись тем, что сделали доступной для литературной Европы сокровищницу индийских и греческих басен. Их переводы и компиляции имеют особое значение в истории развития литературы. В средние века, когда память о древней литературе исчезла, они были средством сохранения романов, волшебных сказок и басен, которые дошли, через Испанию и Аравию, от классической античности и многоцветного восточного мира до нашей современной литературы. Между одиннадцатым и тринадцатым веками были заложены основы нашей повествовательной литературы, демонстрирующие важность восхищения баснями, историями о путешествиях и всевозможными повествованиями, поскольку этому мы обязаны созданием новых и трансформацией старых литературных форм.

В то время в Германии еврейский миннезингер и бродячий менестрель Зюскинд фон Тримберг путешествовал взад и вперед по стране, от замка к замку, с гильдией поэтов; в то время как Сантоб ди Каррион, еврейский трубадур, отважился давать советы и нравоучения кастильскому

королю Дону Педро перед собравшимся народом. Столетие спустя другой еврей, Самсон Пни из Страсбурга, оказал свою помощь двум немецким поэтам в работе над продолжением "*Парцифалья*". Историки немецкой литературы недостаточно подчеркивают роль евреев, какими бы сильно притесняемыми и преследуемыми они ни были, в создании национальных эпосов и рыцарских романов с тринадцатого по пятнадцатый век. Немецкие евреи, будучи более чем общепризнанно прилежными читателями поэтов, были хорошо знакомы с течением средневековой поэзии, и этому знакомству новый раздел еврейской литературы был обязан своим возникновением и развитием. Говорят, что еврейская версия артуровского цикла была создана еще в тринадцатом веке, а в конце того периода мы встречаем эпические поэмы о библейских персонажах, написанные *внибелунговском* размере, в подражание древнегерманским легендам и национальной поэзии.

Если немецкие евреи искренне интересовались литературой, то можно предположить, что испанские и провансальские евреи участвовали в развитии своих соответствующих национальных литератур и поэзии трубадуров. В этих странах также сформировался новый вкус к популярной литературе, особенно в форме басен, призванных служить моральным целям. Еврей Берахья бен Натронаи был предшественником Марии де Франс, знаменитой французской баснописец, и Лафонтен и Лессинг обязаны ему некоторыми своими материалами. Как и в случае с аристотелевской философией и греческой и арабской медициной, евреи взяли на себя роль посредников в передаче басен. Индийские басни достигли своего арабского облика либо непосредственно, либо через персидский и греческий языки; отсюда они перешли в еврейские и латинские переводы и через эти последние формы стали достоянием европейских языков. Например, перевод на иврит древнесанскритских басен о лисе оказал величайшую услугу литературной эволюции. Переводчику "*Лисьих басен*" приписывают также перевод романа "*Семь мудрых мастеров*" под названием *Мишле Сандабар*. Эти два произведения дали толчок большому циклу в западной литературе, и представляется вполне вероятным, что первое знакомство Европы с ними датируется их переводом на иврит.

И в арабской поэзии многие евреи заслуженно прославились. Авраам ибн Сахль снискал такую известность, что арабы, печально известные своей скупостью, отдавали десять золотых за одну из его песен. Другие поэты дошли до нас по именам, а Джозеф Эзоби, которого Рейхлин называет *Judæorum poeta dulcissimus*, зашел так далеко, что превозносил арабский язык выше еврейской поэзии. Он был первым, кто произнес изречение, знаменитое в повторении Буффона: "Стиль - это сам человек". Прованс, страна песен, произвел на свет Калонимоса бен Калонимоса (маэстро Кало), известного своим братьям по вере не только как поэт, но и как ученый, чьи переводы с арабского на иврит являются наиболее важными работами по философии, медицине и математике. Как Анатолий работал при императоре Фридрихе II, так и Калонимос был привязан к Роберту Неаполитанскому, покровителю еврейских ученых. Одновременно с испанскими и немецкими менестрелями в Риме процветал Эммануил бен Соломон, друг Данте, после смерти которого он написал итальянский сонет и чья *Божественная комедия* вдохновила часть его поэтических произведений, также описывающих посещение рая и ада.

По мере усердного культивирования романтической поэзии, которая постепенно узурпировала место нравоучительных романов, возрастало значение восточных легенд и традиций, столь насыщенных литературными предложениями. Об этом свидетельствует использование перевода индийских басен на иврит, упомянутого ранее, и знаменитого сборника сказок

"Дисциплина священнослужителей" крещеного еврея Петруса Альфонсуса. Евреи, естественно, ввели многие из своих собственных специфических традиций, и таким образом можно объяснить присутствие рассказов из Талмуда и мидраша в наших современных книгах сказок.

Необходимо еще раз отметить, что евреи, в свою очередь, подчинились влиянию иностранной литературы. Эммануэль Роми, например, в своих лучших проявлениях является представителем провансальского стихосложения и схоластической философии, в то время как его промахи свидетельствуют о самодовольстве и легкомыслии, характерных для того времени. Говорят, что Иегуда Романо, один из его современников, был учителем короля Неаполя. Он был первым евреем, достигшим критической оценки причуд схоластики, но его притязания на упоминание основаны на его переводах с латыни.

Как евреи способствовали зарождению арабского, французского и немецкого языков, так и они внесли свой вклад в зарождение испанской литературы. Евреям следует приписать первую "Хронику Сиды", роман "*Граф Лион*", "*Паланус*", первый сборник рассказов, первые шахматные стихи и первые песни трубадуров. Опять же, самая старая коллекция *last into cancionera* была сделана евреем Хуаном Альфонсо де Бена.

Даже в далекой Персии есть доказательства еврейских способностей и энергии в те дни. Один еврей сочинил эпос на библейскую тему на персидском языке, другой перевел Псалмы на местный.

Самым выдающимся еврейским представителем философии в этот век повышенного интереса к метафизическим спекуляциям и состязаниям был Леви бен Герсон (Леон ди Баннолас), теолог, ученый, врач и астроном. Один из его предков, Герсон бен Соломон, написал работу, типичную для состояния естественных наук в его время. Главный труд Леви бен Гersona стал известен не только среди евреев. О нем говорили с похвалой Пико делла Мирандола, Рейхлин, Кеплер и другие христианские мыслители. Он был изобретателем астрономического инструмента, описание которого было переведено на латынь по прямому указанию папы Климента VI и тщательно изучено Кеплером. Кроме того, Леви бен Герсон был автором арифметической работы. В те дни, фактически вплоть до семнадцатого века, существовала лишь едва различимая разделительная линия между астрономией и математикой, как между медициной и естественной историей. Иоанн Севильский был выдающимся математиком, составителем "Практической арифметики", первым упомянул десятичные дроби, которые, возможно, были его изобретением, а в "Зоаре", учебнике средневекового еврейского мистицизма, появившемся за столетия до времен Коперника, утверждается, что причиной смены дня и ночи является вращение земли вокруг своей оси.

В этот великий переводческий период едва ли хоть одна отрасль гуманитарных наук избежала умственной алчности евреев. Они сочли достойными перевода такие эссе, как "Правила подковывания лошадей и ухода за ними в королевских конюшнях" и "Искусство резьбы по дереву и сервировки за княжескими столами". Переводы работ по схоластике теперь заняли место рядом с переводами греческих и арабских философов, а к переводам с арабского на иврит добавились переводы с латыни и на нее или даже на народную идиому везде, где развивались литературные формы. Можно обосновать смелое утверждение, что ни один выдающийся труд древней науки не остался непереведенным. С другой стороны, трудно предположить, какова была бы судьба этих сокровищ древности без еврейского

посредничества. Несомненно, важным фактором в этой работе было поощрение еврейских ученых просвещенными правителями, такими как император Фридрих II, Карл и Роберт Анжуйские, Джеймс I. Арагонский и Альфонсо X. Кастильский, а также папами римскими и частными покровителями образования. Упоминался вклад евреев в работу медицинских школ Монпелье и Салерно. При Джейме I. Христианские и еврейские ученые Барселоны гармонично работали вместе, продвигая дело цивилизации и культуры на своей родной земле. Первым, кто использовал каталонский диалект в литературных целях, был еврей Иегуда бен Аструк, и при Альфонсо (X.) Мудром евреи снова заняли видное место в любимой науке короля - астрономии. Таблицы Альфонсина были в основном работой Исаака ибн Сиды, *хазана* из Толедо (регента). В целом, результаты, достигнутые еврейской наукой при дворе Альфонсо, имели первостепенное значение, поскольку в значительной степени способствовали установлению в эпоху Тихо де Браге и Кеплера фундаментальных принципов астрономии и правильного представления об орбитах небесных тел. Такая же внушительность характеризует еврейские исследования в математике, науке, в которую, поднявшись над уровнем посредников и переводчиков, евреи внесли оригинальный важный вклад, первым из которых является книга Исаака Израэля "Основание Вселенной". Основываясь на своих наблюдениях Маймуни и заявлении Абрахама бен Чии о сферичности земли, Израэль показал, что небесные тела, по-видимому, занимают не то место, в котором они кажутся наблюдателю в центре земли, и что эти два положения различаются на определенный угол, с тех пор известный как параллакс в научной терминологии. Иуде Хакохену, ученому, состоявшему в переписке с Альфонсо Мудрым, приписывается расположение звезд в сорока восьми созвездиях, а другому еврею, Эстори Хафарчи, мы обязаны первым топографическим описанием Палестины, куда он эмигрировал, когда евреи были изгнаны из Франции Филиппом Красивым.

Тем временем положение евреев, рассматриваемое снаружи и изнутри, стало самым плачевным. Каббала привлекла в свой заколдованный круг сильнейшие еврейские умы. Научные устремления, казалось, полностью угасли. Даже при изучении Талмуда отказывались от простых, неискаженных методов интерпретации и придерживались сложной диалектики северофранцузской школы. Синагогальная поэзия пребывала в упадке, а общая культура не находила приверженцев среди евреев. Иногда только религиозные споры между евреями и христианами побуждали некоторых приобщаться к светским отраслям знания. В четырнадцатом веке Хасдай Крекас был единственным философом с оригинальной системой, которая в своих рассуждениях о свободе воли и природе Бога предвосхищала взгляды того, кто был более велик, чем он сам, который, однако, преследовал иную цель. Этот более поздний и великий философ, которому мир обязан проповедью современной жизни, также был евреем, потомком испано-еврейских беглецов. Его зовут Барух Спиноза.

Какой бы печальной ни была их судьба, еврейская литература никогда полностью не избегала рассмотрения предметов, представляющих общий интерес. Это получает любопытное подтверждение в повторном введении своеобразных взглядов Соломона Габироля в еврейскую религиозную философию посредством христианской схоластики, сформулированной, в частности, Фомой Аквинским, *Доктором ангеликом*.

Эпоха Возрождения и гуманистическое движение также обнаруживают еврейское влияние в действии. Дух свободы, распространившийся по всей земле, прошел через чертоги Израиля, расчищая отныне путь, по которому будут ступать люди. И снова ученые были вынуждены прибегнуть к добрым услугам евреев, хранителей библейской древности. Изобретение

печатного станка послужило прекрасным стимулом для развития еврейской литературы. Первой продукцией новой машины были произведения на иврите, выпущенные в Италии и Испании. Среди сторонников Возрождения и одним из наиболее прилежных исследователей религиозно-философских систем был Элиас дель Медиго, друг Пико делла Мирандолы и судья, выбранный враждующими группировками в Падуанском университете. Джон Рейхлин, глава гуманистов, обучался ивриту у Обадии Сфорно, *ученого* с глубокими познаниями, который посвятил свой "Комментарий к Экклезиасту" Генриху II Французскому. Абрахам де Бальмес был преподавателем в университетах Падуи и Салерно и ординарным врачом кардинала Доминико Гримани. Йоханан Алеманно из Мантуи сделал Каббалу доступной героям Возрождения, и есть пафос в том, с какой настойчивостью Рейхлин умоляет Якоба Марголес, раввина из Нюрнберга, прислать ему каббалистические труды в дополнение к тем, что находятся в его распоряжении. Добрые услуги Рейхлина евреям — его защита их от нападок мракобесов - общеизвестны. Среди учителей гуманистов, открывших им сокровища библейской литературы, наиболее выдающимся был Элиас Левита, через своих учеников Себастьяна Мюнстера и Пауля Фагуса внедривший изучение иврита в Германию. Его можно считать истинным гуманистом, подлинным представителем эпохи Возрождения. Его еврейскими наставниками были Иуда Абрабанель (Лео Гебрей), чьей главной работой были *Диалоги любви*, изложение неоплатонизма, распространенного в то время в Италии; Джейкоб Мантино, врач папы Павла III.; Боне ди Латтес, известный как писатель на астрономические темы и изобретатель астрономического инструмента; и ряд других.

В то время как в Италии испано-еврейские изгнанники присоединились к движению Возрождения, большое количество из них, нашедших убежище в Португалии, обратили свое внимание главным образом на астрономические исследования и путешествия с открытиями и приключениями, национальные предприятия их защитников. João II. нанимал евреев для исследований, стремящихся сделать достаточно безопасными путешествия по бездорожью, под неизвестным небом, для открытия давно и горячо разыскиваемых проходов в далекие страны. Немецкому рыцарю Мартину Бехайму в его поручении сконструировать прибор для точного указания курса судна помогали евреи—астрономы, метафизики и врачи, главными среди которых были Жозеф Весиньо, прославившийся своим участием в проектировании искусственного глобуса, и Педро ди Карвальо, мореплаватель, чьи претензии на похвалу основываются на его усовершенствовании *Астрологи* Лейба, а на порицание — на его пособничестве королю, когда он отклонил просьбу отважного генуэзца Колумба снарядить эскадру для открытия совершенно неизвестных земель. Но когда планы Колумба нашли долгожданное воплощение в Испании, еврейский юноша Луис де Торрес отправился в путь в числе девяноста сопровождавших его искателей приключений. Васко да Гама также получил помощь в поисках водного пути в Индию от еврея, лоцмана Гаспара, того самого, который позже изложил в письменном виде научные результаты путешествия, и два еврея были отправлены исследовать побережье Красного моря и остров Ормуз в Персидском заливе. Опять же, планы Васко да Гамы были частично реализованы при ценной помощи еврея, глубокого ученого Абрахама Закуто, который когда-то был профессором астрономии в Университете Саламанки, а после изгнания евреев из Испании - астрономом и хронографом португальского короля Мануэля Великого. Именно он посоветовал королю отправить экспедицию Да Гамы, и с самого начала исследователь опирался на его советы и научные знания.

Все они были достойны похвалы, но они не защитили евреев от надвигающегося изгнания. Изгнанники нашли убежища в Италии и Голландии, и в каждой стране они сразу же включились в преобладающее интеллектуальное движение. Врач Абрахам Порталеоне отличился на поприще антикварных исследований; другой, Дэвид д'Асколи, написал книгу в защиту евреев; и третий, Дэвид де Помис, книгу в защиту еврейских врачей. Самым известным был Аматус Лузитанский, одно из важных открытий которого, как говорят, вплотную приблизило его к проблеме кровообращения. До того, как изгнание евреев из Испании вступило в силу, Антонио ди Моро, еврейский разносчик из Кордовы, процветал как последний из испанских трубадуров, а Родриго да Кота, неохристианин из Севильи, как первый из испанских драматургов, предполагаемый автор "*Селестины*", одного из самых знаменитых старинных испанских драматических произведений.

Запрещенные под видом марранов и под гостеприимным кровом своих новых домов не могли быть изгнаны из литературной Испании, даже в самые последние ее периоды. Действительно, долгое время испанская и итальянская литературы соприкасались друг с другом только при посредничестве евреев. Не прошло и полувека после изгнания евреев из Португалии и их поселения в Италии, как еврей Соломон Уске сделал испанский перевод Петрарки (1567), посвященный Алессандро Фарнезе, герцогу Пармскому, и написал итальянские оды, посвященные кардиналу Борromeо.

В зените Возрождения евреи завоевали известность как итальянские поэты и проделали доблестную работу переводчиков с латыни на иврит и итальянский. В последние дни движения, в период Реформации, выдающиеся христианские ученые изучали иврит под руководством евреев и включили его в учебные программы университетов. Сам Лютер подчинялся раввинскому руководству в своих библейских исследованиях.

В большом количестве испанские изгнанники переехали в Турцию, где быстро возникли многочисленные новые общины. Там же, в Константинополе и других местах, евреи, такие как Элиас Мизрахи и Элиас Капсали, были первыми, кто занялся научными исследованиями.

Сейчас мы достигли дней глубочайшего горя для иудаизма. Тем не менее, перед лицом безжалостного угнетения евреи завоевывают уважение как дипломаты, хранители и защитники важных интересов при королевских дворах. С самого раннего периода своей истории евреи проявляли особый талант к искусству дипломатии. В арабо-испанский период они оказывали большое политическое влияние на мусульманских халифов. Династии Фатимидов и Омайядов нанимали еврейских представителей и министров, например, Самуэля ибн Нагделу, который был великим визирем халифа Гранады. Христианские монархи также ценили их услуги: как хорошо известно, Карл Великий отправил еврея своим послом к Гаруну аль-Рашиду; папа Александр III. назначил Йехиэля бен Абрахама министром финансов; и еще в пятнадцатом веке мудрый государственный деятель Исаак Абрабанель был министром Альфонсо V, Португалии, и, что удивительно, в течение восьми лет - Фердинанда и Изабеллы, Испании. В это время еврейская литература была благословлена покровителем в лице Джозефа Наси, герцога Наксосского, которого, как говорят, султан Селим II. хотел короновать королем Кипра. Его соперником был Соломон Ашкенази, посол Турции в Венецианской республике, который оказал решающее влияние на избрание польского короля. И это еще не конец списка еврейских дипломатов и министров.

К сожалению, Каббала, чары которой околдовали даже самые энергичные еврейские умы, была ведущим интеллектуальным течением тех печальных дней, превалирующим несчастьем, но служившим для того, чтобы сделать ее очарование еще более завораживающим. Но в руках таких людей, как Абрахам Эррера, оказавший влияние на Бенедикта Спинозу, даже каббалистические исследования были наполнены научным духом и приведены в связь с неоплатонической философией.

Упоминание о Спинозе наводит на мысль о Голландии, где евреев приняли доброжелательно, и вскоре после их прибытия они заинтересовались модными философскими занятиями. Лучшим показателем их положения в Голландии является выдающаяся роль Манассии бен Израэля в политике и литературных начинаниях Амстердама, а также его переговоры с Оливером Кромвелем. Мы можем простить ему гордость, которая заставила его сказать: "Я наслаждался дружбой самых мудрых и лучших людей Европы". Уриэль Акоста и Барух Спиноза, хотя и были выходцами с амстердамской *Юденгассе*, были пламенными патриотами.

Последним великим испанским поэтом был Антонио Энрике де Гомес, еврей Кальдерон, чучело которого сожгли в Севилье; в то время как последним известным португальским поэтом был Антонио Хосе де Сильва, который погиб на костре за свою веру, оставив свои драмы как драгоценное достояние португальской литературы.

Даже в самые мрачные дни упадка, когда изучение Талмуда, казалось, поглощало их внимание, евреи занимались научными исследованиями, о чем свидетельствует перевод Моисеем Иссерлесом *Теории*, астрономического трактата Пурбаха, венского гуманиста.

С миграцией евреев на восток, *юдендойч*, еврейско-немецкий диалект со своей литературой, был введен в славянские страны. Общеизвестным фактом является то, что этот жаргон является хранилищем определенных средненемецких выражений и элементов, которые больше не используются в современном немецком языке, и что филологи вынуждены прибегать к изучению польско-еврейского наречия, чтобы реконструировать старую идиому. В 1523 году, в год перевода Пятикнижия Лютером, в Кракове был опубликован еврейско-немецкий библейский словарь, а в 1540 году появился первый еврейско-немецкий перевод Пятикнижия. Немцы оказали сильное влияние на популярную литературу евреев. Представители двух национальностей использовали одни и те же темы, часто подражая одним и тем же образцам или используя одни и те же переводы. Немецкий "Тилль Уленшпигель" был напечатан в 1500 году, еврейско-немецкий - в 1600-м. Помимо включения немецкого фольклора, еврейско-немецкие произведения заимствованы из немецких романсов, ассимилированы иностранной литературой, не пренебрегали традициями самих евреев и включали даже народные песни, некоторые из которых сохранились до современной эпохи.

Упоминание хорошо известного факта, что изучение иврита, которым занимались христиане в восемнадцатом веке, продолжалось под еврейским влиянием, подводит нас к порогу современной эпохи, периоду еврейского Возрождения. Вот мы и на хорошо проторенной земле. Поскольку евреям было разрешено по своему желанию заниматься разнообразными занятиями, вытекающими из современной культуры, их важность как факторов цивилизации общепризнанна, и перечислять их достижения было бы утомительно и далеко выходило бы за рамки лекции.

Пытаясь показать, какую долю имел еврей в мировой цивилизации, я, естественно, интересовался главным образом литературой, ибо литература - это зеркало культуры. Однако было бы ошибкой предполагать, что еврей бездействовал в других сферах. Его вклад, например, в современное развитие международной торговли, нельзя недооценивать. Торговля в ее современном проявлении была создана торговыми республиками средневековой Италии - Венецией, Флоренцией, Генуей и Пизой, — и в них евреи определяли и регулировали ее ход. Когда Равенна рассматривала возможность союза с Венецией и формулировала условия для союза, одним из них было требование отправить туда богатых евреев, чтобы они открыли банк для помощи нуждающимся. Евреи были первыми, кто получил привилегию открывать банки в итальянских городах, и первыми, кто открыл преимущества системы чеков и переводных векселей, имеющей уникальное значение в развитии современной торговли.

Даже в искусстве, сфере, из которой, казалось бы, должны были изгнать их строгие законы, они не были совсем бездеятельными. Среди них всегда были ремесленники. В Венеции, в шестнадцатом веке, мы находим знаменитых еврейских граверов по дереву. Книга Якоба Вайля "Правила забоя скота" была опубликована с виньетками Ганса Гольбейна, а одна из работ Манассии бен Израэля была украшена фронтисписом Рембрандта. В нашем поколении евреи снискали славу художников и скульпторов, а музыка была их верным спутником, не покидавшим их даже в самые мрачные дни гетто.

Это, безусловно, многочисленные доказательства того, что еврей участвует во всех фазах и стадиях культуры, от ее первых зачатков до ее новейшего сложного развития — утешительное, возвышающее размышление. Ученый историк литературы, христианин, обсуждая этот предмет, был вынужден сказать: "Нашими первыми познаниями в философии, ботанике, астрономии и космографии, а также грамматикой священного языка и результатами изучения Библии мы обязаны в первую очередь евреям". Другой историк, также христианин, завершает обзор еврейских национальных черт словами: "Оглядываясь назад на ход истории, мы обнаруживаем, что во мраке, бедности и интеллектуальной лени средневековья евреи поддерживали рациональную систему ведения сельского хозяйства и развивали международную торговлю, на которой зиждется благосостояние наций".

Действительно, у нас есть основания для гордости, но не меньшие обязательства ложатся на нас. Я не могу удержаться от увещевания. Справедливости ради мы должны признать, что евреи черпали свою любовь к учебе и способность продвигать дело цивилизации из еврейских писаний. Более того, фактом является то, что эти еврейские писания больше не вызывают интереса и не претендуют на преданность евреев. Я утверждаю, что долг членов нашего Ордена - взять эту забытую, малопочтенную литературу под свою защиту и обеспечить ей признательность и поощрение, которые являются результатом знания.

Современный иудаизм представляет собой любопытное зрелище. Самая крошечная национальная группа в Восточной Европе, загоровшись идеей установления своей независимости, немедленно приступает к созданию литературы, если потребуется, изобретая и подделывая. Иудаизм обладает бесчисленными сокровищами неоценимой ценности, накопленными исследованиями и опытом в течение тысячелетий, и его современные дети отбрасывают их в сторону с безразличием, даже с презрением, предоставляя собирать и лелеять их сынам чужака, да, своим противникам.

Когда Гете в преклонном возрасте задумал и наметил схему всемирной литературы, первое место было отведено еврейской литературе. В его пантеоне мировой поэзии первым прозвучавшим тоном должна была быть "царственная песнь Давида и арфа". Но в целом на еврейскую литературу по-прежнему смотрят как на Золушку мировой литературы. Несомненно, настанет день, когда справедливость восторжествует, притязания Золушки будут признаны равными притязаниям ее царственных сестер, и они вместе войдут в просторные залы великолепного дворца литературы.

Среди молитв, предписанных для Дня Искупления, есть одна второстепенной важности, которая действует на меня наиболее серьезно. Когда вечерние тени удлиняются, а свет солнца убывает, еврей читает службу "*Нила*" с таким рвением, как будто он хочет "распахнуть врата рая своими слезами", и самые сокровенные глубины моей натуры наполняются меланхолической гордостью от молитвы благочестивого еврея. Он молит не о своем доме и своей семье, не о разрушенном Сионе, не о восстановлении Храма, не о пришествии Мессии, не об отсрочке страданий. Все его вздохи и надежды, вся его тоска и устремление сосредоточены в одной мысли: "Наше великолепие и наша слава исчезли, у нас отняли наши сокровища; нам не осталось ничего, кроме одного этого Закона". Если это правда; если ничего другого не осталось от нашего прежнего состояния; если этот Закон, эта наука, эта литература являются нашим единственным сокровищем и лучшим наследием, тогда давайте лелеять и культивировать их, чтобы иметь наследие, которое можно завещать нашим детям, чтобы оно сослужило им хорошую службу в борьбе с наступлением *Нила* человечества, дня, когда братья будут "жить вместе в единстве".

Возможно, этот день недалек. Мне кажется, я слышу шелест нового весеннего прилива человечества; мне кажется, я различаю утренний прилив новых, будоражащих мир идей, и перед моим мысленным взором встает мост, по которому проходят все народы земли, Израиль среди них, высоко держащий свое знамя с надписью "Господь - мое знамя!" - то самое, которое он нес на каждом поле битвы мысли и которому никогда не было позволено попасть в руки врага. Это могучая процессия, движущаяся вперед и ввысь к славной цели: "Человечество, Свобода, Любовь!"

ЖЕНЩИНЫ В ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Среди библейских песен есть две, принадлежащие к древнейшим памятникам поэзии, которые сохранили силу вдохновлять и возвышать, как тогда, когда они были впервые произнесены: гимн хвалы и благодарения, исполненный Моисеем и его сестрой Мириам, и страстная песня Деборы, героини Израиля.

Мириам и Дебора — первые израильские женщины, чья мелодия волновала и даже сейчас волнует нас - Мириам, вдохновенная пророчица, изливающая радость и печаль своему народу, и Дебора, *Эшет Лапидот*, Библия называет ее "женщиной с пылающим сердцем", старый писатель оригинально интерпретирует библейское имя. Они являются избранными образцами всех женщин, которые, переступив через узкие рамки домашнего очага, возвысили голос или взяли за перо в защиту Израиля. Еще не настало время, когда о женщине в литературе можно было бы говорить без вступительного обоснования. Все еще глубоко укоренился предрассудок, который настаивает на том, что домашняя работа - единственная законная профессия женщины, что выходить на литературную арену не по-женски, что вдохновенные песни могут слетать только с мужских уст. Сердце женщины действительно должно быть обителью ангелов

мягкости, скромности, доброты и терпения. Но нет никакого противоречия в вере в то, что ее ум наделен силой и способностью при случае хвататься за спицы колеса фортуны или создавать работы, которые не должны бояться общественной критики. Сама Дебора считала, что для выполнения возложенной на нее миссии лучше было бы стать мужчиной - что уютный дом был для нее более подходящим местом, чем лагерь на горе Фавор. Она говорит: "Опустошены были открытые города в Израиле, они были опустошены.... Видели ли вы щит или копье среди сорока тысяч в Израиле?... Я буду петь Господу". Только после того, как поля Израиля опустели, лишившись трудоспособных мужчин, женщина Дебора восстала во славу Божию. Она отказалась изображать героиню, отвергла венец победы и не жаждала лавра поэта, чтобы заслужить признание своей триумфальной песни. Она скромно выбрала самое простое, но самое красивое из имен. Она призывала воинов на битву; ее устами было провозглашено слово Божье; она выносила приговор, и справедливость восторжествовала; ее мужество поддерживало ее на поле боя, и победа шла по ее стопам — и все же ни судьей, ни поэтессой, ни певицей, ни пророчицей она себя не назовет, а только *Эм бейисраэль*, "матерью Израиля".

Эта героиня, эта "мать в Израиле", во всех странствиях и превратностях еврейского народа была образцом его женщин и дев, особым образцом израильских поэтесс и писательниц.

Изучающий еврейскую литературу подобен астроному. В то время как случайный наблюдатель едва различает одиночные звезды, усеянные точками в голубом просторе над головой, он обзревает все небо целиком, легко отслеживая движение звезд любой величины. История еврейской расы, само ее сохранение в течение длительного периода страданий — печальных дней национального распада и мрачных веков средневековья — представляет собой запутанную головоломку, если не смотреть на нее глазами веры. Но то, что эта раса, скованная, раздавленная, преследуемая, гонимая с места на место, должна была породить мужчин, да, даже женщин, занимающих высокое положение в области литературы, совершенно необъяснимо, если только объяснение уникального явления не искать в чудесном даре вдохновения, действующем в Израиле даже после того, как последний пророк перестал говорить.

Иудаизм сохранил евреев! Иудаизм, то есть Закон с его развитием и разветвлениями великой религиозной мысли, был поддерживающей силой еврейского народа под бременем нищеты, страданий, пыток и угнетения, позволяя ему пережить своих мучителей. Евреи были нацией надежды. Как и надежда, этот народ вечен. Бури фанатизма и расовой ненависти могут бушевать и реветь, раса не может быть уничтожена. Как удивительно поведение этого народа именно в дни его крайней деградации, когда его страдания были ужасны! Побежденные были более могущественны, чем их завоеватели. Со своей духовной высоты они с состраданием взирали на своих победоносных, но невежественных противников, которые, чувствуя снисходительность жертв, еще глубже вонзали свои кандалы. Маленькая нация становилась только сильнее, а ее религия, цветок надежды и доверия, развивалась все прочнее под своим ледяным покровом. Евреи были истреблены огнем и мечом, но иудаизм продолжал жить. Из пепла каждого погребального костра в неувядающей юности прорастал Еврейский закон — тот несокрушимый менталитет и надежда, которые оппоненты привыкли называть непобедимым еврейским неповиновением.

Мужчины этой великой маленькой расы были сохранены Законом, духом, и влияние этого же Закона превратило слабых женщин в боговдохновенных мучениц, наделило дочерей Израиля

мужеством жертвовать жизнью во славу идеи Бога, исповедуемой их предками на протяжении тысячелетий. Чистота нравов, доверчивость к домашнему хозяйству были защитой от бурь и стрессов. Внешний мир представлял собой враждебный фронт для еврея средневековья. Каждый шаг за пределы гетто был сопряжен с опасностью. Так его дом стал его миром, его святилищем, в интимном уединении которого расцвел цветок чистой семейной любви. В то время как духовная тьма нависла над народами, великая идея мессианского Бога нашла убежище от ледяного холода средневековья в своих скромных покоях, где ее берегли до наступления славного будущего.

"В каждом еврее заложены черты Мессии", - говорит умный современный автор,^[25] "и каждая еврейка *mater dolorosa*", первая часть которой - всего лишь эпиграмма, вторая - правда, исторический факт. Древний иудаизм знал много "скорбящих матерей", чей героизм превосходит наше современное представление. Греция и Рим рассказывают множество историй о женской храбрости перед лицом страданий и боли — еврейская история замалчивает имена тысяч женщин и девиц-мучениц, с радостью отдавших жизнь во имя защиты своей веры. Возможно, если бы одна женщина была слишком слаба, чтобы сопротивляться, слишком труслива, чтобы ухаживать за смертью и принять ее, ее имя могло бы сохраниться. Таких тоже нет в еврейских летописях, которые содержат лишь несколько женских имен любого рода. Вдохновенная приверженность силе и жизни иудаизму была для еврейки столь же естественной, как тихая, ненавязчивая деятельность в ее доме. Поэтому нет необходимости упоминать действие или имя.

Таким образом, еврейская женщина не нашла, не искала и не нуждается в Фрауэнлобе, историке или поэте, которые возносили бы ей хвалу у ворот, касались струн его лиры в ее честь. Ее жизнь, в ее простоте и мягкости, в ее терпении и возвышенной преданности, сама по себе - Песнь Песней, прекраснее, чем когда-либо сочиняли поэты, гимн более радостный, чем любой из когда-либо исполнявшихся, на возвышенный и трогательный текст пророчицы, *Эм бейисраэль*, "мать в Израиле".

Как Мириам и Дебора олицетворяли женственность в национальной жизни Израиля, так и более поздние времена, талмудические периоды, породили женщин с великими и достойными восхищения качествами. Выдающейся среди них была Берурия, нежная жена раввина Меира, Берурия, чье сердце обнажено в следующей трогательной истории из Талмуда:^[26]

Однажды в субботу ее муж весь день провел в академии, обучая толпы людей, которые жадно стекались на его лекции. Во время его отсутствия дома двое его сыновей, отличавшихся красотой и ученостью, внезапно умерли от злокачественной болезни. Берурия отнесла дорогие тела в свою спальню и накрыла их белой тканью. Когда раввин вернулся вечером и попросил позвать своих мальчиков, чтобы, по обыкновению, благословить их, его жена сказала: "Они ушли в дом Божий".

Она принесла кубок с вином, и он прочел заключительную молитву субботы, отпил из кубка и, повинувшись святому обычаю, передал его своей жене. Он снова спросил: "Почему мои сыновья не здесь, чтобы испить из благословенной чаши?" "Они не могут быть далеко", - ответил терпеливый страдалец, и рабби Меир, ничего не подозревая, был счастлив и жизнерадостен. Когда он покончил с едой, Берурия сказал: "Равви, позволь мне задать тебе вопрос". С его разрешения она продолжила: "Некоторое время назад мне доверили сокровище, и теперь владелец требует его. Должен ли я отказаться от него?" "Конечно, моя жена не должна считать

необходимым задавать этот вопрос", - сказал раввин. "Можете ли вы сомневаться в возвращении собственности ее законному владельцу?" "Верно, - ответила она, - но я подумала, что лучше не возвращать его, пока не сообщу тебе об этом". И она повела его в комнату к кровати и сняла покрывало с тел. "О, сыновья мои, сыновья мои, - причитал отец громким голосом, - свет очей моих, светильник души моей. Я был твоим отцом, но ты научил меня Закону". Ее глаза наполнились слезами, Берурия схватила своего убитого горем мужа за руку и сказала: "Равви, разве ты не учил меня без сопротивления возвращать то, что было доверено нам на хранение? Смотри: "Господь дал, и Господь же отнял; да будет благословенно имя Господа". "Да будет благословенно имя Господа", - повторил раввин, принимая ее утешение, - "и да будет благословенно также имя Его ради тебя; ибо написано: "Кто может найти добродетельную женщину?" ибо ценность ее гораздо выше жемчуга.... Она открывает уста свои с мудростью, и закон доброты у нее на языке".

Окруженная ореолом материнства, богато одаренная интеллектуальными способностями, отличающаяся образованностью, мягкостью и утонченностью, Берурия - поистине поэтическая фигура. Разгневанная злодеяниями несправедливых, ее муж молился об их уничтожении. "Как ты можешь спрашивать об этом, равви?" Берурия прервала его: "Разве в Священных Писаниях не сказано: "Пусть *грехи* прекратятся на земле, и нечестивых больше не будет"? Когда *грех* прекратится, *грешников* больше не будет. Лучше молись, мой раввин, чтобы они покались и исправили свои поступки".[27]

То, что женщина могла достичь душевного равновесия Берурии и добиться того, чтобы ее голос был услышан в советах законоучителей, и что раввины считали ее высказывания и поступки достойными упоминания, само по себе, без свидетельств многочисленных других ученых женщин, прославившихся Талмудом, доказывало, если бы требовались доказательства, почетное положение, занимаемое еврейскими женщинами в те дни. Задолго до Шиллера в Талмуде говорилось:[28] "Почитайте женщин, потому что они приносят благословение". Об Аврааме сказано: "Ему было хорошо благодаря его жене Сарре". И еще: "Более славно обещание, данное женщинам, чем мужчинам: У Исаяи (xxxii. 9) мы читаем: "Вы, женщины, пребывающие в покое, услышьте мой голос!" ибо для женщин важно вдохновлять своих мужей и сыновей усердием к изучению Закона, самому достойному из деяний ". Повсюду в Талмуде звучит восхваление добродетельной женщины из Притчей и благословений счастливой семейной жизни.

Единственное талмудическое предложение, а именно: "Тот, кто учит свою дочь Закону, учит ее тому, что недостойно", вырванное из контекста и ложно истолкованное, породило самые абсурдные теории относительно взглядов талмудических времен на вопрос образования женщины. Следует принять во внимание, что его автор, который также несет ответственность за утверждение, что "место женщины за прялкой", был мужем Имы Шалом, умной, высококультурной, но вспыльчивой женщины, которая была в близких отношениях с иудеохристианами и имела обыкновение вмешиваться в споры, которые вели мужчины, — короче говоря, типичного талмудического синего чулка со всеми атрибутами, которыми фантазия была склонна наделять такого человека.[29]

В другом месте Талмуда рассказывается о жене рабби Нахмана Ялте, гордой и образованной дочери княжеского рода. Ее гость, бедный странствующий проповедник рабби Улла, выразил мнение, что по Закону не обязательно передавать женщинам чашу с вином, над которой было

произнесено благословение. Это мнение, а вовсе не утаенное вино, так разозлило его хозяйку, что она потрясла четыреста кувшинов с вином, позволив их содержимому растечься по земле.^[30] Если раввины имели в виду подобные инциденты, то резкие высказывания не были неоправданными. Возможно, каждый раввин, выступающий против высшего образования женщин, сам был жертвой ученой жены, которая потчевала его после кропотливых исследований в академии невкусным супом или, что еще хуже, талмудическими дискуссиями. Существует множество примеров того, как эрудированных раввинов мучают их жены. Одна, как нам рассказывают, отказывалась готовить для своего мужа, а другая изо дня в день готовила определенное блюдо, зная, что он к нему не притронется.

Но это шутка. Было бы проявлением полного незнания Талмуда и раввинов приписывать им презрение к женщине, распространенное в то время. Талмуд и его мудрецы никогда не устают воспевать женщин и при каждом удобном случае внушают уважение к ним и преданность их служению. Составитель Иерусалимского талмуда, раввин Йоханан, чья жизнь увенчана ореолом романтики, деликатно отдает дань уважения женщине вопросом: "Кто направил первую благодарственную молитву Богу? Женщина, Лия, когда она воскликнула в полноте своей радости: "Теперь я снова буду славить Господа".

Под влиянием таких идеальных взглядов и в соответствии с такими стандартами еврейская женщина вела скромную уединенную жизнь, занимаясь домашним хозяйством, являясь помощницей и утешением своего мужа, радостью его возраста, сокровищем его свободы, его утешительницей в горе. Ибо, когда зловещая катастрофа обрушилась на еврейский народ, когда Иерусалим и Храм лежали в руинах, когда были убиты благороднейшие из людей, а остаток Израиля был вынужден покинуть свою землю и отправиться во враждебный мир, чтобы выполнить свою миссию свидетеля истины монотеизма, тогда еврейская женщина тоже оказалась готовой принять на себя бремя, налагаемое тяжелыми днями.

Израиль, распавшийся на неподатливые фрагменты, начал свое двухтысячелетнее путешествие по пустыне времени, лишенный всего, кроме своего Закона и своей семьи. Этих сокровищ Тит и его легионы не могли у него отнять. На руинах еврейского государства расцвел дух еврейской жизни и закона в энергичном обновлении. Иудаизм возродился обновленным на разрушающихся храмах Юпитера, безупречный в доктрине, неподкупный на практике. Духовные наставники Израиля поняли, что соблюдение Закона - единственная гарантия от уничтожения и забвения. С этого времени мужчины стали хранителями *Закона*, женщины - хранительницами чистоты *жизни*, и оба гармонично трудились ради сохранения иудаизма.

Муза истории не записала имен еврейских женщин с момента разрушения Храма до одиннадцатого века. И все же исследователь не может не приписать замечательное сохранение расы мягкому, спокойному, хотя и главенствующему влиянию женщины на стороне серьезного упорства мужчин. У евреев не было досуга, у неевреев не хватало знаний, чтобы сохранить имена для наставления потомков. Прежде чем евреи смогли описать свои страдания, рука угнетателя снова опустилась, ее хватка стала более безжалостной, чем когда-либо. На протяжении многих веков кровь и слезы составляли хронику еврейской жизни, и у истоков этих потоков крови и рек слез скорбит гений еврейской истории.

Всякий раз, когда солнце терпимости пробивалось сквозь тучи угнетения и хотя бы на короткий период озаряло расу мучеников, сразу становилось очевидным ее чудесное развитие в условиях преследований и, несмотря на невыразимые страдания. Во время этих случайных

перерывов в темноте появлялись женщины, чья эрудиция была настолько глубокой, что заслуживала особого упоминания. Как было сказано выше, первые имена женщин, отличавшихся красотой и умом, дошли до нас из одиннадцатого века, и даже тогда предпочтение отдавалось только Италии, Провансу, Андалусии и Востоку, евреи в этих странах жили в условиях относительной свободы и ревностно посвящали свой досуг изучению Талмуда и светских дисциплин. Во славу Италии было сказано: "Из Бари исходит Закон, а из Отранто - слово Господне". Поэтому неудивительно читать в еврейских источниках о девице Пауле из семьи Деи Манси (Анавим), дочери Авраама, а позже жене Иехиэля деи Манси, которая в 1288 году скопировала заумный талмудический комментарий своего отца, добавив остроумные пояснения, являющиеся результатом независимого исследования. Но возникает некоторый скептицизм по поводу рассказа еврейского туриста, раввина Петахьи из Ратисбона, из Бат-Халеви, дочери раввина Самуэля бен Али из Багдада, одинаково начитанной в Библии и Талмуде и известной своей красотой. Она читала лекции по Талмуду большому количеству студентов и, чтобы они не влюбились в нее, сидела за решеткой или в стеклянном шкафу, чтобы ее можно было слышать, но не видеть. Сухая туристка-хроникерша не сообщает, одобрили ли ее ученики эту превентивную меру и оказалась ли она в конце концов эффективной. Во всяком случае, пример ученой девушки нашел подражателя. Почти столетие спустя мы встречаемся с Мириам Шапиро из Констанца, красивой еврейской девушкой, которая также читала публичные лекции по Талмуду, сидя за занавеской, чтобы ее вид не отвлекал от учебы внимание ее любознательных учеников.

Об ученой Эль Муаллиме нам рассказывают, что она перенесла караимские доктрины с Востока в Кастилию, где распространяла их. Дочь принца поэтов Иегуды Халеви известна проникновенным религиозным стихотворением, которое до сих пор приписывалось ее отцу, а жена раввина Джозефа ибн Нагделы считалась самой образованной и представительной женщиной в Гранаде. Даже в хоре арабо-андалузских поэтов мы слышим голос еврейской певицы Касмун, дочери поэта Измаила. Сохранилось лишь несколько цветков ее нежной поэзии.^[31] Увидев свое молодое лицо в зеркале, она крикнула:

"Я вижу виноградную лозу, и хотя пришло время собирать урожай,
Ни одна рука еще не протянулась, чтобы сорвать плод.
Увы! моя юность проходит в глубокой печали,
Безымянному "ему" мои глаза напрасно приветствуют".

К своей любимой газели, выращенной ею самой, она обращается так:

"Только в тебе, моя робкая, резвая газель,
С такими же темными глазами, как у тебя, я вижу своего двойника;
Мы оба живем одиноко, без спутников жизни,
Принимая указ судьбы с терпеливым сердцем".

Нам рассказывают о других женщинах, чья ученость и благочестие вызывали уважение не только у талмудических авторитетов, но, более того, у их сестер по вере. Особенно в семье Раши (раввина Соломона бен Исаака), бессмертного благодаря своим комментариям к Библии и Талмуду, выделилось несколько женщин. Его дочь Рахиль (Беллежен) однажды, когда ее отец был болен, написала для раввина Авраама Коэна из Майнца заключение по спорным

религиозным вопросам. Две внучки Раши, Анна и Мириам, были не менее знамениты. В вопросах, касающихся диетических законов, на них ссылались как на авторитеты, и их решения признавались окончательными.

Зунц называет жену раввина Джозефа бен Йоханана из Парижа "почти раввином"; а Дольче, жена ученого раввина Элеазара из Вормса, содержала свою семью делом своих рук, досконально изучала законы питания, обучала женщин еврейским предметам, а по субботам читала публичные лекции. Она носила двойную корону учености и мученичества. 6 декабря 1213 года крестоносцы-фанатики ворвались в дом раввина и самым жестоким образом убили ее и двух ее дочерей, Беллу и Анну.

Израиль снова переживает тяжелые времена, и редкость женщин-писательниц в течение следующих двух столетий не нуждается в объяснении. В шестнадцатом веке их имена вновь появляются в архивах, причем не только как ученых-талмудистов, но и как авторов исторических трудов на немецком языке. Литте из Ратисбона сочинил историю царя Давида в знаменитой "Книге Самуила", стихотворении в *стихотворении "Нибелунги"*, и нам говорят, что Рахель Аккерман из Вены была изгнана за то, что написала пикантный роман "Придворные тайны".

Эти предварительные усилия привели к активной и широко распространенной деятельности еврейских женщин в различных областях литературы в несколько более поздний период, когда так называемый *юдендойч*, также известный как *Altweiberdeutsch* (старушечий немецкий), вошел во всеобщее употребление. Ребекка Тиктинер, дочь раввина Меира Тиктинера, приобрела достаточно значительную репутацию, чтобы предложить свою научную работу Дж. Г. Зельтнеру, профессору из Росток, в качестве темы эссе, опубликованного в 1719 году. Ее книга "*Менекет Рибка*", посвящена обязанностям женщины. Эдель Мендельс из Кракова олицетворяла "Иосиппон" (Историю евреев после Иосифа Флавия); Белла Часан, принявшая мученическую смерть, сочинила два поучительных труда по еврейской истории, в свое время широко читавшихся; Гликель Хамель из Гамбурга написала мемуары, описывающие ее современников и замечательные события ее жизни; Ханна Ашкенази была автором обращений на моральные темы; а Элла Гетц перевела молитвы на иврите на еврейско-немецкий язык.

Литт из Ратисбона нашел подражателей. Роза Фишельс из Кракова была первой, кто оформил псалмы в еврейско-немецкие рифмы (1586). Она перевела всю псалтирь "на простой немецкий язык, очень красиво, скромно и притом приятно для чтения женщинами и девицами". Авторша признает, что ее целью было подражать рифме и мелодии "Книги Самуила" своего знаменитого предшественника. Иногда ее пересказ поднимается до высоты истинной поэзии, как в первом и последнем стихах хсvі псалма:

"Пойте Богу новую песню, пойте Богу по всей земле, пойте Богу, восхваляйте Его имя, изо дня в день являйте Его готовую помощь.... Поле и все на нем будут проявлять великую радость; они будут петь всеми своими листьями, деревьями леса и рощи, перед Господом Богом, который придет судить землю далеко и близко. Он судит землю по правде и народы по истине".

За Розой Фишельс последовала череда женщин-писательниц: поэтесса Таубе Пан из Праги; Белла Гурвиц, написавшая историю Дома Давида и, совместно с Рахель Раушниц, отчет о поселении евреев в Праге; и ряд женщин-ученых, известных среди своих единоверцев знанием Талмуда, набожностью и широкой светской культурой.

В подобном кратком обзоре достижений женщины в области еврейской науки зафиксированные результаты должны показаться скудными, отчасти из-за скудости имеющихся данных, отчасти из-за характера исследования. Заумное обучение, чистая наука, оригинальные исследования ни в коем случае не являются уделом женщины. Такие занятия требуют от ученицы полной самоотдачи, непрерывного внимания к изучаемому предмету, а утонченно организованная женщина не способна на такую поглощенность. Восприятие женщины тонкое, и она остается довольной своей интуицией, в то время как мужчина стремится преобразовать свои чувства, более глубокие, чем у нее, в действие. Внешнее привлекает женщину, которая постигает легко и быстро и, следовательно, не проникает под поверхность. Человек, с другой стороны, стремится проникнуть в суть вещей, постигает медленнее, но думает более глубоко и тщательно проверяет, прежде чем принять. Поэтому мы так редко встречаем женщин в области науки, в то время как ее работы в области поэзии и гуманитарных наук многочисленны и привлекательны. Еврейские женщины не являются исключением из правил: обзор еврейской поэзии покажет, что доля женщин в ее произведениях была значительной и высокого качества. Несмотря на то, что в мучительные дни преследований было мало возможностей для проведения исторических или научных исследований, источник еврейской поэзии никогда не иссякал. Поэзия последовала за расой в изгнание и оставалась с ней во всех превратностях, ее утешением в страданиях, святой посредницей между ее прошлым и будущим. "Восток живет изгнанником на Западе, и его слезы тоски по дому - источник еврейской поэзии", - говорит христианский ученый. И к алтарю этой поэзии, чья сладость и чистота освящали семейную жизнь и распространяли чувство морали во времена, когда жестокость и развращенность были повсеместны, певицы Израиля приносили дары своей музыки. В то время как кульминацией культуры того времени было служение любви (*Minnedienst*), поклонение женщине, столь оскорбительное для современного вкуса, еврейская поэзия была пронизана чистой, идеальной концепцией любви и женственности, свидетельствующей о высоких этических принципах ее приверженцев.

Иудаизм и еврейская поэзия ничего не знают о чувственной любви, столь усердно поощряемой культом Девственницы. "Любовь, - говорит знаменитый историк литературы, - прославлялась во всех формах и обликах и представлялась высшей целью жизни. Добродетелям женщины, да, даже ее порокам, придавалось преувеличенное значение. Женщина привыкла думать, что она не может быть ни верной, ни вероломной, не перевернув мир с ног на голову. Она разделила участь всех объектов чрезмерного обожания: лесть развратила ее. Так получилось, что любовь к женщине затмила все другие социальные силы и все формы семейной привязанности и таким образом израсходовала свою силу. Евреи были единственными, кто был достаточно вменяем, чтобы подчинить сексуальную любовь почитанию материнства. Александр Вейль заставляет еврейскую мать сказать: "Прилично ли хорошей еврейской матери беспокоиться о любви? Любовь - это отвратительное идолопоклонство. Еврейка может любить только Бога, своего мужа и своих детей". Бабушка (*альт-Бабеле*) в одном из рассказов Комперта говорит: "Бог не мог быть везде, поэтому он создал матерей". В еврейских романах материнская любовь делается основой семейной жизни, ее страстью и тайной. Еврейская мать! Какой образ вызывают в воображении эти слова! Ее лицо спокойно, хотя и бледно; на губах играет меланхоличная улыбка, а проникновенные глаза, кажется, скрывают в своей глубине видение отдаленного будущего".

Это правильный взгляд. Еврейская поэзия пронизана дыханием интеллектуальной любви, то есть любви, вырастающей из признания долга, не менее идеальной, чем чувственная любовь. В

сердце еврея любовь - бесконечная сила. Слишком могущественная, чтобы быть ограниченной узкими рамками личной страсти, она распространяется так, что охватывает будущие поколения.

Так получилось, что в то время как в христианской поэзии женщина была предметом песен и сонетов, в еврейской поэзии она сама пела и сочиняла, и ее произведения достойны того, чтобы стоять в одном ряду с лучшими поэтическими творениями каждого поколения.

Самый ранний расцвет еврейской женской поэзии расцвел в весенней атмосфере Возрождения под голубым небом Италии, родины бессмертного трио - Данте, Петрарки и Боккаччо. Первыми еврейскими женщинами, написавшими итальянские стихи, были Дебора Аскарелли и Сара Копиа Суллам, которые, облаченные во все доспехи культуры своего времени и столь же основательно владеющие еврейскими знаниями, посвятили свои таланты и рвение служению своей нации.

Дебора Аскарелли из Рима, гордость своего пола, была женой уважаемого раввина Джузеппе Аскарелли и жила в Венеции в начале семнадцатого века. Она сделала изящный итальянский перевод "*Сефер ха-Хехаль*" Моисея Риети, еврейской поэмы, написанной в подражание *Божественной комедии*, и пользующейся большой популярностью в Риме. Уже в 1609 году Давид делла Рокка опубликовал второе издание ее перевода, посвятив его очаровательной писательнице. Вложить в высшей степени искусную поэзию еврейского Данте в сладкозвучные итальянские стихи было отнюдь не легко. Хотя поэзия Риети не отличается энергией и полнотой старых классических произведений неоеврейской поэзии, его ритм плавный, приятный и отточенный. Тем не менее, ее исполнение достойно восхищения. Кроме того, она снискала известность как автор гимнов во славу Бога своего народа, который так чудесно спас его от всевозможных бедствий.

"Пусть другие поэты о победных трофеях расскажут,
Твоя песня возвысит хвалу твоему народу",

говорит итальянский поэт-еврей, очарованный ее талантом.

Еще более одаренной поэтессой была Сара Копиа Суллам, особая звезда в галактике Джуды.^[32] Будучи единственным ребенком богатого венецианца в конце шестнадцатого века, она потакала своей любви к учебе и предоставляла все возможности для продвижения в искусстве и науке. "Она упивалась царством красоты и выражала свой энтузиазм в изящных, милых, девичьих стихах. Молодая, прелестная, с великодушными порывами и острым интеллектом, с честолубием, нацеленным на высокие достижения, любимица муз, Сара Копиа очаровывала молодежь и старость".

Эти черты характера стали ее несчастьем. Старый итальянский священник Ансальдо Чеба из Генуи опубликовал итальянский эпос с библейской Есфирью в качестве героини. Сара была в восторге от выбора темы. Было естественно, что благородная, чувствительная девушка с высокими идеалами, задетая за живое несправедливостью и позором, от которых страдает ее народ, безмерно радовалась похвалам, расточаемым героине ее нации. Охваченная энтузиазмом, она написала незнакомому ей поэту письмо, переполненное благодарностью за то чистое наслаждение, которое доставило ей его стихотворение. Ее страстная теплота, выдававшая одновременно опытную поэтессу и одаренного мыслителя, не преминула очаровать старого священника, который немедленно решил запечатлеть эту прекрасную душу

для церкви. Его желание вызвало оживленную переписку - наш главный источник информации о Саре Копиа. Ее обращение стало страстью для вспыльчивого священника, полностью овладев им в последние годы его жизни. Он применил к ее делу все доступные ему приемы диалектики и лести. Все напрасно. Самыми большими успехами, которыми он мог похвастаться, были ее обещание прочитать Новый Завет и ее согласие на то, чтобы он молился о ее обращении. Аргументы Сары в пользу иудаизма вызывают восхищение читателя остротой проявленного интеллекта, ее поэтическим гением и ее близким знакомством с еврейскими источниками, а также философскими системами.

Ансальдо никогда не оставлял надежды обратить ее в христианство. Не сумев убедить ее разум, он напал на ее сердце. Несмотря на то, что Сара проявляла исключительную любовь и почитание к своему старому поклоннику, ее нельзя было поколебать в непоколебимой приверженности своей вере. Она отправила ему свою фотографию со словами: "Это фотография той, кто носит твою фотографию глубоко запечатленной в своем сердце и, указывая пальцем на свою грудь, говорит миру: "Здесь обитает мой кумир, преклонитесь перед ним".

Когда старость подкрадывалась к нему своим парализующим прикосновением, он продолжал думать только об обращении Сары и нападал на нее в прозе и стихах. Одно из его умоляющих писем заканчивается так:

"Прекрасное, яркое утро жизни купает тебя в свете,
Твои щеки слегка порозовели от юношеского задора.
Для меня наступает ночь; мои конечности
холодны, но пламенная любовь пылает в моей груди".

Когда Сара сравнила его стихи с стихами Амфиона и Орфея, он ответил ей:

"Камни прислушивались к Амфиону,
Когда он мягко касался своей лютни;
И звери сбегались толпами, чтобы послушать,
Когда Орфей играл на своей флейте.

Доколе, о Сара, будешь ты уподоблять меня
тем великим певцам древности?
Моего Бога и веру, которую я пытался дать тебе,
Напрасно я доказывал ошибочность твоих путей.
Их песня обладала чарами более могущественными, чем моя собственная,
Или ты тверже зверя или камня?"

Вопрос долгое время оставался без ответа, поскольку именно тогда поэтессу преследовали многочисленные судебные процессы. Тяжелая болезнь повергла ее в изнеможение, затем умер ее любимый отец, и, наконец, завистники из числа ее единоверцев несправедливо обвинили ее в пренебрежении еврейскими обрядами и отрицании божественного происхождения Закона. Ей не составило труда опровергнуть злонамеренное обвинение, но клеветнический выпад задел ее за живое, и боль, которую он причинил, исчезала только при наличии серьезной опасности. Бальтазар Бонифачо, малоизвестный автор, в брошюре, изданной с этой целью,

обвинил ее в отрицании доктрины бессмертия души - серьезнейшее обвинение, которое, если бы его поддержали, бросило бы ее в лапы инквизиции. За два дня она написала блестящую защиту, полностью оправдывающую себя и разоблачающую злобность нападения, мастерскую постановку благодаря своей энергичной диалектике, острой сатире и благородному энтузиазму во имя религии. Вместе с несколькими ее сонетами это все, что дошло до нас из ее сочинений. Она начала свое оправдание следующим сонетным текстом:

"О Господь, Ты знаешь мою сокровенную надежду и мысль,
Ты знаешь, когда перед Твоим престолом суда
я проливал соленые слезы и издавал множество стонов,
Я молился не о тщеславии.
О, обрати на меня Свой взгляд, полный милосердия,
И посмотри, какая завистливая злоба заставляет меня стонать!
Покров, по ошибке брошенный на мое сердце,
Сними; просвети меня Своей лучезарной мыслью.
По правде говоря, пусть нечестивый насмешник не смеется надо мной,
О Ты, вдохнувший в меня божественную искру.
Лживый язык губит обманом молчания,
Защити меня от его яда, Ты, моя Скала,
И покажи злобному клеветнику этим знаком
, Что Ты защищаешь меня Своей бесконечной мощью".

Оправдание Сары было полным. Ее друг Чеба был достоверно проинформирован обо всем, что с ней случилось, но он был поглощен мыслями о ее обращении и о своем приближающемся конце. Он написал ей, что не желает больше получать от нее писем, если в них не будет объявлено о ее принятии истинной веры.

После смерти Ансальдо мы больше ничего не слышим о поэтессе. Она умерла в начале 1641 года, и знаменитый раввин Леон де Модена сочинил ей эпитафию, поэтическую дань уважения тому, чья жизнь способствовала славе иудаизма.

Теперь наша тема переносит нас с роскошного юга к дюнам Северного моря. Голландия первой гостеприимно распахнула двери своих городов для трехсот тысяч евреев, изгнанных из Испании, и ее оживленная столица Амстердам стала центром, куда устремились интеллигентные марраны, спасавшиеся от Святой инквизиции. Там нашли убежище врачи, математики, филологи, военные и дипломаты, поэты и прозаички. Среди поэтесс, [33] наиболее известной была Изабелла Корреа, отличавшаяся остроумием, а также поэтическими способностями, жена еврейского капитана и писателя Николаса де Оливер-и-Фуллано с Майорки. Один из ее современников, Даниэль де Барриос, говорит, что "она была опытным лингвистом, писала восхитительные письма, сочиняла изысканные стихи, играла на лютне как *маэстро* и пела как ангел. Ее сверкающие черные глаза метали пронзительные стрелы в сердце каждого зрителя, и она славилась не только умом, но и красотой". Она сделала благородный испанский перевод "*Пастора Фидо*", самой популярной итальянской драмы того времени, и опубликовала сборник стихов, также на испанском. Антонио дос Рейс поет ей дифирамбы:

-*Пастор Фидо!* тебя больше не читают на твоём родном языке, поскольку Корреа, Верно передав твою песню, создал тебя заново в испанских формах.

Ее чело венчает лавровый венок,
Потому что ее правой руке хватало хитрости извлекать звуки из трагической лиры.
На горе певцов для нее зарезервировано место,
Хотя многие батавийские голоса отказались дать на это согласие.
Ибо вера Корреа вызывала презрение со стороны инопланетян,
А ее собственная презирала ее жизнерадостную безмятежность.
Теперь, с большей справедливостью, все преклоняют почтительное колено перед Корреа,
еврейкой,
Корреа, которая, кажется, полностью похожа на Лисию".

Донна Изабелла Энрикес, очень разносторонняя испанская поэтесса, была ее современницей.
Она жила сначала в Мадриде, потом в Амстердаме и даже в преклонном возрасте была
окружена поклонниками. В возрасте шестидесяти двух лет она дарила своим знакомым
мужчинам амулеты от любви, несмотря на то, что говорила и писала против использования чар.
Например, когда в доме Исаака Абоаба, знаменитого раввина Амстердама, было найдено яйцо
с короной на конце, она написала ему следующее:

"Смотрите, какой ужас! Lo! чудо!
Василиск, легендарная гадюка!
Суеверия называют это так.
Взгляни на это, я молюсь, со спокойствием,
Во всем был виноват твой разум.
Великая благодать Бога проявляется здесь;
Я полагаю, что Он вознаграждает твоё красноречие
В чудовище, которое ты видишь:
Все это округлое целое - твоя добродетель,
Символ мудрости - корона!"

Помимо Изабеллы Корреа и Изабеллы Энрикес, у нас есть имена, хотя и не постановки, Сары де
Фонсека Пина-и-Пиментель, Бьенвениды Козн Бельмонте и Мануэлы Нуньес де Алмейда. Они
оставили лишь слабые следы своей работы, и фантазия может дополнить набросок только
догадками.

После этих поэтесс маррано на женщин Израиля опустилось молчание на целое столетие —
столетие угнетения и политического рабства, изоляции в зловонных гетто, христианского
презрения и насмешек. Евреи Германии и Польши, полностью раздавленные бременем горя,
впали в спячку до тех пор, пока мягкое дыхание нового времени, разрушающее стены гетто и
предвещающее рассвет, когда будут признаны права человека, не пробудило их к активности и
достижениям.

Могуч дух времени! Он прокладывает себе путь, смело отбрасывая в сторону все камни
преткновения в виде изживших себя предрассудков и пришедших в упадок обычаев. Наступило
столетие, на горизонте которого пылали обещания свободы и терпимости, ни для кого не столь
приятные, как для еврея. У кого хватит духу первым бросить камень в многострадальную расу,
замученную веками за то, что она отдалась непривычной радости жизни, за то, что пила
крепкие, опьяняющие глотки из недавно открытого источника свободы, и, увы! за то, что

отбросили в сторону под палящим солнцем новой эры вечную защиту своей религии? И можем ли мы безоговорочно осудить дочерей Израиля, "розы Шарона" и "ландыши долин", "не тронутых росой, заблудших странниц, которых не ободряет никакое приветствие", которые теперь, когда все было залито солнечным светом, забыли свой народ и пренебрегли святостью семейных уз, своим щитом и убежищем в печали и опасностях темных веков?

С чувством, с болью, а не с негодованием еврейская история рассказывает о тех женщинах, которые отвергли иудаизм, зная только его внешний вид, его оболочку, а не суть, высокие этические принципы и философские истины — о Рахели Варнхаген, Генриетте Герц, Регине Фрелих, Доротее Мендельсон, Саре и Марианне Мейер, Эстер Гад и многих других, первых продуктах немецкой культуры в союзе с еврейским остроумием и блеском.

Рахель Левин была приемной матерью "Молодой Германии" и лидером движения за женскую эмансипацию, которое впоследствии привело к прискорбным эксцессам. Сама Рахель никогда не выходила за рамки "*дас Эwig-Вайблихе*". Ни один ее поступок не шел вразрез с самыми возвышенными требованиями морали. Ее существо было пронизано высокой серьезностью, благородным достоинством, безмятежной жизнерадостностью. "Она всегда пребывала в Святая святых мысли, и даже ее самые смелые желания относительно себя и человечества робко взмывали к небесам, как чистое жертвенное пламя". В истории человеческого сердца нельзя найти ничего более трогательного, чем ее признание перед смертью: "С возвышенным восторгом я размышляю о своем происхождении и чудесной паутине, сотканной судьбой, связывающей воедино древнейшие воспоминания рода человеческого и его самые последние устремления, соединяющей сцены, разделенные максимально возможными промежутками времени и пространства. Мое еврейское происхождение, которое я долгое время считал позором, теперь стало драгоценным наследием, которого ничто на земле не может меня лишить".^[34]

Факт в том, что Рахель Левин была великой женщиной, великой даже в своих отклонениях, в то время как ее спутники, сияющие отраженным светом и делающие вид, что увековечивают ее дух, преступали границы женственности и широко открывали дверь буйной чувственности. Некоторые противники движения за женскую эмансипацию получают злонамеренное удовлетворение, повторяя, что его основательницей была еврейка, благоразумно забывая упомянуть, что в списке последовательниц Рахели не фигурирует ни одно еврейское имя.

Дух иудаизма, а вместе с ним и дух морали, никогда не может быть уничтожен. Они могут ослабнуть или исчезнуть на какое-то время, но их восстановление в большей силе и сиянии несомненно; ибо они несут в себе гарантию будущего. Генриетта Герц, дочь-отступница иудаизма, жующая жвачку сентиментальности Шлейермахера и романтизма Шлегеля, еще не ушла из жизни, когда Англия произвела на свет еврейских женщин, чьи поступки были вдохновлены духом древнего героизма, которые шли путями мудрости и веры и, отшатнувшись от трусости, которая поощряет отступничество, боролись бы, если бы понадобилось, страдали и проливали кровь за свою веру. Какой ответ, кроме румянца стыда, залившего ее щеки, могла бы найти гордая красавица, если бы ее попросила, скажем, леди Джудит Монтефиоре рассказать, что приковало ее к руинам еврейской расы?

Леди Монтефиоре действительно была героиней, достойной быть названной в ряду тех, кто прославил наше прошлое, и равной ей по интеллекту и силе характера была Шарлотта Монтефиоре, ранняя смерть которой стала серьезной потерей как для иудаизма, так и для ее

семьи. Ее работа "Несколько слов евреям от себя", содержащая очаровательную повесть "Остров драгоценностей", демонстрирует интеллектуальные и поэтические способности.

Самой выдающейся из женщин-писательниц нашей эпохи, несомненно, является Грейс Агилар, в которой мы должны восхищаться редким сочетанием широкой культуры и глубокого благочестия. Она родилась в Хакни в июне 1816 года и рано проявила незаурядный талант и ненасытную жажду знаний. На двенадцатом году жизни она написала "Густав Ваза", историческую драму, демонстрирующую такие необычные способности, что ее родители были вынуждены посвятить себя исключительно ее образованию. Это очаровательная картина о молодой, одаренной девушке, находящейся под любящей заботой культурных родителей, движимых единственным желанием привить своей дочери их собственный вкус к природной и художественной красоте и их непоколебимую любовь к иудаизму, и довольствующейся скромным существованием вдали от городской суеты и возможностей, чтобы иметь возможность полностью посвятить себя образованию и общению со своей любимой, единственной дочерью. Под влиянием мудрого друга, как рассказывает нам сама Грейс Агилар, она молила Бога дать ей возможность сделать что-то, благодаря чему ее народ мог бы завоевать большее уважение у своих сограждан-христиан.

Бог внял ее молитве, ибо ее усилия увенчались успехом. Ее первой работой был перевод книги с иврита "Израиль защищал". Затем вышел сборник стихов "Волшебный венок", а затем ее хорошо известные произведения "Влияние дома", "Дух иудаизма", ее лучшая постановка "Женщины Израиля", "Еврейская вера" и "История евреев в Англии" — богатый урожай для того, чья жизнь была короткой. Ее перо было окунуто в кровь ее вен и сок ее нервов; священный огонь пророков горел в ее душе, и она была вдохновлена древнееврейским энтузиазмом и преданностью вере.

Столь пылкий дух не мог долго оставаться заключенным в столь хрупком теле. В самом расцвете сил, всего в тридцать один год от роду, Грейс Агилар скончалась, как будто ее прекрасная душа спешила сбросить с себя брентную оболочку. Она покоится в немецкой земле, на Франкфуртском еврейском кладбище. На ее могиле установлен простой камень с не менее простой эпитафией:

"Отдайте ей плоды рук ее,
И пусть ее собственные дела прославляют ее у ворот".

Ее смерть была глубоко оплакана повсюду. Она была золотым звеном в цепи человечества — смелой, отважной, притом совершенно женственной женщиной, вдохновленной Богом дочерью своей расы и веры. "Мы убеждены, - говорит ее подруга-нееврейка, - что, если бы эта молодая женщина жила во времена страшных гонений, она охотно взойшла бы на кол за свою веру, молясь за своих убийц до последнего вздоха". То, что благородство одинокой женщины, подобно пламени, переходящему от сердца к сердцу, может вдохновлять на возвышенные мысли и что жизнь Грейс Агилар стала благословением для ее народа и всего человечества, иллюстрируется следующим свидетельством, подписанным несколькими сотнями еврейских женщин, подаренным ей, когда она собиралась покинуть Англию:

"Дражайшая Сестра, Наше восхищение вашими талантами, наше преклонение перед вашим характером, наша благодарность за выдающиеся заслуги, которые ваши труды оказывают

нашему полу, нашему народу, нашей вере, в которой воплощено священное дело истинной религии: все эти мотивы в совокупности побуждают нас вторгнуться в ваше присутствие, чтобы выразить чувства, которые мы счастливы чувствовать и с удовольствием выражаем. Пока вы не восстали, в наше время никогда не было такого, чтобы Женщина в Израиле выступала публичным защитником веры Израиля; чтобы с глубиной и чистотой чувств, которые являются сокровищем женщины, и с силой ума и обширными знаниями, которые составляют гордость мужчины, она сама призывала беречь истину, а других уважать ее такой, какая она есть в Израиле.

"Ты, дорогая Сестра, сделала это и даже больше. Ты научила нас знать и ценить свое достоинство; чувствовать и доказывать, что ни одна женская героиня не может быть такой... более чистый, чем у еврейской девушки, нет никого более благочестивого, чем у женщины в Израиле. Вы доказали наше социальное и духовное равенство с нашими братьями по вере: вы своим собственным превосходным примером победоносно опровергли клевету о том, что еврейская религия оставляет равнодушным сердце еврейской женщины. Ваши труды делают доступными для нас те высшие мотивы, те святые утешения, которые проистекают из духовности нашей религии, которые побуждают душу общаться со своим Создателем и направлять ее к Его благодати и милосердию как к лучшему проводнику и защитнику здесь и в будущей жизни...."

Ее пример упал как семя на благодатную почву, поскольку Эбигейл Линдо, Мэриан Хартог, Аннет Саломон и особенно Анна Мария Голдсמיד, заслуженная писательница, дочь известного сэра Исаака Лайона Голдсмиды, могут считаться ее учениками, плодом ее посева.

Итальянская поэтесса Рэйчел Морпурго, достойная преемница Деборы Аскарелли и Сары Копиа Саллам, была ровесницей Грейс Агилар, хотя и старше ее на двадцать шесть лет. Наш интерес к ней усиливается тем, что она использует иврит, с которым она обращалась с таким непревзойденным мастерством, что ее произведения легко становятся в один ряд с лучшими произведениями неоеврейской литературы. Племянница известного ученого С. Д. Луццатто, она родилась в Триесте 8 апреля 1790 года. До двенадцати лет она изучала Библию, затем прочла "Обязанности сердца" Бечаи и комментарии Раши, а с четырнадцати до шестнадцати лет посвятила себя Талмуду и Зогару — замечательному курсу изучения, которому также следовала, несмотря на неблагоприятные обстоятельства. В то же время отец Луццатто обучил ее токарному делу, а позже она научилась портняжному делу. Одно из ее стихотворений было опубликовано без ее ведома, и она выражает свое сожаление в сонете:

"Моя душа, переполненная горем, теперь громко жалуется,
И страхи тяжело давят на мой дух.

"Мы слышали твои стихи", - говорят люди,

"Кто, подобно тебе, может петь мелодичные мелодии?"

"Это не что иное, как искры", - говорит моя душа в цепях,

"Вырванная из моей жизни ежедневными пытками.

Но теперь все благоухания улетучились — мое ложе

Больше Не воскреснет; ибо страх позора сдерживает мою песню.-

Фантазии женщины легко блуждают и сами сплетаются

в волшебную паутину. Должен ли я

воздержаться? Ах! довольно скоро и это удовольствие

исчезнет! Поистине, я не могу понять,
Почему меня превозносят. Для женщины главное — крутить
прялку - тогда она верна самой себе".

Это болезненное самосознание в сочетании с гнетом материальных забот составляет печальный рефрен произведений Рэйчел Морпурго. Она настоящая поэтесса: беды человечества нашли отражение в ее собственных горестях, о которых она говорила проникновенным тоном. Она тоже стала примером для многих молодых женщин. Полячке Йенте Воллернер, как и Рэйчел Морпурго, пришлось примириться с суровыми обстоятельствами, прежде чем она смогла опубликовать дары своей музыки, и Мириам Мосессон, Берта Рабинович и другие подражали ее виртуозному владению ивритом.

Начало новой эры ознаменовалось появлением триады еврейки — Грейс Агилар в Англии, Рэйчел Морпурго в Италии и Генриетты Оттенхаймер в Германии. Уроженка благословенной земли Швабия, Генриетта Оттенхаймер посвятила себя поэзии, общаясь с двумя мастерами песни — Уландом и Рюккертом. Ее стихи, благоухающие цветы, сорванные на полях Швабии, по большей части являются не более чем милой женской лирикой, набирающей силу энтузиазма только тогда, когда она рассказывает о священной миссии своего народа и героях библейских дней.

Подобные женщины возрождают былую славу еврейки и добавляют достижений к ее блестящему послужному списку. Что же касается их преемников и подражателей, наших современников, чьи литературные произведения представлены перед нами, то о них мы пока не можем выносить суждения; их творчество все еще находится на испытательном сроке.

Следует указать на одно поразительное обстоятельство, связанное с их деятельностью, поскольку оно доказывает здравость суждений, проницательность и экспансивность, характерные для евреев. В то время как движение за полную эмансипацию женщин не включило ни одной еврейки в число своих сторонников, его более законного преемника, движение за установление права и способности женщины зарабатывать на жизнь в любой отрасли человеческой деятельности — права и способности, отрицаемых только предрассудками или глупостью, — возглавляли и рьяно поддерживали еврейки, утверждение, которое легко может быть доказано такими именами, как Лина Моргенштерн, известная публике также как сторонница умеренных религиозных реформ, Дженни Хирш, Генриетта Гольдшмидт и ряд писателей на темы общего и еврейского права. интересы, такие как Рейчел Мейер, Элиза Леви (Хенле), Улла Франк-Вольфф, Йоханна Гольдшмидт, Кэролайн Дойч, в Германии; Ребекка Эжени Фоа, Джулианна и Полин Блох, во Франции; Эстель и Мария Герцвелд, в Голландии, и Эмма Лазарус, в Америке.

Следует записать еще одно имя. Фанни Нойда, автор "Часов преданности" и ряда детских рассказов, имеет двойное право на наше признание, поскольку она еврейская писательница, адресовавшая свои произведения исключительно еврейским женщинам.

Мы следили за еврейскими женщинами со времен их первого полета в царство песни на протяжении двух тысяч лет и вплоть до наших дней, когда наша запись, казалось бы, подошла к естественному завершению. Но я считаю уместным обратить ваше внимание на ряд

обстоятельств, которые можно было бы назвать феноменальными, если бы, как мы все знаем, величайшее из всех чудес не заключалось в том, что настоящие чудеса встречаются так часто.

Это хорошо известный факт, распространяемый литературными журналами, что семья Ротшильдов, отличающаяся финансовыми способностями, произвела на свет значительное количество писательниц. Но менее известно и гораздо более примечательно, что многие из выдающихся женщин этой семьи посвятили свои литературные способности и достижения служению иудаизму. Дворцы Ротшильдов, самой богатой семьи в мире, укрывают многие теплые сердца, пульсация которых учащается при мысли об истории Израиля и поэтическом наследии. Богатство ни на йоту не уменьшило их энтузиазма и преданной любви к вере. Первой из дома Ротшильдов, сделавшей себе имя как писательница, была леди Шарлотта Ротшильд из Лондона, одна из благороднейших женщин нашего времени, которая, находясь в лучах процветания, не побрезговала взять в руки дубинки для защиты своего народа, приходила субботу за субботой к своим бедным, несчастным сестрам по вере и разъяснять им в школе, основанной ее щедростью, природу и обязанности нравственной, религиозной жизни на лекциях, проникнутых духом истины и веры. Два тома этих обращений были опубликованы на немецком и английском языках (1864 и 1869), и каждая страница свидетельствует о редком благочестии, значительной учености, доскональном знании Библии и высоком уровне культуры. Равный энтузиазм по отношению к иудаизму пронизывает два тома "Мыслей, навеянных библейскими текстами" (1859) баронессы Луизы, еще одного английского ротшильда.

Три молодые женщины из этого дома, в котором богатство не противоречит идеализму, проявили себя как писательницы, в первую очередь среди них Клементина Ротшильд, нежная, обаятельная девушка, унесенная смертью прежде, чем жизнь с ее бурями смогла отнять у нее чистые идеалы юности. Она умерла на двадцатом году жизни, и ее наследие своей семье и своей вере содержится в "Письмах другу-христианину об основополагающих истинах иудаизма", которые в высшей степени достойны прочтения всеми женщинами, независимо от вероисповедания. Эта молодая женщина проявила больше мужества, больше энтузиазма, больше остроумия, несомненно, также и более точное знание иудаизма, чем тысячи мужчин нашего времени, молодых и старых, которые считают, что для решения великих религиозных проблем, ставящих человечество в тупик, достаточно больших периодов молчания.

Наконец, следует упомянуть Констанс и Анну де Ротшильд, чей двухтомник "История и литература Израиля" (1872) произвел настоящую сенсацию и пробудил литературный мир к осознанию того факта, что семья Ротшильдов отличается не только богатством, но и талантом и религиозным рвением своих создательниц.

Я рискнула объединить этих женщин из семьи Ротшильдов вместе в качестве завершения истории еврейских женщин в литературе, потому что считаю их работу залогом будущих достижений. Такие примеры не могут не разжечь искру энтузиазма, дремлющую в сердцах еврейских женщин, и священное пламя религиозного рвения, вновь поддерживаемое женщинами, будет переходить от чина к чину в еврейской армии. Как бы то ни было, за полвека произошли заметные изменения в отношении к иудаизму. Пятьдесят лет назад следующие строки Каролины Дойч, одной из вышеупомянутых современных немецких писательниц, не могли бы вызвать такого отклика, как сейчас:

"Маленький графинчик в Храме,
Который поддерживал жертвенный огонь,

Каким истинным выразительным символом
ты являешься для моей расы, для славы Израиля!
Ты в течение многих дней давал масло,
Чтобы осветить Храм, отвоеванный у врага —
Так что на протяжении веков в моем народе
Дух сопротивления никогда не угасал.
Он был изгнан из дома и страны,
Мрак и печаль были его ежедневным уделом;
Но факел веры горел непоколебимо,
Мужество, подобное твоему маслу, не покинуло его.
Насмешки и глумление были его уделом,
Смерть нападала на него в десяти тысячах обличий —
Но этот народ никогда не колебался,
Надежда, его маяк, вела его сквозь все бури.
Беднее бессловесного, загнанного скота,
Оно вышло поработанным из своего поместья,
Все его стертые с ног палочки были освещены
врожденным сознанием собственной ценности.
Невезучая судьба не могла сломить его;
Несправедливые законы усилили его чудесную веру;
Из его сердца неиссякаемым потоком
лился Свет Свободы на его тернистом пути.
Масло, горевшее в старом Храме,
Только восемь дней ты излучал свет!
Масло веры поддерживало этот народ
На протяжении веков самой темной ночи!"

Мы можем позволить себе безмятежно смотреть в будущее иудаизма. Знамения времени кажутся благосклонными тому, чей взор достаточно ясен, чтобы прочесть их, чье сердце не слишком ожесточено, чтобы правильно понять их послание.

Наше суровое время, наслаждающееся отрицанием и разрушением, топчущее ногами нежные цветы поэзии и веры, живущее в соответствии со своим псевдо-девизом "То, что не умрет само по себе, должно быть предано смерти", внезапно остановится в своей безумной карьере уничтожения. Это ознаменует начало новой эры, первые признаки нового весеннего прилива для охваченного штормами Израиля. На руинах воздвигнется еврейский дом, основанный на израильской концепции семейной жизни, спасающей мир, которая, просветив народы земли, вернется к источнику, из которого она впервые вышла. Построенный на этом фундаменте и опирающийся на столпы современной культуры, еврейского духа и истинной морали, еврейский дом еще раз призовет народы воскликнуть: "Как прекрасны твои шатры, о Иаков, твои жилища, о Израиль!"

Пусть мягкий звездный свет высоких идеалов женщины продолжает сиять на тернистом пути мыслителя Израиля; пусть они никогда не покидают Израиль, эти поцелованные Богом

женщины, которые черпают вдохновение в священном источнике поэзии и освящаются его прозрачными водами, чтобы возносить хвалу и благодарение Тому, Кто царствует на небесах; пусть слова поэта всегда остаются применимыми к матронам и девам Израиля:[35]

"Чистая женщина стоит в жизненной суматохе,
Как роза в лиственной беседке;
Ее стремления и тяжелый труд
Окрашены, как цветок.

Ее мысли благочестивы, добры и правдивы,
они не имеют отношения ко злу;
В ее сердце виден отблеск неземной синевы
".

МОИСЕЙ МАЙМОНИД

"Кто такой Маймонид? Что касается меня, признаюсь, я просто слышал это имя". Это наивное признание было сделано не так давно известным французским писателем при обсуждении темы эссе "О философии Маймонида", получившего премию от *университетской академии* Парижа. Какая короткая память у французов на имена иностранных ученых! Когда предложенный предмет был представлен французскому министру образования, он, вероятно, задал себе тот же вопрос; но он не затруднился с ответом; он просто заменил Маймонида Спинозой. Безусловно, философия Спинозы несколько более известна, чем философия Маймонида. Но почему министр просвещения должен принимать это во внимание? Министр и автор — обоим предположительно больше двадцати пяти лет — возможно, слышали, как этот самый вопрос ставился и на него давался ответ несколько лет назад. Они могли бы знать, что их коллега Виктор Кузен, чтобы спасти Декарта от позора за то, что он был сторонником спинозизма, установил надуманную связь между голландским философом и испанцем, объявив Спинозу преданным учеником Маймонида. Возможно, им следовало бы также знать, что Соломон Мунк, благодаря своему французскому переводу последнего труда Маймонида, позволил современным мыслителям приблизиться к еврейскому философу, и что вскоре после публикации этого перевода Э. Сайссе написал статью о еврейской философии в *Revue des Deux Mondes*, в которой он популярно и подробно изложил религиозные взгляды Маймонида. Всего этого они не знали, а если бы и знали, то наверняка не были бы столь откровенны, как немецкий мыслитель Генрих Риттер, который в своей "Истории христианской философии" откровенно признает: "У меня сложилось впечатление, что средневековая философия не была обязана еврейским метафизикам каким-либо оригинальным направлением мысли, но открытие М. Мунка убедило меня в моей ошибке".[36]

Кем был Маймонид? Этот вопрос, безусловно, более оправдан на немецкой, чем на французской земле. Во Франции его работы привлекли внимание, в то время как в Германии, за исключением круга ученых, он почти неизвестен. Даже среди евреев, которые называют его "Рамбам", он скорее прославлен, чем известен. Таким образом, представляется, что не лишним будет вкратце рассказать о жизни и трудах этого философа средневековья, которого ученые пытались связать со Спинозой, Лейбницем и даже с Кантом.[37]

В то время как читатели в целом обладают весьма скудной информацией о самом Маймониде, период, в который он жил и который во многом унаследовал от него свой блеск и важность, хорошо известен и стал излюбленной темой современных писателей. Тот период был поистине сказочной страной культуры. При просвещенных халифах арабы в Испании развили цивилизацию, которая на протяжении всего средневековья вплоть до эпохи Возрождения оказывала огромное влияние на все области человеческого знания. По правде говоря, это кажется сказочной страной, когда мы размышляем о том, что потомки высококультурного народа, учителя Европы во многих науках, сейчас скитаются в африканских джунглях, кочевники, которые знают о славе своего прошлого только по запутанным легендам, питающим к ним экстравагантную надежду, что знамя Пророка снова может развеяться над кафедральным собором Гранады. Тем не менее, этот испано-арабский период оставил нам в наследство такие великолепные образцы архитектурного мастерства, научных исследований и философской мысли, что мы далеки от того, чтобы считать его фантазией, мы знаем, что это один из краеугольных камней цивилизации.

Выдающимся среди великих людей того периода был еврей Моисей бен Маймон, или, как его называли по-арабски, Абу Амран Муса ибн Маймун Обейд Аллах (1135-1204). Можно сказать, что он олицетворял полную меру научных достижений эпохи, на закате которой он стоял, — эпохи, культура которой включала в себя весь круг известных тогда наук и сознательной целью которой было примирение религии и философии. Чем сильнее рос дух исследования, тем более горячим становилось стремление достичь этой цели, тем острее становилось восприятие проблем жизни и веры. Арабские и еврейские мыслители ревностно искали путь, ведущий к безмятежности. Хотя они так и не вступили на него, их пробные усилия естественным образом подготовили путь для развития великого всеобъемлющего интеллекта. Только гений, мастер всех наук, сочетающий здравость суждений и ясность прозрения с большой силой ума и глубиной, может преуспеть в примирении расходящихся принципов теологии и спекуляции, если такое примирение находится в пределах возможного. В Кордове, в 1135 году, когда солнце арабской культуры достигло своего зенита, родился Маймонид, человек, одаренный этим всеобъемлющим умом.

До нас дошло много событий из его жизни, не менее интересных, чем его философское развитие. Его отец был его первым учителем. Спасаясь от преследований Альмохадов, Маймонид, которому тогда было тринадцать лет, вместе со своей семьей переехал в Фес. Там религиозные преследования вынудили евреев отречься от своей веры, и семья Маймон, как и многим другим, пришлось подчиниться, по крайней мере внешне, требованиям ислама. В Фесе Маймонид был в близких отношениях с врачами и философами. В то же время, как в личном общении с ними, так и в своих трудах, он призывал своих псевдомусульманских братьев оставаться верными иудаизму. Это стоило бы ему жизни, если бы он не был спасен благодаря любезным услугам мусульманских теологов. Чувство незащищенности побудило его семью покинуть Фес и присоединиться к еврейской общине в Палестине. "Они отправились глубокой ночью. На шестой день их путешествия по Средиземному морю разразился страшный шторм; огромные волны швыряли хрупкое суденышко, как мячик; кораблекрушение казалось неминуемым. Благочестивая семья молила Бога о защите. Маймонид поклялся, что если его спасут от угрожающей смерти, он в качестве благодарственного подношения за себя и свою семью проведет два дня в посте и раздаче милостыни, а еще один день посвятит уединенному общению с Богом. Шторм утих, и после месячного плавания судно вошло в гавань Акко".^[38] Путешественникам был оказан теплый прием, но они пробыли там совсем недолго и в конце

концов навсегда обосновались в Египте. Там Маймонида тоже постигли бедствия, который находил утешение только в своей безоговорочной вере в Бога и восторженной преданности науке. Именно тогда Маймонид стал религиозным наставником своих братьев. В то же время он достиг выдающихся успехов в своей медицинской практике и ревностно посвятил себя изучению философии и естественных наук. Тем не менее, он не избежал клеветы, и до 1185 года фортуна отказывалась улыбаться ему. В том же году у него родился сын, впоследствии радость и гордость его сердца. Затем он был назначен врачом при дворе Саладина, и его репутация была настолько велика, что Ричард Львиное сердце хотел назначить его своим обычным врачом, но Маймонид отклонил это предложение. Несмотря на то, что его работы подняли против него много врагов, его влияние росло в общинах его города и провинции. К нему со всех сторон обращались с вопросами, и когда обсуждались религиозные вопросы, его мнение обычно решало вопрос. После его смерти в возрасте семидесяти лет в Израиле воцарился великий траур. Его бранные останки были перевезены в Тверию, и легенда сообщает, что бедуины напали на похоронный кортеж. Убедившись, что сдвинуть гроб с места невозможно, они присоединились к евреям и последовали за великим человеком к месту его последнего упокоения. Глубокое почтение, оказываемое ему как моральным чувством, так и буйной фантазией его народа, лучше всего выражено в краткой хвалебной речи, ставшей теперь почти пословицей: "От Моисея, Пророка, до Моисея бен Маймона не было никого, подобного Моисею".

В трех различных сферах деятельность Маймонида принесла важные результаты. Во-первых, это его заслуги перед единоверцами. Для них он составил великий Кодекс, первое систематическое изложение на основе талмудической традиции всех таинств и догматов иудаизма. Он дал им систему этики, которую даже сейчас следует ценить, потому что она прививает самые высокие из возможных этических взглядов и самое идеальное представление о жизненных обязанностях человека. Почти семьсот лет назад он объяснил им служение ислама человечеству и миссию, которую Провидение назначило выполнить христианству.

Его ранние произведения раскрывают фундаментальные принципы его последующего литературного творчества. Астрономический трактат о еврейском календаре, написанный в ранней юности, иллюстрирует его любовь к системе, но его особый метод мышления и работы лучше всего показан в двух последующих работах. Первый - это комментарий к частям Талмуда, вероятно, предназначенный для представления таких выводов Вавилонского и Иерусалимского талмуда, которые влияют на практику иудаизма. Второй - это его арабский комментарий к Мишне. Он объясняет Мишну просто и ясно со строго раввинской точки зрения — точки зрения, от которой он никогда не отказывался, допуская отклонения только в вопросах, не влияющих на поведение. Владея богатым материалом еврейской литературы, он считал одной из важнейших задач своего времени методичное упрощение изучения массы письменных и традиционных религиозных законов, накопленных на протяжении веков. Именно эта работа содержит попытку, которую одни восхваляют, другие осуждают, утвердить догматы еврейской веры, при этом Библия используется для подтверждения подлинности. Таким образом, было установлено тринадцать догматов веры. Первые пять естественным образом определяют идею Бога: статья 1 провозглашает существование Бога, статья 2 - Его единство, статья 3 - Его нематериальность, статья 4 - Его вечность, статья 5 - то, что только Ему одному, кому обязана своим существованием вся сотворенная жизнь, должно поклоняться человечество; следующие четыре касаются откровения: 6 - откровений, данных через пророков в целом, 7 - откровения, данного через Моисея, 8 - божественного происхождения Закона, 9 - совершенства Закона и

его вечно обязывающей силы; а остальные посвящены божественному управлению миром: 10, Божественное провидение, 11, награда и наказание здесь и после, 12, Мессианские обетования и надежды и 13, воскресение.

Высокая репутация Маймонида среди своего народа подтверждается его письмами и ответами, содержащими подробные ответы на острые религиозные вопросы. Особенно ценным является письмо о "Вынужденном отступничестве", *Иггерет ха-Ш'мамад*. Он советует вопрошающему, что делать, когда ему угрожают религиозные преследования. Можно ли спасти жизнь, приняв мусульманскую веру, или навлечь смерть, отказавшись принять ее? Мнение Маймонида резюмируется в словах: "Решение, которое я всегда рекомендую своим друзьям и тем, кто консультируется со мной, состоит в том, чтобы покинуть такие регионы и обратиться к месту, где можно исповедовать религию, не опасаясь преследований. Никакие соображения об опасности, имуществе или семье не должны препятствовать достижению этой цели. Божественный Закон пользуется у мудрых большим уважением, чем случайные дары судьбы. Это проходит, прежнее остается". Его ответы, а также его наиболее важные работы несут на себе отпечаток здравого, упорядоченного ума, высокого интеллекта, сосредоточенного только на том, что по-настоящему велико.

Также его вторая известная работа, вышеупомянутый Еврейский кодекс, *Мишне Тора*, "Краткое изложение закона", была написана в интересах его братьев по вере. Его четырнадцать разделов касаются знаний, любви, праздников, законов о браке, освящений, обетов, семян, храмовой службы, жертвоприношений, очищений, возмещения ущерба, купли-продажи, судов и судей. "Моя работа такова, - говорит Маймонид, - что моя книга "В связи с Библией" позволит студенту обойтись без Талмуда". С какой бы точки зрения ни рассматривать эту работу, следует признать, что Маймонид осуществил свой план с поразительным успехом и что это единственный метод, с помощью которого можно было внедрить его в различные разделы еврейского религиозного знания. Но очевидно, что мыслитель еще не достиг цели своих желаний. В соответствии с его фундаментальным принципом, за научной систематизацией религиозных законов должно было последовать объяснение богооткровенной религии и греко-арабской философии, а также попытка добиться примирения между ними.

Прежде чем мы перейдем к этой его величайшей книге, неплохо бы остановиться на втором этапе его творчества - его деятельности в качестве медицинского писателя. Маймонид относился к медицине как к науке, что было необычно в те дни. Совокупность фактов, относящихся к медицине, он классифицировал, поскольку систематизировал религиозные законы Талмуда. В своей методичной манере он также редактировал труды Галена, медицинского оракула средневековья, и его собственные медицинские афоризмы и трактаты отмечены той же любовью к системе. Похоже, что у него было намерение подготовить медицинский кодекс, который служил бы цели, аналогичной цели его религиозного кодекса. Насколько высокой репутацией он пользовался среди мусульманских врачей, показывают экстравагантно восторженные стихи арабского поэта:

"Искусство Галена избавляет от телесных недугов,
Маймонид лечит и разум, и тело, —
Его мудрость исцеляет болезни и невежество.
И если луна призовет на помощь его умение и изощренность,
Ее пятна, когда ее шар будет полным, исчезнут;

Он заполнит ее брешь, когда время вторгнется,
И вылечит ее также от бледности, вызванной землей".

Однако истинное величие Маймонида следует искать в его философских трудах. Несмотря на большой разрыв между нашим интеллектуальным подходом и философскими взглядами, которые наиболее полно выразил Маймонид, мы можем должным образом оценить его достижения и интеллектуальный кругозор, оценивая его применительно к его собственному времени. Когда мы осознаем, что он вобрал в себя все течения мысли своего времени, что он был их верным толкователем и что в то же время он был одарен точным историческим чутьем, делавшим его полностью объективным, мы признаем в нем "воплотившегося гения своей особой эпохи". Труд, содержащий глубочайшую мысль Маймонида и сумму его знаний и эрудиции, был написан на арабском языке под названием *Далалят аль-Хайрин*. На иврите он известен как *Море Небухим*, на латыни - как *Доктор Перплексорум*, а на английском - как "Путеводитель озадаченных". Этой книге мы сейчас и посвятим наше внимание.

Предполагалось, что оригинальный арабский текст, наряду со многими другими литературными сокровищами средневековья, был утерян, пока Соломон Мунк, слепой ученый обладавший ясным зрением, не обнаружил его в библиотеке Парижа и не опубликовал. Но в переводе на иврит книга вызвала переполох, который утих только после ее публичного сожжения в Монпелье в начале XIII века. Латинским переводом мы обязаны Буксторфу; немецкий, я полагаю, неполный, и вряд ли можно сказать, что он свидетельствует о зрелой учености.^[39]

Естественно напрашивается вопрос: что содержит эта книга? Устанавливает ли она новую систему философии? Является ли это научной энциклопедией, подобной той, которую имели обыкновение создавать арабские школы того времени? Ни то, ни другое. "Руководство для сбитых с толку" - это система рационального богословия на философской основе, книга, предназначенная не для новичков, а для мыслителей, для таких умов, которые знают, как проникнуть в глубокий смысл традиции, как говорит автор во вступительном письме, адресованном Джозефу ибн Акнину, его любимому ученику. Он считает, что даже те, к кому обращается эта книга, часто бывают озадачены и сбиты с толку очевидными несоответствиями между буквальным толкованием Библии и доводами разума, что они не знают, воспринимать ли выражения Писания как символические или аллегорические, или принимать их в их буквальном значении, и что они становятся жертвой сомнений и жаждут руководства. Маймонид готов повести их к возвышению, на котором религия и философия встречаются в совершенной гармонии.

Получив образование в школе арабских философов, особенно под влиянием Ибн Сины (Авиценны), Маймонид преклонялся перед Аристотелем, автократом средневековья в сфере умозрения. Нет никаких сомнений в том, что власть, которой обладал греческий философ на протяжении средневековья, и влияние, которое он оказывает даже сейчас, в основном приписываются арабам, и, помимо них, в первую очередь Маймониду. Для него Аристотель был вторым по авторитетности после Библии. Рациональное толкование Библии, по его мнению, означало ее толкование с аристотелевской точки зрения. Тем не менее, он считает Аристотеля таким же мыслителем, как и он сам, и ни в коем случае не непогрешимым "органом разума". В тот момент, когда он обнаруживает, что перипатетический принцип находится в прямом и непримиримом конфликте с его религиозными убеждениями, он расстается с ним, чего бы это

ни стоило. Ибо, прежде всего, Маймонид был правоверным евреем, стремившимся достичь духовной концепции своей религии и отвести теологии то место, которое, по его мнению, принадлежит ей в сфере науки. Он выделяется как самый выдающийся посредник между греко-арабской мыслью и христианской схоластикой. Столетие спустя наиболее выдающийся из схоластов попытался, точно так же, как Маймонид, примирить божественную мудрость с человеческой, проявленной Аристотелем. Было продемонстрировано, что за Маймонидом последовали как Альберт Великий, так и Фома Аквинский, и что новые цели философии, зародившиеся в начале XIII века, частично связаны с влиянием "рабби Моисея Египетского", как назвал Маймонида первый из этих двух знаменитых докторов Церкви.

Какую чудесную картину представляет собой развитие аристотелевской идеи в ее прохождении сквозь века! И одна из самых привлекательных фигур на полотне - Маймонид. Давайте посмотрим, как он берется направлять сбивших с толку. Его путь отмечен для него Библией. Первых нескольких стихов достаточно, чтобы озадачить верующего мыслителя. Там говорится: "Сотворим человека по нашему образу и подобию". Что? Следует ли понимать это выражение буквально? Невозможно! Представлять Бога таким, что существо может быть создано по Его образу и подобию, означает представлять Его как телесную субстанцию. Но Бог - это невидимый, нематериальный Разум. Этому учит Разум, и сама священная Книга запрещает поклонение изображениям. В этом пункте Аристотель и Библия согласны. Напрашивается вывод, что в Священном Писании есть много метафор и слов с двойным или аллегорическим смыслом. Так обстоит дело со словом "образ". Оно имеет два значения, одно обычное и очевидное, другое переносное. Здесь слово следует понимать в переносном смысле. Бог понимается как высший Разум, а поскольку разум является специфическим атрибутом, характеризующим человеческий разум, из этого следует, что человек в силу своего обладания разумом подобен Богу, и чем полнее он осознает идеал Разума, тем ближе он приближается к форме и подобию Бога. Таков метод рассуждений Маймонида. Он не создает новую систему философии, он принимает существующую систему. Начиная с толкования Библии, он шаг за шагом ведет нас к высокой цели, при достижении которой философия и вера соединяются в совершенной гармонии.

Аргументы в пользу существования, единства и бестелесности Бога разделяют арабских философов на две школы. Маймонид, естественно, придерживался точки зрения, допускающей наиболее возвышенное представление о Боге, то есть представление о Боге, свободном от человеческих атрибутов. Он не признает ничего, кроме отрицательных атрибутов; другими словами, он определяет Бога только с помощью отрицаний. Например, утверждение о том, что Верховное Существо всеведуще или всемогущее, не наделяет Его положительными качествами, это просто отрицание несовершенства. Изучающий знает, что в истории учения об атрибутах признание отрицательных атрибутов знаменует большой прогресс в философском мышлении. Маймонид считает, что концепция Божества как чистой абстракции является единственной по-настоящему философской. Его доказательства существования, нематериальности и единства Бога поняты в том же духе. Предлагая их, он внимательно следует рассуждениям Аристотеля, добавляя только одно другое доказательство, космологическое, которое он позаимствовал у своего учителя, араба Авиценны. Он логически достигает этого доказательства, более четко определяя идею Бога и, в то же время, принимая во внимание природу мира вещей и их отношение друг к другу. Знакомый с "Альмагестом" Птолемея и исследованиями арабов, он, естественно, превосходит своего греческого учителя в астрономических знаниях. Однако в физической науке он безраздельно привержен аристотелевской теории подлунного и

небесного мира сфер, первая из которых состоит из подлунных элементов в постоянно меняющихся, скоропортящихся комбинациях, а вторая - из стабильной, неизменной пятой субстанции (квинтэссенции). Но вопрос о том, как Бог перемещает эти сферы, отделяет Маймонида от его учителя. Его собственный ответ звучит неоплатонически. Вместе с Аристотелем он утверждает, что существует столько же отдельных Разумов, сколько сфер. Предполагается, что каждая сфера стремится к Разуму, который является принципом ее движения. Арабские мыслители предполагали наличие десяти таких независимых Разумов, по одному из которых оживляли каждую из девяти постоянных сфер, а десятая, называемая "Активным интеллектом", влияла на подлунный мир материи. Существование этого десятого Разума доказывается переходом нашего собственного разума от возможного существования к актуальному и изменением форм всех преходящих вещей, материя которых когда-то существовала только в потенциальном состоянии. Всякий раз, когда происходит переход от потенциальности к действительности, должна быть причина. Поскольку десятый Интеллект (*Сечель Хапоэль*, Активный Интеллект) порождает форму, он сам должен быть формой, поскольку он является источником интеллекта, он сам является интеллектом. Это, конечно, для нас неясно, но мы должны помнить, что Маймонид не был бы такой очаровательной и индивидуальной личностью, не будь он неотъемлемой частью своего времени и представителем его верований. Маймонид, в кои-то веки отошедший от перипатетической системы, отваживается сделать еще один смелый шаг в сторону от нее. Он предлагает объяснение сотворения мира, отличное от объяснения Аристотеля. Последний отверг *creatio ex nihilo* (творение из ничего). Подобно современным философам, он предполагал существование вечной "Первичной субстанции" (*materia prima*). Его Библия не позволяет нашему раввину использовать эту теорию. Задача современного исследователя состояла в том, чтобы продемонстрировать, как слово Священного Писания с помощью некоторых небольших манипуляций может быть искажено настолько, чтобы привести его в соответствие с теориями естествознания. Но чистосердечный проводник не опустится до такого обмана. Кроме того, принятие теории Аристотеля исключило бы вмешательство чудес в управление миром, а от этого Маймонид не собирается отказываться. Именно здесь его монотеистические убеждения вынуждают его выступить в прямой оппозиции как к греческим, так и к арабским философам. В этом вопросе он не терпел ни легкомыслия, ни компромисса с разумом. Именно его честность настолько возвысила его учения, что они пережили столетия и сохраняют место в чистой атмосфере современной философской мысли.

Согласно Маймониду, человек обладает абсолютной свободой воли, а Бог абсолютно справедлив. Все хорошее, что выпадает на долю человека, является наградой, все его злые судьбы - наказанием. То, что Аристотель приписывает случаю, а мусульманские философы - Божественной Воле или Божественной Мудрости, наш раввин относит к *достоинствам человека* как к его причине. Он не допускает, чтобы какие-либо страдания были незаслуженными или чтобы Бог назначал испытания только для того, чтобы искупить вину страдальца в этом или будущем мире. Восприимчивость человека к божественному влиянию измеряется его интеллектуальными способностями. Через свой "интеллект" он непосредственно связан с "Активным Интеллектом" и таким образом обретает благодать Бога, который объемлет бесконечное. Такие взгляды естественным образом ведут к пониманию жизни в согласии с чистейшими идеалами морали, и они являются целью, к которой "Проводник" ведет сбитых с толку людей. Он учит, что приобретение высокой интеллектуальной силы и "обладание такими понятиями, которые ведут к истинным метафизическим взглядам" о

Боге, являются "конечной целью человека" и составляют истинное человеческое совершенство. Именно это "дает ему бессмертие" и наделяет его мужским достоинством.

Высшей степени совершенства, согласно Маймониду, достигает тот, кто посвящает все свои мысли и действия совершенствованию себя в божественных вопросах, и эту высшую степень он называет пророчеством. Вероятно, он первый философ, предложивший столь рационалистическое объяснение, и по этой причине оно заслуживает нашего внимания. То, что ранее считалось сверхъестественным вдохновением, "Руководство" сводит к психологической теории. "Пророчество, - говорит он, - это, по правде и реальности, эманация, посылаемая Божественным Существом через посредство Активного Интеллекта, в первую очередь к рациональной способности человека, а затем к его способности воображения; это высшая степень ... совершенства, которого может достичь человек; оно состоит в наиболее совершенном развитии способности к воображению". Маймонид различает одиннадцать степеней вдохновения и три основных условия пророчества: 1. Совершенство естественного строения способности к воображению, 2. ментальное совершенство, которое частично может быть приобретено путем тренировки, и 3. моральное совершенство. Моисей достиг высшей степени пророчества, потому что он понимал сообщенное ему знание без посредства способности воображения. Достигнув этой духовной высоты, "Наставнику" остается лишь сделать шаг, чтобы достичь откровения, которое, по его мнению, также является интеллектуальным процессом: интеллект человека поднимается до Высшего Существа.

В третьей части своего труда Маймонид пытается согласовать выводы философии с библейскими законами и талмудическими традициями. Его метод одновременно оригинален и ценен; действительно, это заслуживает того, чтобы считаться самой важной частью его работы. Подробное изложение его рассуждений может оказаться утомительным; поэтому мы рассмотрим его как можно короче.

Маймонид установил одно правило толкования, которое оказывается применимым почти без исключений: слова Священного Писания выражают различные наборы идей, имеющих определенное отношение друг к другу, причем один набор относится к физическим, другой - к духовным качествам. Применяя это правило, он думает, что почти все расхождения между буквальным толкованием Библии и его собственными философскими теориями исчезают. Перейдя к области метафизических спекуляций, он, наконец, переходит к рассмотрению практической стороны Библии, то есть Моисеева законодательства. Эти его последние исследования привлекательны не только из-за применяемого удовлетворительного метода, но главным образом из-за того факта, что Маймонид, отказываясь от консерватизма своих современников, отваживается исследовать причины библейских законов. Многим из них он приписывает местные и исторические причины; многие, как он думает, обязаны своим происхождением желанию противостоять суеверным обычаям древних времен и сабеев, мифической, примитивной расы; но все они, как он утверждает, обязательны к исполнению, и этим торжественным заявлением он ставит печать на свою завершенную работу.

Когда Маймонид охарактеризовал "Руководство для сбитых с толку" как "истинную науку о Библии", он справедливо оценил свою собственную работу. Это стало основой рационального богословия, основанного на спекуляциях. Нельзя сказать, что Маймонид сильно опередил свое время, но совершенно несомненно, что он достиг вершины возможностей средневековья. Во многих отношениях существует поразительное сходство между его жизнью и творчеством

арабского вольнодумца Аверроэса, которого мы теперь так хорошо знаем благодаря Эрнесту Ренану. Пока еврейский богослов сочинял свой великий труд, арабский философ писал свои "Комментарии к Аристотелю". Эти двое преследовали схожие цели — один возводил на престол "стагирита" в качестве автократа философии в мечети, другой - в синагоге. Мы отметили тот факт, что несколько столетий спустя Церковь также вошла в федерацию, подчинявшуюся аристотелевскому правлению. Альберт Великий использует Маймонида, Фома Аквинский присоединяется к нему, и от них зависят другие схоласты. Недавние исследователи следуют за ними. Благороднейший приверженец философии, сам Бенедикт Спиноза, находится под влиянием Маймонида. Он часто и пространно цитирует лучшие отрывки из "Руководства". Опять же, Мозес Мендельсон построил свою систему на основах, предложенных Маймонидом, и один острый критик уверяет нас, что в некоторых отрывках религиозная философия Канта дышит духом Маймонида.[40]

Однако "Наставник сбитых с толку" не встретил столь любезного приема в Синагоге. Там философская система Маймонида вызвала неистовые бури. Вся эпоха, последовавшая за смертью Маймонида, была поглощена конфликтом между философией и традицией. С тех дней до нас дошли бесчисленные противоречивые памфлеты. Энтузиасты восхваляли, фанатики порицали. Двусмысленные высказывания Маймонида о телесном воскресении, по-видимому, указывающие на то, что он не соглашался со статьей символа веры по этому вопросу, вызвали особенно ожесточенную полемику. Меир бен Тодрос ха-Леви, талмудист и поэт из Толедо, осудил двусмысленность в следующих строках:

"Если те, кто восстают из мертвых, снова должны умереть, то
По жребию, подобному их, я никогда не буду тосковать и вздыхать.
Если могилы снова сомкнутся с их костями,
я надеюсь остаться там, где они похоронили мои в первый раз".

Естественно, последователи Маймонида поспешили возразить:

- Его имя, по правде говоря, Меир "Сияющий".
Как фальшиво! с тех пор *свет* его мало уважают.
Наш язык всегда любит контраст, —
Twilight- так называется сомнительный отблеск вечера".

Другим противником Маймонида был врач Иуда Альфахар, носивший наследственный титул *принца*. Ему приписывается следующая пасквинада:

"Прости, о сын Амрама, и не считай преступлением,
Что он, повелитель обмана, носит твое имя.
Наби мы называем пророком возвышенных истин,
Подобным пророку Баала, которого порочит истина".

Маймонид в своем предполагаемом ответе принцу обыграл слово *Чамор*, еврейское слово, обозначающее *осла*, имя еврейского принца, упомянутого в Библии:

- Я полагаю, мы с гордостью заявляем о высоком звании,
происшедшем от благородного предка;
Отныне моего мула *принцем* я буду называть
, Поскольку когда-то принца звали *Чамор*.

Кажется совершенно очевидным, что эта полемическая рифмовка является выдумкой более поздних времен, поскольку мы знаем, что споры о взглядах Маймонида в Испании и Провансе разгорелись только после его смерти, когда его главный труд широко распространился в переводе на иврит. Следующая строфа передавалась из уст в уста на севере Франции:

"Молчи, "Наставник", от дальнейших речей воздержись!
Таким образом, истина нам так и не была принесена.
Проклят тот, кто говорит, что Священное Писание - это троп,
И праздные мечты о том, чему учили пророки".

После чего провансальцы вернулись:

"Глупец, я молю тебя воздержаться
И не вступать на эту освященную землю.
Или троп, или истина — или справедливое видение,
Или только мечта — для тебя это слишком глубоко".

Дань уважения памяти Маймонида во многих случаях породила самые экстравагантные стихи. Предполагается, что следующие высокопарные строки, возмущающие каноны хорошего тона, признанные в еврейской поэзии, станут его эпитафией:

"Здесь лежит мужчина, но не мужчина,
И если мужчина, зачатый ангелами,
матерью—человеком, рожденный только для света;
Возможно, он сам чистый дух —
Не ребенок, возвращенный мужчиной и женщиной -
От Бога, высшая яркая эманация".

Такая гипербола, естественно, вызвала противодействие, и противники Маймонида без колебаний выразили свое глубокое возмущение следующим образом:

"Увы! этот человек осмелился
с безрассудным видом заявить,
Что Священное Писание - всего лишь ночной сон;
Что все, что мы в нем читаем,
На самом деле никогда не существовало,
Есть не что иное, как признак непонятого смысла.
И когда надменный насмешник читает чудесные деяния Бога,
он с презрением восклицает: "Я доверяю своему зрению".

Contemptuous he cries, 'I trust my sight.'"

Прекращение военных действий наступило только в четырнадцатом веке. Тогда евреи по достоинству оценили "Путеводитель". Позже память Маймонида пользовалась безграничным почтением, и сегодня его "Руководство для сбитых с толку" является руководством по религиозной философии, высоко ценимым иудаизмом.

Если мы хотим еще раз, прежде чем расстаться с этим серьезным, благородным мыслителем, пересмотреть его работу и позицию, то лучше всего мы можем сделать это, применив к ним стандарт, изложенный в его собственном ответе всем враждебно настроенным критикам его работ: "Короче говоря, таков мой настрой. Когда какая-то мысль наполняет мой разум, хотя я могу выразить ее так, что только один человек из десяти тысяч, мыслитель, будет удовлетворен и возвышен ею, в то время как обычная толпа осуждает ее как абсурдную, я смело и откровенно произношу слово, которое просвещает мудрых, никогда не боясь осуждения невежественного стада".

Таким был Маймонид — человек чистых мыслей, благородных целей; проникнутый энтузиазмом к своей вере, любовью к науке; руководствующийся самыми высокими моральными принципами; полный бескорыстной любви и человеческой доброты в общении с представителями других вер и других взглядов; мыслитель с орлиным взором, в котором были сосредоточены и гармонично сочетались последние лучи заходящего солнца арабо-еврейско-испанской культуры.

ЕВРЕЙСКИЕ ТРУБАДУРЫ И МИННЕЗИНГЕРЫ

Грандиозный турнир при дворе Педро I.! Оглушительные фанфары приглашают придворных и кавалеров принять участие в празднествах. В ярком солнечном свете сверкают копыя рыцарей, сверкают копыя идалго. Доблестные паладины провожают черноглазых красавиц на балкон, на котором на высоком троне под позолоченным балдахином в окружении придворных восседают Бланш де Бурбон и ее прославленный сеньор Дом Педро, а слева от него - донья Мария де Падилья, дама, которую он выбрал. Трижды протрубили трубы, возвещая о приближении трубадуров, собравшихся со всех концов Кастилии, чтобы посоревноваться друг с другом в пении. Смотрите! почтенный старец с серебристо-белой бородой, ниспадающей на грудь, пытается выделиться из толпы. С восхищенным видом люди почтительно расступаются и восторженно приветствуют его: "Раввин Дон Санто! Раввин Дон Санто!"

Трубадур низко кланяется перед троном. Дом Педро ободряюще кивает, Мария де Падилья любезно улыбается, только бледное лицо доньи Бланки остается неподвижным. Седой бард начинает свою песню:[41]

"Мой благородный король и могущественный господин,
я слышал совершенно верную речь;
Это Сантоб принес вашей светлости слово,
Еврей из города Кэррион.

В простейших стихах я излагаю свою мысль,
С блеском и моральной свободой,

Почерпнутую из чистого источника философии,
Как вы увидите в дальнейшем".[42]

По толпе пробегает одобрителный гул; гранды и идадьго придвигаются ближе, чтобы послушать. В хорошо написанных стихах, полных житейских уроков и безразличных к тому, встречают ли его увещевания похвалу или порицание, поэт продолжает изливать слова совета и нравоучения, как королю, так и знати и народу.

Кто такой этот раввин Дон Сантоб? Мы знаем о нем очень мало, но, с помощью "ясноглазой фантазии", достаточно, чтобы нарисовать его портрет. Настоящее имя этого еврея из Каррион-де-лос-Кондес, города на севере Испании, жившего при Альфонсо XI и Петре Жестоком, было, конечно, не Сантоб, а Шем-Тоб. При Альфонсо интеллектуальная жизнь Испании достигла значительной степени развития, и в Испании, как почти везде, мы находим евреев, сочувствующих первым интеллектуальным устремлениям нации. Они внесли свой вклад в развитие всех романских языков и литератур. Ибн Альфанж, мавританский еврей, после своего обращения ставший высокопоставленным чиновником, написал первую "Хронику Сиды", старейший источник часто повторяющейся биографии, тем самым предоставив материал последующим испанским поэтам и историкам. Валентин Барручиус (Барух) из Толедо сочинил, вероятно, в двенадцатом веке, на чистой отборной латыни роман "*Граф Лионский, Паланус*", который распространился по всей Европе, дав современным поэтам сюжет для великих трагедий и заложив основу для одного из классических произведений испанской литературы. Чуть позже Петрус Альфонсус (Мозес Сефарди) написал свою "*Дисциплину духовную*", первый сборник сказок в восточной манере, образец для всех будущих сборников подобного рода.

Таким образом, три наиболее важных произведения испанской литературы являются произведениями еврейского авторства. Этот факт подготавливает студента к тому, чтобы найти еврея среди кастильских трубадуров четырнадцатого века, периода наибольшей литературной активности. Еврейский дух ни в коей мере не был антагонистичен поэзии провансальских трубадуров. В своей дидактической поэме "*Чотам Точнум*" ("Печать совершенства" вместе с "Пылающим мечом") Абрахам Бедерси, то есть из Безье (1305), вызывает своих единоверцев на поэтический поединок. Он подробно излагает правила турнира, и очевидно, что он хорошо знаком со всеми тонкостями *the jeu parti* и *tenso* (песни спора) провансальских певцов и охотно подражал бы их *sirventes* (морально-политической песни). Характерна его жалоба на упадок поэзии среди евреев: "Где теперь чудеса еврейской поэзии? Может быть, ты найдешь их в провансальском или романском языке. Да, в стихах Фольке - манна небесная, а из уст кардинала доносится аромат крокуса и нарда" — Фольке де Люнель и Пейре Кардинал являются последними великими представителями провансальской поэзии трубадуров. Позже неоеврейские поэты снова демонстрируют знакомство с правилами, регулирующими песенные бои и суды любви. Благочестивые толкователи Библии, такие как Самуэль бен Меир, не брезгают упоминать о *частушках* трубадуров, "в которых влюбленные беседуют друг с другом и по очереди вступают в беседу". Один из представителей его школы, *тоссафист*, заходит так далеко, что, следуя моде того времени, объясняет значение стиха из "Песни песней": "По сей день влюбленные берегут локоны своих любовниц как знаки любви". Похоже также, что провансальские романсы были услышаны, и их великих поэтов приветствовали в домах евреев, которые не гнушались иногда использовать их мелодии в синагогальной службе.

Таким образом, национальные обычаи укоренились в Израиле; но еще более примечательно то, что еврейские элементы были включены в испанскую литературу, и их действительно можно назвать чудесными. И все же, с одной точки зрения, это неудивительно. Вся средневековая испанская литература - не что иное, как служанка христианства. В испанской поэзии полностью доминирует католицизм; на самом деле это всего лишь выражение почтения к христианским институтам. Крайность естественным образом порождает встречное течение; так что здесь, рядом с жесткой ортодоксальностью, мы встречаемся с широтологией и светским восторгом от жизненных благ. Например, этот веселый негодяй, протоиерей Хиты, чтобы отдохнуть от напряженности церковной дисциплины, начинает сочинять *данзасы* и *баллады* для богатых еврейских банкиров своего города. Ему и его современникам есть что сказать о еврейской щедрости — к сожалению, также много о еврейском богатстве и помпезности. Еврейские женщины, рассказывает еврейский хронист, разукрашены так же "роскошно, как папские мулы". Само собой разумеется, что наряду с этими рассказами мы часто слышим стенания об отступничестве от веры и пренебрежении Законом. Старый Акиба прав: "История повторяется!" ("*Es ist alles schon einmal da gewesen!*").

Таковыми были времена Сантоба де Карриона. Наша первая информация о нем исходит от маркиза де Сантильяны, одного из первых покровителей и лидеров испанской литературы. Он говорит: "Во времена моего деда жил еврей, раввин Сантоб, который написал много превосходных вещей, среди которых *Пословицы Моралеса* (Моральные пословицы), поистине похвальные по духу. Великий трубадур, он входит в число самых знаменитых поэтов Испании". Несмотря на эту высокую оценку, маркиз чувствует себя вынужденным извиниться за то, что процитировал отрывок из произведения Сантоба. Критики одобряют его похвалу. Принято считать, что его *Consejos y Documentos al Rey Dom Pedro* ("Совет и наставление королю Дому Педро"), состоящий из шестисот двадцати восьми романсов, заслуживает места среди лучших творений кастильской поэзии, которая по форме и содержанию немало обязана раввину Сантобу. Ценная рукопись в музее Эскуриал в Мадриде содержит его "*Консехос*" и две другие работы, "*Христианская доктрина*" и "*Танец генерала*". Нерадивый переписчик назвал весь сборник "Книгой рабби Сантоба", что привело к ошибке испанских критиков, которые полагают, что рабби Сантоб, бесспорный автор *Consejos*, обратился в христианство и написал после своего обращения дидактическую поэму о доктринальном христианстве и, возможно, также первую "Пляску смерти".^[43] Разоблачение ошибочности этой гипотезы было оставлено за остротой немецкой критики. Из трех работ только *Консехос* принадлежит раввину Сантобу, остальные были случайно связаны с ним. Попутно можно отметить интересное обстоятельство, что в первом "Танце смерти" бородатый раввин (*рабби барбудо*) танцует к универсальной цели между священником и ростовщиком. Сантоб де Каррион остался евреем. Его *наставления*, написанные, когда он был уже в преклонном возрасте, проникнуты верностью своему королю, но не в меньшей степени его вере, которую он открыто исповедовал при королевском дворе и духовные сокровища которой он ловко использовал в поэзии.

Интересно отметить, что Сантоб не писал эротической поэзии. Он сочинял стихи только на моральные темы, социальную сатиру и обличение порока. Таковы *советы*. Именно в качестве проповедника морали Сантоба следует причислить к трубадурам. Сначала он обратился с подобающим почтением к королю, заставив его задуматься о всемогуществе Бога:

"Как велико пространство между небом и землей —
Этот чистый и голубой эфир —

Так велика прощающая благодать Бога, которая
снимает с вас ваши грехи.

И со Своей огромной и чудесной мощью
Он совершает Свои могущественные деяния;
Но ваши ничтожны в Его глазах,
Ибо сила - это не приданое человека".

В то время требовалось нечто большее, чем обычная храбрость, чтобы обратиться подобным образом к королю; но Сантоб был стар и беден, и, не имея ничего, что можно было потерять, мог рискнуть потерять все. В его стихах сквозит демократическая нотка; он наслаждается тем, что направляет свои сатиры на богатых, высокородных и могущественных, и гордится своей бедностью и славой поэта:

"Я не позволю вам считать меня меньшим, Чем другие люди моей веры,
Которые живут за счет щедрости короля,
Отказываясь от клятвы при каждом вздохе.
".

И если ты считаешь мое учение истинным,
Отвергай его без ненависти,
Потому что для тебя поет менестрель,
Который не принадлежит к рыцарскому сословию.

Благоухающий, колышущийся тростник вырастает высоким
Из слабых и тонких корней,
А неуклюжие черви, которые смиренно ползают
, прядут самый блестящий шелк.

Оттого, что рядом с шипом она растет,
Роза не менее прекрасна;
Хотя вино и льется с ветвей гнарледа,
Оно ни с чем не сравнимо сладкое.

Ястреб-тетеревятник, знаете ли, может парить высоко,
но низко он гнездит свой выводок.
К еврею применимы истинные заповеди,
поэтому ли они менее хороши?

Есть евреи с рабским складом ума,
Которые боятся, немые и кротки.
Моя душа настолько склонна к истине,
Что я говорю все, что чувствую.

Часто смысл возвращается домой
Через простые стихи и незамысловатость,

В то время как в тяжелом, громоздком томе
Мы не находим ни крупицы истины.

Часто человека с нахмуренным лицом,
Которого горе сделало серьезным,
Чьи взгляды на жизнь честны, прямолинейны,
называют и дураком, и плутом".

Конечно, нет ничего необоснованного в предположении, что из этих признаний можно почерпнуть сведения о биографии Сантоба.

Теперь что касается отношения Сантоба к иудаизму. Несомненно, он был правоверным евреем, поскольку взгляды на жизнь и мир, изложенные в его стихах, опираются на Библию, Талмуд и мидраш. С бесстрашием убежденности он встречается с королем и народом, обличая безумства обоих. Некоторые из его романов звучат в точности как истории из Агады, настолько искусно он облачает свои советы в гномический стиль Библии и Талмуда. Эта характеристика особенно хорошо показана в его стихах о дружбе, в которые он вплел фразеологию пословиц:

"Что может быть ценнее друга,
Который стал нам близок?
Слепая судьба, которую не может послать более горький жребий, Чем приказать нам идти в одиночку.

.....

Ибо одиночество вызывает нехватку
плодотворных, благословенных мыслей.
Мудрые молились бы о том, чтобы покинуть эту землю,
Если бы никто не искал их дружбы.

И все же, каким бы печальным ни было одиночество,
Та дружба, которой наверняка избегают,
Которая притворяется любовью, а внутренне
Выдает завоеванные чувства".

Стихотворение заканчивается молитвой за короля, который, конечно же, не мог обидеться на откровенность Сантоба:

"Да хранит Господь нашего господа и царя
всемогущей благодатью,
Удали от нас всякое зло,
И приумножит благословенный мир.

Народы, преданно объединившиеся с
Нашей империей, чтобы возвысить,
Да хранит Бог, в которого мы все верим,
От чумы и нападений.

Если Бог ответит на мою просьбу,
Тогда будет воздано должное —
последнему завету вашего благородного отца —
Сантобу, еврею Кэрриона.

Поэзия нашего трубадура показывает, что он был преданно привязан к своему принцу, горячо любил свою страну и был непоколебимо верен своей вере; что он говорил королю честные, полезные истины, облеченные в стихи; что он не прилагал усилий, чтобы скрыть свое презрение к тем, кто с низменным раболепием склонялся перед господствующей верой и позволял надевать ее ярмо на свои шеи; что он чувствовал себя равным людям высокого ранга и богатым благами этого мира; что он подвергал острой критике власть имущих. пороки его испанских и еврейских современников — все это рассчитано на то, чтобы внушить нам восхищение еврейским трубадуром, чья мужественность позволила ему смело встретить своих недоброжелателей, как в стихах, процитированных выше:

"Оттого, что рядом с шипом она растет,
Роза не менее прекрасна;
Хотя вино и льется с ветвей гнарледа,
Оно ни с чем не сравнимо сладкое.

К еврею применимы истинные заповеди,
значит ли это, что они менее хороши?"

История не сообщает нам, вознаградил ли Педро еврейского трубадура так, как последний, если судить по концу его поэмы, ожидал. Наши рассказы о его жизни скудны; даже его собратья по жизни не упоминают о нем. Однако мы точно знаем, что молитвы бедного поэта о своем государе, его прошения о благе и славе его страны не были удовлетворены. Педро расстался с жизнью в результате насилия, ссоры из-за престолонаследия и гражданские войны потрясли страну и ослабили королевскую власть. Его упадок ознаменовал конец миру и счастью евреев на кастильской земле.

По мере того как времена становились все хуже, а преследования евреев в христианской Испании участились, многие оставляли веру своих отцов, чтобы погреться на солнышке Церкви, которая относилась к прозелитам с особой благосклонностью. Пример первого еврейского трубадура не нашел подражателей. Среди новообращенных было много поэтов, в частности Хуан Альфонсо де Бена, который в пятнадцатом веке собрал древнейшую поэзию трубадуров, включая свои собственные стихи и сатиры, а также труды еврейского врача дона Мозеса Зарзаля, в *генеральную канцону*. Подобно многим отступникам, он стремился доказать свою преданность новой вере, насмехаясь над своими бывшими братьями и понося их. Атакованные не замедлили ответить тем же, и христианский мир поэтов и бардов присоединился к последнему в высмеивании неопитов. Испанская литература не потерпела поражения в этих битвах, описание которых принадлежит общей литературной критике. Лирическая поэзия, до тех пор сухая, серьезная и торжественная, была наполнена сатириком ярким остроумием и

причудливым духом и, отбросив свою связь с драмой, превратилась в самостоятельный вид поэзии.

Последним, как и первым, из испанских трубадуров был еврей,^[44] Антонио ди Монторо (Моро), *эль Роперо* (портной) из Кордовы, о котором современник говорит:

"Человек с хорошей репутацией и высокой славой;
Как поэт он многих позорит;
его зовут Антон ди Монторо".

Поэт-портной тоже подвергался нападкам. Высокий и могущественный испанский *кабальеро* обращается к нему как

"Ты Кон, ты негодяй,
Ты жалкий еврей,
Ты злобный ростовщик".

Следует признать, что он парирует эти выпады слабыми извиняющимися призывами, сохранившимися в его *Respuestas* (Рифмованных ответах). Он добивается сочувствия своего высокородного врага, рассказывая ему, что у него есть сыновья, внуки, бедный старый отец и дочь на выданье. В оправдание его трусости следует вспомнить, что Антонио ди Монторо жил во времена правления террора Фердинанда и Изабеллы, когда его раса и его вера подвергались самым страшным преследованиям. Тем более примечательно, что у него хватило смелости обратиться к королеве от имени своей веры. Он жалобно сетует на то, что, несмотря на свои шестьдесят лет, он не смог искоренить все следы своего происхождения (*реато де су ориген*), и обращает свою иронию против самого себя:

"Роперо, такой печальный и покинутый,
Теперь ты чувствуешь боль и презрение.
Пока не пролетело шестьдесят лет,
Ты мог сказать каждому:
"Ничего дурного я не знал".

Ты обратился в христианство,
Кредо ты, можно сказать, усвоил;
Теперь ты осмеливаешься смотреть на
Тарелки с ветчиной — больше никаких кривых взглядов.
Мессу ты слушаешь,
Церковь считаешь,
Преклоняешь колени,
Соблюдаешь другие чуждые обычаи.
Теперь и ты можешь преследовать
Этих несчастных, как скотина".

"Эти несчастные" были его братьями по вере на прекрасной испанской земле. Резким диссонансом заканчивается история евреев в Испании. Девятого Ава 1492 года триста тысяч

евреев покинули землю, которой они дали своего первого и последнего трубадура. Ирония судьбы заключалась в том, что в то же самое время Христофор Колумб отправился в неизведанные земли и в конце концов достиг Америки, нового света, убежища всех страждущих, где мысли суждено было окрепнуть настолько, "чтобы победить высокомерие и несправедливость, не прибегая к высокомерию и несправедливости" — новая иллюстрация к старому стиху: "Вот, он не дремлет и не дремлет — хранитель Израиля".

Грандиозный турнир при дворе лордов Тримберга, франконского городка на Заале! С высоких зубчатых стен реют знамена благородной расы, возвещая о редких празднествах по всей стране. Горный склон кишит рыцарями в шлемах, щитах и копьях, их сопровождают пажи и оруженосцы, миннезингеры и менестрели. Yonder is Walther von der Vogelweide, engaged in earnest conversation with Wolfram von Eschenbach, Otto von Botenlaube, Hildebold von Schwanegau, and Reinmar von Brennenberg. В этой группе знаменитостей, как ни странно, мы различаем еврея, чьи красивые черты лица отражают гармоничную душевную жизнь.

Они называют его "Зюскинд фон Тримберг", и когда удовольствие от пира в роскошном зале замка усиливается песнями и музыкой, он тоже бесстрашно и с достоинством выходит вперед, чтобы воспеть свободу мысли, преобладанию которой в этой компании презираемый еврей обязан своим допуском в круг рыцарей и поэтов:[45]

"О мысль! бесплатный дар человечеству!
Тобою ведомы и глупцы, и мудрые,
Но тот, кто определил все твои пути,
Человек сердцем и головой.
С тобой, когда его слабость улетучивается,
Он может повелевать и камнем, и сталью,
Твои шестерни несут его по земле.

О мысль, это более быстрое искусство, чем свет,
Это более могущественное искусство, чем рев бури!
Разве ты не воспитал меня в своем полете,
Какими были мои песни, мои знания менестреля,
И что это за золото из *Minne's store*?
„За вершинами парит орел,
О, отнеси меня в обители духа!"

Его песня находит одобрение рыцарей, которые щедро поощряют менестреля. Подняв глаза на гордую, прекрасную хозяйку замка, он снова ударяет в свою лиру и поет:

"Чистая женщина для мужчины - корона,
Ради нее он стремится завоевать славу.
Разве она не украшала и не оживляла,
Каким подлым и подлым был великий замок!

Благодаря истинному общению жена
Делает всю жизнь мужчины беспечной и свободной;
Ее свет становится ярче даже в самый мрачный день.
Я всегда буду воспевать Ее хвалу и достоинство".

Дама склоняет свою белокурую головку в знак благодарности, а хозяин замка Тримберг наполняет золотой кубок и вручает его, как знак почета, поэту, который осушает его, а затем скромно возвращается в круг своих собеседников. Теперь у нас есть время изучить этого редкого человека.

Рюдигер Манессе, городской советник Цюриха в четырнадцатом веке, воздвиг прекрасный памятник искусству бардов в виде выполненного по его заказу рукописного произведения, содержащего песни ста сорока поэтов, живших между двенадцатым и четырнадцатым веками. Среди авторов - короли, принцы, дворяне высокого и низкого ранга, бюргерские поэты и еврей Зюскинд фон Тримберг. Произведения каждого поэта сопровождаются иллюстрациями, но не подлинными портретами, а серией ярких изображений сцен странствий рыцарей. Здесь есть сцены войны и мира, сражений, погони и турниров с играми, песнями и танцами. Мы видим штурм замка Любви (*Миннебург*) — влюбленные убегают, влюбленные разлучены, любовь торжествует. Генрих фон Вельдеке полулежит на берегу, усаженном розами; Фридрих фон Хаузен на борту лодки; Вальтер фон дер Фогельвейде задумчиво сидит на придорожном камне; Вольфрам фон Эшенбах стоит вооруженный, с закрытым забралом, рядом со своим конем в попоне, словно собираясь вскочить в седло. Среди портретов рыцарей и бардов есть портрет Зюскинда фон Тримберга. Каким его представляет Рюдигер Манессе? Как длиннорылый еврей, на голове у него желтая шляпа в форме воронки - знак отличия, учрежденный папой Иннокентием III. его должны носить евреи. Вот и все! и если не считать того, что мы можем заключить из его шести стихотворений, сохранившихся в истории литературы, то почти все они также известны о Зюскинде фон Тримберге.

Была ли это беспечность составителя, которая связывала еврея с этой веселой компанией, в которой он был так же неуместен, как готический шпиль синагоги? Зюскинд справедливо получил эту привилегию. На протяжении всего средневековья евреи Германии были пропитаны культурой своей родной земли и были остро заинтересованы в развитии ее поэзии. Еще более важным аспектом является дух терпимости и человечности, который пронизывает среднегерманскую поэзию. Вольфрам фон Эшенбах основывал свой "*Парцифаль*", вестник "Натана Мудрого", на идее братства людей; Вальтер фон дер Фогельвейде объединял христиан, евреев и мусульман как детей единого Бога; а Фрейданк, размышляя о том, что Бог позволяет Своему солнцу сиять над исповедующими все вероучения, зашел так далеко, что отверг доктрину о вечном проклятии евреев. Этого направления мысли, характерного как для евреев, так и для христиан, достаточно, чтобы объяснить, как в Германии и в то самое время, когда учителя Церкви поносили "безумных евреев, которых следовало бы истребить, как собак", еврей мог быть миннезингером, менестрелем среди менестрелей, и этим вполне объясняется связь Зюскинда фон Тримберга с рыцарями и дамами. Итак, Зюскинд, несомненно, путешествовал со своими братьями-поэтами от замка к замку; и все же наше воображение сбilo бы нас с пути истинного, если бы мы буквально восприняли слова восторженного историка Греца и вместе с ним поверили, что "на поросших виноградом холмах, сидя в кругу благородных рыцарей и прекрасных дам, с кубком вина под боком и лирой в руке, он пел свои изысканные стихи о

радостях и испытаниях любви, надеждах и страхах любви, а затем ожидал щедрот, которыми можно было купить его хлеб насущный".[46]

Стихи Зюскинда совсем не похожи на веселые, разухабистые песни, которые распевали его приятели; они печальны и серьезны, нежны и целомудренны. О любви там нет ни слова. Миннезингер и еврей — непримиримые противоположности! Миннезингер должен быть рыцарем, ухаживающим за своей возлюбленной, чьи цвета он носит на турнирах и ради которых совершает паломничество в Святую Землю. Еврейский менестрель - это плач по Сиону.

На самом деле, что такое *Minne*— это служение любви? Не является ли это, по сути, культом Девы Марии? Не является ли это, тонким, таинственным образом, частью самого христианства? Как это могло понравиться еврею Зюскинду? Правда, у евреев тоже есть идеал любви в "Песне песней": "Смотри, ты прекрасна, моя возлюбленная!" - говорится в ней, но наши древние мудрецы считали, что возлюбленной является Синагога. Идеалом этой любви является принцесса Саббат, и страсть "Песни песней" отделена от немецкой *Минны* огромной пропастью между душевной жизнью семита и жизнью немецкого христианина. Необузданная чувственность сквозит в песнях, достигающих покоев благородных дам. Каббалистическая страсть пылает в таинственной любви еврея. Немецкий менестрель поет о сладости и боли любви, о лете и его прелестях, о зиме и ее горестях, теперь о радости и счастье, снова о несчастливой судьбе. И в чем же тяжесть песни изгнанного еврея? Таинственные аллюзии, скрытые в переплетении отшлифованных, искусственных, медлительных рифм, прославляют не милое женское присутствие, а мимолетное видение, тень, чьи неуловимые чары увлекали поэта в его мечтах. Яркий, радостный, беспечный, неизмеримый - это один; серьезный, мрачный, целомудренный, нежный - другой.

Однако Зюскинд фон Тримберг был одновременно евреем и миннезингером. Кто может постичь душу поэта? Кто может уследить за его мыслями, когда они летают туда-сюда, подобно нити в ткацком челноке, сплетаясь в золотую паутину? Миннезингеры вступили на службу делу любви, но, тем не менее, на войне и в защите истины, и для последнего Зюскинд фон Тримберг сослужил доблестную службу. Стихи его раннего периода, "Беспечные дни юности", не сохранились. Те, что у нас есть, несут на себе печать печали и тревог, дары преклонных лет. С презрительной горечью он оплакивает свою печальную участь:

"Я ищу и ничего не нахожу, —
Это заставляет меня вздыхать снова и снова.
Лорд Лэкфуд давит на меня,
я наверняка умру с голоду;
Моя жена и мой ребенок остаются без ужина,
Мой дворецкий - сэр Мигренесс".

Стихи Зюскинда фон Тримберга также проникнуты духом еврейской литературы и взяты из легендарного мира Агады. Для восхваления своей верной жены он заимствует слова Соломона, и похожий на псалом ритм его лучших песен напоминает знакомые нам звуки вечерней молитвы:

"Всемогущий Боже! Тот, кто сияет вместе с солнцем,
Тот, Кто не дремлет, когда день переходит в ночь!

Ты Источник всего, безмятежного мира и радости!
Ты Царь славы и величественного света!
Ты всеблагой Отец! Золотые лучи дня
И звездные сонмы воспевают хвалу тебе, объединяйся,
Творец небес и земли, Вечный,
Наблюдающий за каждым созданием с Твоей высоты!"

Как и Сантоб, Зюскинд был беден; как и он, он осуждал богатых, был гордым и щедрым. С бесстрашной откровенностью он учил рыцарей истинному благородству — благородству души, превосходящему благородство рождения, — и свободе мысли — свободе, не скованной ни камнем, ни сталью, ни железом; и посреди их бунта и пиршества он отважился внушить им торжественную мысль о смерти. Его последней постановкой в качестве миннезингера был рецепт "избрания добродетели". Затем он пошел жить к своим братьям, которых, действительно, он не покинул в гордыне своей юности:

"Почему я должен печально бродить с
арфой в руке По
горам, холмам и долинам?
Какой похвалы я заслуживаю?

Они прекрасно знают, что певец
принадлежит к проклятой расе;
Милая *Минне* больше не
вознаграждает меня, как вначале.

Тогда замолчи, моя лира,
Мы напрасно поем "предтечам лордов".
Я уйду из хора менестрелей
И снова стану евреем.

Тогда я возьму Свой посох и шляпу,
И на моей груди, низко опущенной,
По древнему еврейскому обычаю
Вырастет Моя седая борода.

Свои дни я проведу в тишине —
Те, что остались мне на земле, —
И не буду петь для тех, кто еще не
Понял, чего стоит поэт".

Так говорил еврейский поэт и бросал свою лиру в ручей — в песне и в жизни достойный сын своего времени, ученик Вальтера фон дер Фогельвейде, друг Вольфрама фон Эшенбаха, ученик и друг первого, кто выразил в немецкой песне идею братства людей. Столетия назад он обрел

долгожданный покой во Франкони, но ни один венок не лежит на его могиле, ни один камень не отмечает место упокоения странника. Его стихи прочно обосновались в памяти потомков, и в кругу немецких миннезингеров еврей Зюскинд образует особое звено.

В то время, когда идея всеобщего человеческого братства, кажется, исчезает из сердец людей, когда они проявляют склонность забывать о той доле, которую, несмотря на ненависть и преследования, евреи всех поколений внесли в немецкую литературу, в ее рыцарские романы и национальные эпосы, а также во все духовные достижения немецкого гения, мы можем с справедливой гордостью возродить память о Зюскинде.—

На крыльях фантазии вернемся в наш замок на Заале. По прошествии многих лет процессия поэтов снова прокладывает свой путь в лучах солнца вверх по склону к гордому особняку Тримбергов. Достопочтенный Вальтер фон дер Фогельвайде снова открывает фестиваль песни. Вольфрам фон Эшенбах в сопровождении группы юных учеников задумчиво поднимается по склону горы. Ряды становятся менее сомкнутыми, и в одиночестве и печали вперед выходит человек благородного телосложения, его серебристая борода ниспадает на грудь, длинный плащ перекинут через плечо, а на голове остроконечная шляпа - эмблема средневекового еврея. В его глазах сверкает луч грации поэта, и его задумчивый взгляд устремлен в далекое будущее. Зюскинд фон Тримберг, тебе наш привет!

ЮМОР И ЛЮБОВЬ В ЕВРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Одно из самых замечательных открытий последних десяти лет - это открытие, сделанное в Париже месье Эрнестом Ренаном. В результате научных исследований он утверждает, что семитским расам, а следовательно, и евреям, не хватает юмора, способности смеяться. Справедливость этого упрека можно было бы прямо отрицать, но утверждение, изложенное с такой научной уверенностью, невольно вызывает вопросы и расследование.

В таких случаях евреи неизменно прибегают к своему первому учебнику, Библии, страницы которой, по-видимому, поддерживают М. Ренана. В Библии смех упоминается только дважды, когда ангел обещает Сарре сына, и еще раз в истории Самсона, судьи в Израиле, который использовал лисьи хвосты в качестве оружия против филистимлян. Это единственные места, в которых Библия отступает от своего серьезного тона.

Но классическая античность в равной степени не знала юмора как особой отрасли искусства, как особого отношения ума к жизненным проблемам. Аристофан жил и мог писать только в те дни, когда афинские институты начали приходить в упадок. Именно личный дискомфорт, жизненные испытания и изнурение толкают мужчин в вечно безмятежные, чистые области юмора в поисках бальзама и исцеления. Люди веселья и комедии во все времена понимали — история Самсона содержит в себе зачатки пародийной героической поэмы, - в то время как юмор, подлинный юмор, не мог найти признания у молодежи человечества.

В те дни здорового полагания на чувства поэтические души могли получить удовлетворение только в любви и восхвалении доброго мира и его Создателя. Мрачная линия разделения между физическим и духовным миром еще не была проведена, превратив эту землю в юдоль слез и утешая грешного человека обещанием лучшей земли, многочисленные прелести которой были описаны, но о которой не было точных знаний, ни один путешественник, как метко сказано в Талмуде, никогда не возвращался, чтобы сообщить нам о ней. Это были дни совершенной

гармонии, когда человек приблизился к природе, чтобы научиться безмятежной радости жизни. В такие дни, несмотря на бури, обрушивающиеся на молодую израильскую нацию, поэт, чье сердце наполнено солнечным светом радости, его разум восприимчив, его глаза широко открыты, чтобы видеть, как распускаются цветы, как набухают почки смоковницы, как виноградная лоза распускает листья, а цветок граната распускает свои пылающие лепестки, мог бы воспеть "Песнь песней", самое совершенное, самое прекрасное, чистейшее творение еврейской литературы и эротической поэзии всех литератур — песнь песней бурной страсти, бросающую вызов церковным оковам. , одновременно эпос и драма, полная детской нежности и изящества чувств. Ни Греция, ни остальной Восток не произвели ничего, что могло бы сравниться с их чудесным союзом сладострастной чувственности и безупречного целомудрия. Мораль, действительно, - это биение самого ее пульса. Ее можно было воспевать только в эпоху, когда безраздельно царила любовь, и можно было считать юмор притворщиком. Столь возвышенная песня должна была пробудить эхо и стимулировать подражание, и ее музыка пронеслась сквозь века, оплетая сердце многих поэтов мелодической нитью.

Однако столетия израильской истории, близкие к его составлению, не были благоприятны ни для поэзии любви, ни для поэзии юмора. Но поэзия любви, должно быть, продолжала оказывать могущественное волшебство на сердца и умы, если ее высшая поэма не только была включена в священный канон, но и считалась учителем Талмуда самым священным сокровищем сборника.

Кровь героев-маккавеев, одержавших победу над Антиохом Епифаном, снова оплодотворила древнюю почву еврейской поэзии и взрастила благоухающими цветами псалмы, которые современная критика назвала маккавейскими. Написанные в смутные времена, они содержат отсылку к юмору будущего: "Когда Господь вернет пленение Сиона, тогда мы будем подобны мечтателям, тогда наши уста наполнятся смехом, а язык - пением".

Израилю суждено было пройти много печальных дней, прежде чем забрезжило это будущее с его утешительным юмором. Ни одно поэтическое произведение не могло получить признания после Библии. Язык пророков перестал быть языком народа, и каждый разум был занят толкованием их слов и применением их к религиозным нуждам того времени. Противостояние между еврейскими и эллинско-сирийскими взглядами становилось все более и более заметным. Эллада и Иудея, две великие теории жизни, поддерживающие ткань цивилизации, впервые столкнулись друг с другом. Древний толкователь Библии говорит, что Элладе Бог дал красоту в начале, иудее - истину как священное наследие. Но красота и истина всегда были заклятыми врагами; даже сейчас они не примирились.

В Иудее и Греции древняя цивилизация нашла одинаково совершенное, но совершенно иное выражение. Грек поклоняется природе такой, какая она есть; еврей размышляет о происхождении и развитии сотворенных вещей, следовательно, поклоняется их Создателю. Первый в своих рассуждениях исходит из множественности явлений; второй различает единство плана. Для первого вселенная была неизменной действительностью; для второго это означало бесконечное развитие. Мир, заверченный и совершеннейший, был отражен в греческом сознании; его эволюция - в еврейском. Следовательно, еврейская концепция жизни гармонична, в то время как среди греков вырос дух сомнения и спекуляции, продукт цивилизации и почва, на которой развивается юмор.

Религия Израиля настолько полностью удовлетворяла все духовные потребности, что не оставалось места для роста поэтического инстинкта. Интеллектуальная жизнь начала разделяться на два больших потока. Галаха продолжала наставления пророков, в то время как Ведамагада воспитывала дух псалмопевцев. В обязанности первого входило формулировать Закон, второго - насаждать сад вокруг оплота Закона. В то время как первый обращался к разуму, другой взывал к сердцу и чувствам. В "Агаде", справочнике национальной поэзии безымянных поэтов многих веков, мы находим эпические поэмы и лирические порывы, басни, загадки и драматические эссе, а кое-где в этом саду мы случайно натываемся на маленькие бутоны юмористических сочинений.

Какого рода был этот юмор? На самом деле, что такое юмор? Мы должны быть в состоянии ответить на последний вопрос, прежде чем рискнем классифицировать фольклор Агады.

Достичь идеала, вывести гармонию из диссонанса - признанная задача всего искусства. Это основной принцип, который следует учитывать в эстетической критике. Трагедия идеализирует мир путем уничтожения, гармонизирует все противоречия, разбивая их вдребезги друг о друга, и указывает путь бегства из хаоса, через мост смерти, в потустороннее царство, озаренное вечной утренней зарей свободы и интеллекта.

Комедия, с другой стороны, верит, что несоответствия и несовершенства жизни могут быть оправданы и иметь свое применение. Твердо убежденный в могуществе истины, он считает, что глупость и заблуждения людей, их недостатки не могут помешать ее окончательной победе. Даже в них он видит следы вечного, божественного принципа. В то время как трагедия ускоряет конфликт враждебных сил, комедия, безмятежно возвышаясь над глупостью и всеми признаками преходящести, примиряет противоречия и с любовью приводит их в гармонию с истиной и абсолютном.

Когда дух человека таким образом возвращается к наслаждению вечной истиной, ее наследием, наступает, как кто-то хорошо сказал, триумф, сродни радости отца по поводу возвращения домой потерянного сына, а божественный, освежающий смех, которым его встречают, подобен трапезе, приготовленной для вернувшегося любимца. Неужели у Израиля не будет места за столом переговоров? Израиль, первый, кто признал, что вечные истины жизни присущи человеку, первый, кто учит в качестве своего главного послания, как примирить человека с самим собой и миром, когда эти истины подвергаются временному затемнению? С такой точки зрения, юмор является порождением любви, а также спасителем человечества, поскольку он парализует влияние гнева и ненависти, исходящих от сил перемен и завершенности, обнажая вечные принципы и "сладкую разумность", скрытые даже в них, и, наконец, лишая их всякого дополнения, несовместимого со спокойствием абсолютной истины. В каком бы разуме ни царил юмор, то есть любовь и жизнерадостность, несоответствия и несовершенства жизни, все, что несет на себе отпечаток изменчивости, будет мягко и постепенно сплавлено в гармоничное совершенство абсолютной, вечной истины. Туманы иногда собираются вокруг солнца, но, не в силах погасить его свет, они вынуждены служить ему зеркалом, на которое он набрасывает колдовские чары Фата-Морганы. Итак, когда вечные истины жизни скрыты, появляется возможность для юмора обыграть их и осветить. Выражаясь точным языком, юмор - это состояние совершенной уверенности в себе, при котором разум безмятежно возвышается над любыми мелкими помехами.

Это спокойствие проливало свой мягкий свет на скромные академии раввинов. Куда бы ни падал луч, всходил цветок агадического фольклора. Каждое событие в жизни предстает перед их любящим взором: удовольствия и безумства людей, проклятие, превратившееся в благословение, обычный ход человеческих событий, курьезы истории Израиля и человечества. В качестве примера их метода возьмем то, что говорит мидрашский фольклор о создании двух вещей, представляющих постоянный интерес для поэтов: жены и вина.

Когда Господь Бог создавал женщину, он формировал ее не из головы мужчины, чтобы она не была слишком гордой; не из его глаз, чтобы она не была слишком кокетливой; не из его ушей, чтобы она не была слишком любопытной; не из его уст, чтобы она не была слишком разговорчивой; не из его сердца, чтобы она не была слишком сентиментальной; не из его рук, чтобы она не была слишком назойливой; и не из его ног, чтобы она не была праздной бездельницей; но из подчиненной части анатомии мужчины, чтобы учить ее: "Женщина, будь скромной!"

Что касается виноградной лозы, Агада рассказывает нам, что когда отец Ной собирался посадить первую, сатана подошел к нему, ведя ягненка, льва, свинью и обезьяну, чтобы научить его, что пока человек не пьет вино, он невинен, как ягненок; если он пьет умеренно, он силен, как лев; если он потакает слишком свободно, он опускается до уровня свиньи; а что касается обезьяны, то ее место в поэзии вина так же хорошо известно нам, как раввинам древности.

С приближением великой катастрофы, обреченной на уничтожение национального существования Израиля, юмор и непосредственность исчезают, их заменяют серьезность, меланхолия и горькие жалобы, а последовавшие за этим столетия уныния и задумчивости как нельзя лучше способствовали проявлению любви и юмора. Покров не был снят до тех пор, пока Агада не выполнила свою миссию утешителя. Под ее нежным руководством и побуждаемая к жизни религиозными потребностями синагоги, проснулся поэтический инстинкт. *Пуут* и *Селиха* заменили пророчества и псалмопение как религиозные средства, и с тех пор источникам утешения никогда не позволялось иссякать. Изгнанная с берегов Иордана и Евфрата, еврейская поэзия нашла новый дом на Тежу и Мансанаресе, где евреи были благословлены вторым золотым веком. В период с одиннадцатого по тринадцатый век, находясь под сильным арабским влиянием, андалузские мастера песни создали идеальный мир поэзии, в котором любви и юмору была предоставлена неограниченная свобода.

Для испано-еврейских писателей поэзия была самоцелью. Наряду с религиозными песнями, совершенными по ритму и форме, они создавали тексты на светские темы, изящество, красота, гармония и богатство мысли которых ставят их в один ряд с лучшими творениями века. Дух пророков и псалмопевцев возродился в этих испанских поэтах. Во главе их стоит Соломон ибн Габироль, Фауст из Сарагосы, чьи стихи впервые окрашены *мировоззрением*, этой своеобразной закваской, характерной для современной школы поэтов.^[47] Наши отчеты о жизни Габироля скудны, но они оставляют четкое впечатление, что он не был баловнем судьбы и провел безрадостные детство и юность. Его стихи пронизаны тщетной тоской по идеалу, сетованиями по обманутым надеждам и несбывшимся стремлениям, болезненным осознанием несовершенства и бренности всего земного, ничтожности и скоротечности жизни, одним словом, *мировоззрение* в его чистейшей, идеальной форме - не просто самообман и ирония, обращенные против собственной душевной жизни, но глубоко торжественное чувство, проистекающее из возвышенной жалости к страданиям мира, прочитываемое в свете личных

испытаний и горестей. Он не воспевал голубые глаза возлюбленной и не издавал меланхолических любовных нот — объектом вожделения его сердца был Сион, его музой была прекрасная "роза Сарона", и его тоской были страдания его рассеянного народа. Сильные, дикие слова уместно выражают его бурные чувства. Он гордый мыслитель-одиночка. Часто его *Мировоззрение* вырывает у него презрительную критику в адрес своего окружения. С другой стороны, он не лишен мягкого, примирительного юмора, хорошей иллюстрацией которого является его знаменитая застольная песня. Его скупой хозяин поставил единственную бутылку вина на стол, окруженный множеством гостей, которым пришлось прибегнуть к воде, чтобы утолить жажду. Вино он называет семидесятилетним, буквы еврейского слова, обозначающего вино (*яин*), обозначают семьдесят, а воду - неагенарий, потому что *майим* (вода) обозначает девяносто:

ВОДНАЯ ПЕСНЯ

Припев:—О вине, увы! там нет ни капли,
наш хозяин доверху наполнил наши кубки
водой.

Когда вино монарха лежит ничком,
Низвергнутое водой,
Как можно петь веселую песню?
Ибо нет ничего, что могло бы смочить наш язык
, кроме воды.

Припев: —О вине, увы! и т.д.

Никакие сладости не могут усладить
Мой изысканный аппетит,
Ибо я, увы! должен научиться пить,
Как бы я ни корчился и не сжимался,
Чистую воду.

Припев: —О вине, увы! и т.д.

Воздайте хвалу Моисею, ибо он
Сделал безводным море-
Мое воинство, чтобы утолить мою жажду — деревенщину!—
Превращает потоки чистейшей воды в журчание,
Из воды.

Припев: —О вине, увы! и т.д.

С жабами я чувствую родство,
С лягушками я связан родством;
Пить воду - это не шутка,
Скоро вы все услышите, как я квакаю,
Квакаю водой!

Припев: —От вина, увы! и т.д.

Пусть Бог, наш хозяин, воздаст;
Пусть он станет назореем,
Никогда не узнает острых ощущений опьянения,
И никогда не сможет утолить свою жажду
водой!
Припев: —О вине, увь! и т.д."

Габироль был смелым мыслителем, великим поэтом, боровшимся с глубочайшими проблемами человеческой мысли и намного возвышавшимся над своими современниками и непосредственными преемниками. В его время синагогальная поэзия достигла зенита совершенства, и даже в торжественных наставлениях ритуалистической литературы время от времени проявлялся юмор. Например, один из современников или преемников Габироля, Исаак бен Иегуда ибн Гайят, часто превращал все свое стихотворение в остроту.

Среди писателей того времени постепенно сформировался своеобразный стиль под названием "мозаика", который в конце концов стал характерным для неоеврейской поэзии и юмора. Для своих сюжетов и изложения своих мыслей они обычно использовали библейскую фразеологию либо в виде прямых цитат, либо с применением, не предусмотренным первоначальным контекстом. В последнем случае хорошо известные предложения были наделены новым значением, и эта поэтически-библейская фразеология предоставляла бесчисленные возможности для проявления юмора, которыми неоеврейская поэзия пользовалась свободно. "Мозаики" были собраны не только из Библии; Таргум, Мишна и Талмуд были очищены от сентенциальных выражений, сплетены воедино и с вольностью искусства помещены в неожиданное сопоставление. Пример прояснит суть метода. В Книге Бытия xviii. 29 Бог отвечает на прошение Авраама от имени Содомы словами: "Я не сделаю этого ради сорока", имея в виду, как всем известно, что сорока человек было бы достаточно, чтобы спасти город от разрушения. Этот отрывок Исаак бен Иегуда ибн Гайят дерзко связывает со Второзаконием xxv. 3, где также упоминается сорок ударов за различного рода проступки:

"Если ты видишь, что люди идут по правильному пути оставления,
Чтобы вернуть их, ты должен приложить усилия.
Возможно, если они только услышат о нашивках, они содрогнутся
И скажут: "Я сделаю это не ради сорока".

Этот "мозаичный" стиль, предполагающий поразительные контрасты и неожиданное применение библейских мыслей и слов, стал плодотворным источником еврейского юмора. Если бы можно было создать теорию литературного происхождения, иллюстрацию можно было бы найти в быстрых переходах Гейне от нежных чувств к разъедающему остроумию, современном развитии искрометного юмора "мозаичного" стиля.

"Песнь песней", естественно, стала сокровищницей "мозаичных" предложений для целей неоеврейской любовной поэзии, в которой, однако, преобладало арабское влияние. Первым поэтом, который ввел печаль несчастной любви в неоеврейскую поэзию, был Моисей ибн Эзра. Он был влюблен в свою племянницу, которая, вероятно, стала женой одного из его братьев, и рано умерла, родив сына. Поначалу его привязанность была вознаграждена, но его братья воспротивились этому союзу, и поэт покинул Испанию, озлобленный и недовольный судьбой,

чтобы найти покой и утешение в далеких странах. Многие из его стихотворений глубоко пропитаны унынием и пессимизмом, и естественным выводом является то, что те, в которых он восхваляет природу, вино и "вакхические пиршества под лиственными навесами с веселым пением птиц", относятся к периоду его жизни, предшествовавшему неудачному поворотному моменту, когда любовь все еще улыбалась ему, а надежда была сильна.

Некоторые из его стихотворений могут служить типичными образцами любовной поэзии тех дней:

"Безнадежной любовью болит мое сердце,
Признание разрывает сдержанность моих губ
В том, что ты, любовь моя, отвергла меня,
Заразила меня смертельной заразой.

Я смотрю на землю как вблизи, так и вдалеке,
Мне она кажется огромной тюрьмой.
По всей его ширине, куда бы я ни посмотрел,
мой взгляд встречают крепко запертые двери.

И хотя мир был широко открыт,
Хотя сонмы ангелов заполняли все пространство,
Для меня, лишённого очарования,
Ты скрыл свое лицо".

Вот еще один:

"Возможно, в грядущие дни,
Когда люди и все вокруг изменится,
Они будут восхищаться моей любовью,
И назовут ее странной.

Снаружи я кажусь самым спокойным,
Но внутри бушует пламя —
"Прости меня, как никто прежде,
Ты совершил тяжкий грех.

Что? Расскажи миру о моем горе!
Это было чрезвычайно напрасно.
С насмешливой улыбкой они бы сказали,
"Ты же знаешь, он ненормальный!"

Когда умерла его возлюбленная, он сочинил следующую элегию:

"В муках она родила сына, которого никогда не узнает в своих объятиях
. Безжалостная смерть раскинула для нее
Свои сети, и она, едва живая,

подписала своему мужу: "Я прошу об этой милости,
друг мой, пусть суровая смерть не уничтожит нашу любовь;
Нашим младенцам, ее залогом, посвяти
Свою верную заботу; ибо тщетно они ждут
Материнской улыбки, чтобы прогнать каждый детский страх".
И моему дяде, пожалуйста, напиши. Глубокую боль
я причинил его сердцу. Снедаемый сожалением о любви,
Он скитался, чужой в своем доме. Я бы очень
Хотела, чтобы он пролил слезу и не забыл о любви.
Он ищет чашу утешения, но сначала
Его душа с горечью должна утолить свою жажду".

Чаша утешения Моисея ибн Эзры, по-видимому, не раз была до краев наполнена вином. Никак иначе нельзя объяснить веселость его застольных песен. Характерно следующее:

"Вино охлаждает человека в летнюю жару,
И согревает его в зимнюю слякоть.
Мой щит покрывается ледящим морозом,
мой щит, когда иссякают лучи солнца".

"Если люди захотят проникнуть в самую глубину своего сердца,
они должны осудить свое коварное искусство:
за серебряные монеты они осмеливаются
просить глоток жидкого золота".

Его любовнице, естественно, было посвящено множество строф с остроумными похвалами и задабривающими образами:

"Моя любовь подобна миртовому дереву,
Когда во время танца ее волосы ниспадают.
Ее глаза безжалостно поражают смерть,
Но кто посмеет на нее нахмуриться?"

"Сказал я милочке: "Почему тебя возмущает
почтение, оказываемое твоей светлости стариками?"
Она ответила мне уместным вопросом:
"Ты предпочитаешь вдову служанке?"

К его стихам о любви и застольным песням следует добавить его стихи о дружбе, об истинных друзьях, главном подарке жизни, и о ложных друзьях, низменнейших из созданий. Его справедливо называют самым субъективным из неоеврейских поэтов. Его беспечный восторг от любви, исходящий от его стихов, преобразил его живой юмор, который инстинктивно пронизывал смехотворный элемент в каждом предмете и происшествии: возраст, окрашивающий волосы, предательская дружба, гордость богатством или разлука влюбленных.

Тем не менее, в истории синагогальной литературы этот поэт известен под именем *Ха-Саллах*, "поэт-кающийся", из-за его многочисленных религиозных песен, в элегической форме оплакивающих пустоту жизни и тщету земных благ, а также пламенных слов, проповедующих смирение, раскаяние и банальное сердце. Особенность еврейского юмора в том, что он возвращается к своему трагическому источнику.

Ни один средневековый поэт не иллюстрирует эту характеристику так ярко, как принц неоеврейской поэзии Иегуда Халеви, в стихах которого принцип еврейской национальной поэзии достиг своего наиболее полного выражения. Они являются идеализированным отражением души еврейского народа, его поэтических эмоций, его "стремления к праведности", его патриотической любви к расе, его способности к мученичеству. Какой бы истинный и прекрасный элемент ни развился в жизни еврейской души с того дня, когда песня Иуды впервые зазвучала с акцентом Сиона на испанской земле, он приветствует нас в своем самом благородном облачении в его поэзии. Современный поэт [\[48\]](#) говорит о нем:

"Да, он был мастером-певцом,
блестящей полярной звездой своего времени,
Светом и маяком для своего народа!
Удивительно могучим было его пение —

Воистину огненный столп,
Движущийся впереди легионов Израиля,
Неугомонный караван скорби,
По пустынной равнине изгнанника".

В ранней юности муза поэзии запечатлела поцелуй на челе Галеви, и милостивое эхо этого поцелуя трепещет во всех номерах поэта. Любовь тоже, кажется, рано поселилась в его восприимчивом сердце, но, как выражено в стихах его юности, это не чувственная, земная любовь, не уныние и бескорыстная печаль Габироля, и даже не чувство художественно продуманной и технически совершенной любовной жалобы Моисея ибн Эзры. Он нежен, но страстен, откровенно превозносит счастье ответной любви и так же наивно несчастен из-за разлуки со своей возлюбленной, которую он называет Офра (оленок). Одну из своих самых сладких песен он вкладывает в ее уста:

Он с любовью заглянул мне в глаза,
Мои руки обвились вокруг его шеи,
И в зеркале моих глаз
Что, кроме своего образа, он нашел?

К моим темным глазам он прижался
Своими губами с редким дыханием страсти.
Негодяй! Он целовал не мои глаза;
Он целовал свое отражение в них".

"Песнь радости" Офры напоминает страсть из "Песни песней":

"Он приближается, о блаженство!
Летите скорее, вы, ветры,
Вы, пахучие бризы,
И скажите ему, как долго
я ждал этого!

О, счастливая та ночь,
Когда я припал к твоей груди,
Быстро осыпая Тебя поцелуями,
И, опьяненный любовью,
Я действительно испытывал трудности.

Снова мой милый друг
Крепко обнимает меня.
Да, небеса благословляют нас,
И теперь ты завоевал
Мою бесконечную любовь".

Прелести своей любовницы он описывает с притягательной грацией:

"Изящные губы моей возлюбленной алые,
С малиновым оттенком рубина;
Ее зубы подобны нитке жемчуга;
Ниспадающие на шею вьющиеся волосы
эбенового оттенка соперничают с ночью;
И над ее чертами пляшет свет.

Мерцающие звезды, восседающие на троне над головой,
- сестры моей самой дорогой любви.
Мы, мужчины, должны считать совершенной радостью
Возложить наши услуги к ее ногам.
Но ах! какой восторг в ее поцелуе!
Предсказание небесного блаженства!"

Когда настал час расставания с Офрой, молодой поэт спел:

- Итак, мы двое должны расстаться! О, задержишься еще,
Позволь мне все еще любоваться твоими глазами.
Не забывай, любимая, о днях нашего восторга,
И я всегда буду ценить наши ночи блаженства.
Во снах я буду видеть твой призрачный образ,
О, даже во сне будь добр ко мне!"[\[49\]](#)

Иегуда Халеви пел не только о любви, но и, в истинно восточной манере, под влиянием своих арабских образцов, о вине и дружбе. С другой стороны, он совершенно оригинален в своих

эпиталамиях, очаровательных описаниях счастья молодой супружеской жизни и сладостных благословений чистой любви. Они пронизаны интенсивностью радости, и полны плутоватых намеков на стыдливость молодой жены, вызывающей насмешки и веселье у ее гостей, и на то, как она деликатно сжимается в присутствии долгожданного счастья. Характерно, что за его увещеваниями разжигать огонь любви всегда следует вздох о горестях его народа:

"Вы двое скоро станете одним целым,
И все ваши желания исполнятся.
Ах, я! утихнет ли надежда Израиля
на свободу?"

Вполне вероятно, что эти жизнерадостные песни относятся к ранним годам жизни поэта. Другу, который упрекает его в любви к вину, он отвечает:

"Мне едва исполнился двадцать один год -
Неужели ты хочешь, чтобы я теперь избегал кубка с вином?"

что, по-видимому, указывает на то, что любовь и вино были увлечениями его юности. Одна из его самых красивых застольных песен следующая:

"Моя чаша наполняется ликованием —
Я взрываюсь ввысь на крыльях, окрыленных песней,
Каждый глоток - вдохновение,
Мои губы потягивают вино, мои уста должны петь.

Дорогие друзья, вы полны ужаса,
Предсказывайте мне конец алкоголика.
Они спрашивают: "Как долго, о печаль,
ты будешь оставаться приверженцем вина?"

Почему бы мне не воспеть пьянство?
Радости Эдема оно делает моими.
Если возраст не приведет к трусливому съеживанию,
Еще много лет я буду пить вино".

Но о событиях творческого пути поэта известно мало. Скупость истории, однако, была компенсирована расточительностью легенд, которые соткали множество причудливых историй о его жизни. В одном мы уверены: когда Иегуде Халеви исполнилось пятьдесят лет, он покинул свой родной город, свой дом, свою семью, своих друзей и учеников, чтобы совершить паломничество в Палестину, землю, к которой всегда стремилось его сердце. Его маршрут можно проследить по его песням. Они ведут нас в Египет, в Зоан, в Дамаск. В Тире на певца внезапно обрушивается тишина. Достиг ли он цели, к которой стремился? Узрел ли его взор землю своих отцов? Или смерть настигла певца-пилигрима перед концом его путешествия? Легенда, украсившая его жизнь, преобразила его смерть. Говорят, что, сраженный сарацинским конем, Иегуда Халеви пал ниц перед самыми воротами Иерусалима. С его

башнями и зубчатыми стенами в поле зрения, с его вдохновенной "Сионской землей" на устах, его чистая душа устремилась ввысь.

Со смертью Иегуды Халеви золотой век неоеврейской поэзии в Испании подошел к концу, и начался период эпигонов. В их произведениях заметна нотка нерешительности, и они признают превосходство своих предшественников в применении к ним эпитета "отцы песни". Наиболее известным из более поздних писателей был Иегуда бен Соломон Харизи. Судьба сделала его критиком великих поэтических творений только что завершившейся блестящей эпохи, и его слава зиждется на мастерстве, с которым он справился со своей трудной задачей. Что касается его поэзии, то ей не хватает глубины, накала, мужественности и вдохновения произведений классического периода. Он был неутомимым скитальцем, поэтом-бродягой, скитавшимся по Востоку, Африке и Европе. Его самая важная работа - диван *Тачкемони*, свидетельствующий о его способностях юмориста, и особенно о его мастерстве владения ивритом, которым он пользуется с небывалой ловкостью. Диван затрагивает все возможные темы: Бога и природу, человеческую жизнь и страдания, отношения между людьми, свой личный опыт и приключения в чужих краях. Первый Макама^[50] писатель среди евреев, он послужил образцом для всех последующих стихотворений; их первый настоящий юморист, он блещет своим остроумием, подобно потоку света, внезапно включенному в темноте. То, что он оценивал ценность своих постановок по щедрым похвалам современников, является простительным проступком во времена трубадуров и миннезингеров. Чаризи был особенно счастлив в использовании "мозаичного" стиля, и его короткие стихи и эпиграммы просто очаровательны. Глубокая меланхолия является фоном для его юмора, но, как часто бывает, его произведения искажены легкомыслием. Нижеследующее может служить образцом его разносторонней музыки. Первое адресовано его седым волосам:

"Те черные вороны, которые
Некогда сидели на моей голове,
свили гнездо В моем сердце,
С тех пор как они вылетели из моих волос".

Вторая надпись написана слезами любви:

"В своем сердце я скрывал
Свою любовь, такую нежную и такую верную;
Но льющие слезы обнажили
То, что я хотел бы скрыть от посторонних глаз.
Мое сердце могло бы навсегда подавить
Горе, которое выражают слезы".

Чаризи проявляет себя лучше всего, когда дает волю своему юмору. Летят искры; он не останавливается ни перед едкой остротой, ни перед сатирой; он - сама злоба и не сдерживает своего легкомыслия. "Блошиная песенка" - типичная иллюстрация его озорного настроения:

"Ты, безжалостная блоха, оскверняющая мое ложе,
И пьющая мою кровь, чтобы утолить свой аппетит,
Ты не знаешь покоя ни в субботу, ни в праздник —

Твой праздник - это когда ты можешь щипать и кусать.

Мои друзья разъясняют закон: убить блоху
В день субботний они считают грехом;
Но я предпочитаю другой закон, который гласит: "
Обязательно предупреждай злой умысел убийцы".

То, что Чаризи был хорошим компаньоном, видно из следующей застольной песни:

"Здесь, под лиственными беседками,
Где опускаются прохладные тени,
Увенчанные венком из цветов,
Здесь мы выпьем, мой друг.

Кто пьет вино, тот познает,
Что сила благородных духов
Только неуклонно возрастает,
По мере того, как годы растягиваются в длину.

Тысяча земных лет
- это часы в глазах Бога,
год на небесах кажется
минутой в своем полете.

Я бы хотел, чтобы этот жребий принадлежал мне:
Жить по честному счету,
И пить, и пить старое вино
Из вечного источника молодости".

Харизи и его арабские модели нашли много подражателей среди испанских евреев. Соломон ибн Сакбель написал на иврите "Макамат", который можно рассматривать как попытку сатиры в форме романа. Герой, Ашер бен Иегуда, настоящий Дон Жуан, переживает самые замечательные приключения.^[51] Вступительный Макама, описывающий жизнь со своей любовницей в уединении леса, восхитителен. Устав от своей однообразной жизни, он присоединяется к компании веселых парней, которые проводят время в кутежах. Находясь с ними, он получает загадочное любовное письмо, подписанное неизвестной женщиной, и отправляется на ее поиски. В своих странствиях, угнетенный сомнениями в любви, он случайно попадает в гарем, и его хозяин угрожает ему смертью. Оказывается, паша - прекрасная женщина, рабыня его таинственной возлюбленной, и она обещает ему скорейшее исполнение его желаний. Наконец, близкий к достижению своей цели, он обнаруживает, что его красота - это миф, а все остальное - розыгрыш, разыгранный его веселыми товарищами. Итак, Ашер бен Иегуда в поисках своей возлюбленной попадает из приключения в приключение.

Внутренние свидетельства свидетельствуют против подлинности этого романа, но одновременно с ним появились две другие псевдогероические поэмы: "Книга развлечений"

(Сефер Шаашуим) Джозефа ибн Сабары и "Дар Иуды-женоненавистника" (Минчатк Иегуда Сонех ха-Нашиму) Иуды ибн Саббатаи, врача из Кордовы, чьи стихи Чаризи назвал "кладезем поэзии". Сюжет его "Дара", сатиры на женщин, следующий:[52] Его умирающий отец требует от Сераха, героя романа, обещания никогда не жениться, поскольку женщины в его глазах являются причиной всего зла в мире. Каким бы любопытным ни было это требование, еще более любопытно, что Серах безропотно подчиняется, и самое любопытное, что он находит трех товарищей, готовых удалиться с ним на далекий остров, откуда должна продолжаться их пропаганда безбрачия. Едва новость об их прибытии распространилась, как был созван массовый митинг женщин и сформирована коалиция против женоненавистников. Корби, старая карга, берется за то, чтобы сделать Сераха неверным своим принципам. Вскоре он ссорится со своими собратьями-безбрачниками и поддается очарованию прекрасной молодой соблазнительницы. После свадьбы он обнаруживает, что его враги, женщины, заменили его прекрасную невесту, отвратительную старуху Черный Уголь, дочь Совы. Она сразу же самым энергичным образом берет бразды правления в свои руки и отвечает на стон отчаяния своего мужа следующей лекцией под занавес:

- Вставай! вставай! время сна прошло!
И я не потерплю никакого сопротивления!
Уходи и смотри,
чтобы ты принесла мне то, что я попрошу:
дорогие платья,
серьги, цепочки и вуали;
Дом со множеством окон;
Ступки, лежанки, сита,
Корзины, чайники, кастрюли,
стаканы, миски, веники,
мензурки, шкафы, фляги,
тазы, миски,
веретено, прялку, одеяла,
ведра, кувшины, бочонки,
сковородки, вилки и ножи;
Винегреты и зеркала;
Платки. , тюрбаны, ридикюли,
полумесяцы, амулеты,
Кольца и застёжки, украшенные драгоценными камнями;
Пояса, пряжки, корсажи,
юбки, чепцы и талии;
Одежда тонкой работы,
редкая ткань с Востока.
Это и многое другое ты добудешь,
Не важно, какой ценой и какими жертвами.
Ты напуган? Ты плачешь?
Моя дорогая, избавь меня от всех этих волнений;
Ты будешь страдать сильнее этого.
Первый год пройдет в раздорах,
второй увидит тебя нищим.

Бывший принц, ты станешь рабом;
Вместо короны ты будешь носить соломенный венок".

Серах в крайнем отчаянии обращается за утешением к своим трем друзьям, и на общем собрании принимается решение подать иск о разводе. Женщины появляются на собрании и требуют, чтобы презиравший их пол был вынужден оставить свою уродливую жену. Один из троих друзей предлагает передать этот вопрос королю. Поэт не добавляет морали к своему рассказу; он оставляет право своим читателям сказать: "И такова, должно быть, судьба всех женоненавистников!"

Очевидно, что Иуда Саббатай сам был далек от женоненавистничества, но некоторые из его современников не смогли понять смысла его острот и нелепых ситуаций. Йедаия Пенини, другой поэт, счел это серьезным произведением и в своей аллегории "Друг женщины", лишенной поэтического вдохновения, но блестящей в диалектике, выступил в защиту прекрасного пола от человеконенавистнических высказываний женоненавистников.

Такие произведения являются свидетельством того, что мы достигли эпохи трубадуров и миннезингеров, эпохи Возрождения, когда под голубым небом Италии и заботливой опекой трио великих поэтов - Данте, Петрарки и Боккаччо зарождались первые ростки популярной поэзии. Итальянские евреи были увлечены всепроникающим духом времени и принимали участие в кипучей умственной деятельности, происходившей вокруг них. Идеи, почерпнутые из работ лидеров эпохи Возрождения, подобно электрическим искрам падали в еврейскую литературу и науку, зажигая их и приводя в соответствие с продуктами гуманистического движения. Прованс, страна песен, породил Калонимоса бен Калонимоса, позже переехавшего в Италию, чье произведение "Пробный камень" (*Эбен Бочан*) является первой настоящей сатирой в неоеврейской поэзии. Это зеркало морали, которое он держит перед своим народом, чтобы высшие и низшие, раввины и лидеры, поэты и ученые, богатые и бедные могли видеть свои слабости и безумства. Сатира выражает юмористическое, но возвышенное представление о жизни, основанное на глубокой морали и искренней вере. Она отвечает всем требованиям сатиры, избегая карикатурной ловушки и не навязывая дидактический элемент. Урок, который нужно донести, связан с сатирой, не изложен отдельно, это эманация характера поэта. Его цель - не высмеивать, а улучшать, наставлять, влиять. Одна из самых забавных глав посвящена превосходящим достоинствам женщины, которые заставляют его оплакивать то, что он родился мужчиной:[53]

"Воистину, рука Божья тяжела на том,
Кто был создан человеком:
он должен терпеливо переносить множество испытаний,
А также презирать и оскорблять всякого рода.
Его жизнь подобна опустошенному полю —
Ему повезло, если это длится не слишком долго!
Будь я, например, женщиной,
Насколько плавным и приятным был бы мой путь.
Близкие друзья
Назвали бы меня нежной, грациозной, скромной.
Мне было бы удобно сидеть с ними и шить,

возможно, с одной или двумя за прялкой.

Лунными ночами,

собираясь для уютных доверительных бесед,

У камина или в темноте,

Мы рассказывали друг другу, что говорят люди,

городские сплетни, скандалы,

обсуждали моду и последние выборы.

Я, конечно, поднялась бы выше среднего уровня —

я была бы художницей—рукодельницей,

Вышивала бы на шелке и бархате

полевые цветы

И другие узоры, скопированные с моделей,

Настолько насыщенные по цвету, что они кажутся натуральными -

Лепестки, деревья, соцветия, растения и горшки,

И замки, колонны, храмы, головы ангелов,

И все остальное, что может быть воспроизведено с помощью иглы той,

Кто управляет ею с искусством.

Иногда, хотя это и не так привлекательно,

я бы согласилась сыграть роль кухарки —

Не менее важная задача женщины -

Самым тщательным образом следить за кухней.

Меня не раздражали бы

пыль и зола в очаге, сажа на печах и горшках;

Я бы не колебался размахивать топором

И колоть дрова,

А не подкармливать и ворошить огонь,

несмотря на пепельную пыль, которая забивает ноздри.

Мне особенно понравилось бы

Попробовать все поданные блюда.

И если бы приближался какой-нибудь веселый праздник,

Тогда бы я проявил свой вкус.

Я бы выбрала самые яркие драгоценные камни для ушей и рук,

Для шеи и груди, для волос и платья,

Самые драгоценные ткани из шелка и бархата,

Все, что в одежде и драгоценностях подчеркивало бы мое очарование.

И в праздничный день я бы громко радовалась,

пела, раскачивалась и танцевала с вимом.

Когда я достигла расцвета девичества,

Когда все мои прелести были в расцвете сил,

Какое счастье, если бы небеса были ко мне благосклонны,

Позволив мне вытянуть приз в лотерее жизни,

юношу с красивой внешностью, храброго и верного,

С сердцем, наполненным любовью ко мне.

Если бы он признался в своей страсти,

я бы ответила ему взаимностью изо всех сил.

Тогда, став его женой, я жила бы принцессой,

Возлежа на мягчайших подушках,
Моя красота подчеркивалась бы бархатом, шелком и тюлем,
жемчугом и золотыми украшениями,
которые он с огромной любовью дарил бы мне,
Чтобы усилить свое и мое восхищение".

Перечислив дополнительные преимущества, которыми пользуются представительницы прекрасного пола, поэт приходит к выводу, что протестовать против судьбы напрасно, и заканчивает свою главу так:

- Что ж, тогда я покорюсь судьбе
И буду искать утешения в мысли, что жизнь подходит к концу.
Наши мудрецы повсюду говорят нам,
Что за все мы должны славить Бога,
громко радуясь за все хорошее,
Покоряясь злой судьбе.
Поэтому я заставлю свои губы,
Как бы они ни сопротивлялись, произнести древнее благословение:
Мой Господь и Бог прими мою благодарность
За то, что ты сделал из меня мужчину".

Одним из друзей Калонимоса был Эммануил бен Соломон из Рима, которого называли "Гейне средневековья", а иногда "еврейским Вольтером". Ни одно из этих сравнений не подходит. С одной стороны, они ставят его на слишком высокое место как писателя, с другой - недостаточно отражают его характерные качества. Его самая важная работа, "*Мехаберот*", представляет собой сборник разрозненных произведений, полных смелых острот, поэтических мыслей и лингвистического очарования. Она состоит из стихотворений, макамата, пародий, романов, эпиграмм, дистихов и сонетов — все по существу юмористические. Поэт представляет вещи такими, какие они есть, предоставляя реальности создавать нелепые ситуации. Он скорее остроумен, чем юморист. Редко только искра доброты или жар поэзии преобразуют его остроумие. Он неизменно объективен, искрометен, холоден, часто легкомыслен и не всегда целомудрен. Произвести комический эффект, рассмешить своих читателей - его единственное желание. Друг и почитатель Данте, он достиг высокого мастерства в написании сонета. В неоеврейской поэзии его произведения знаменуют начало новой эпохи. Неделикатные остроты и легкомыслие, до тех пор спорадически встречавшиеся в еврейской литературе, были им введены как обычная черта. Поэзия ранних авторов была посвящена силе любви, их муза была скромной и целомудренной, "розой Сарона", "лилией долин". У Эммануэля ткань была более грубой; его остроумные выходки напоминают скорее итальянские, чем еврейские образцы. Недавний критик еврейской поэзии говорит о его Макамате как о подвеске к "Тристану и Изольде" — в обоих чувственность торжествует над духовностью. Лучше всего он проявляет себя в своих сонетах, и из них лучшие - в поэтической прозе. Женская красота является для него неиссякаемым источником вдохновения, но доверия к женщинам у него нет:

"Ни одна женщина никогда не будет хранить верность,
Если только она не уродлива и не стара".

Всю меру насмешек он излил на обманутого мужа, и самый едкий сарказм в его приказе против врага - это сравнение с раздражительными, уродливыми женщинами:

"Я ненавижу его горячей и искренней ненавистью,
Которая наполняет повес, набирающих служанок, которых он не может приманить,
Которыми уродливая ведьма поносит свой бокал,
И протитутуирует молодых людей, которые "избегают их козней".

Его преклонение перед женской красотой вполне в духе его итальянских современников. Один из его самых приятных сонетов посвящен глазам его возлюбленной:[\[54\]](#)

"Моя милая газель! Один взгляд твоих чарующих глаз
наполняет всю мою душу диким восторгом.
Непостижимые глубины излучают мир настолько яркий —
С лучами солнца соперничает его сверкающее великолепие — что
Один взгляд внутрь смертного обожествляет.
Твои губы, врата, через которые заря совершает свой полет,
Украшают лицо, залитое розовым светом,
Чье сияние устыдляет сводчатые небеса.
Две яркие звезды, посланные ими с небес —
Их очарование я не могу иначе объяснить —
Богом, но на короткое мгновение одолженным,
Кто милостиво соизволяет их сияющей славе,
Научить тех, кто стремится к красоте,
Что перед этими глазами всякая другая красота тщетна".

Однако самая близкая по духу работа Эммануэля - это работа сатирика. Одно из его самых известных стихотворений - цепочка двустиший, в котором проводится сравнение между двумя девушками, Тамар прекрасной и Берией невзрачной:

Фамарь поднимает веки, и на небе появляются звезды;
Ее взгляд опускается на землю, и цветы покрывают холм, на котором она стоит.
Берия поднимает глаза, и василиски умирают от ужаса;
Не удивляйтесь; это зрелище устрасило бы сатану.
Божественный облик Фамарь человеческий язык не может описать;
Сами боги верят, что она небесное порождение.
Присутствие Берии желательно только во время сбора винограда,
Когда Зло можно изгнать только гримасами.
Фамарь! Если бы Моисей увидел тебя, он бы никогда не создал медного змея,
Твоим изображением он исцелил человечество.
Берия! Боль овладевает мной, лекарство успокаивает,
я замечаю тебя, и она возвращается с полной силой.

Тамар, украшенная локонами, рано встречает солнце,
Которое быстро прячется, стыдясь своей лысины.
Берия! если бы я встретил тебя утром в День Нового года, это было бы
предзнаменованием неблагоприятного года.
Фамарь улыбается и залечивает кровоточащие раны сердца;
Она поднимает голову, звезды исчезают из виду.
Берию было бы хорошо отправить на небеса,
Тогда небеса наверняка нашли бы убежище на земле.
Тамар похожа на луну во всех отношениях, кроме одного —
Ее ослепительная красота никогда не страдает от затемнения.
Берия причастен природе богов; говорят,
никто не смотрит на богов без самого ужасного раскаяния.
Фамарь, будь Девственница подобной тебе, никогда бы солнце
не вышло из Девы, чтобы засиять в Весах.
Берия, ты знаешь, почему Мессия медлит, чтобы принести освобождение людям?
Время искупления давно пришло, но он прячется от тебя".

С изумлением мы видим, как еврейская муза, прежде такая серьезная, участвует в поистине вакхических танцах под руководством Эммануила. Любопытно, что, хотя, с одной стороны, он не боится легкомысленных высказываний или неприличных намеков, с другой, им руководят глубокая серьезность и неподдельная теплота чувств, когда он берется защищать или разъяснять основы веры. Характерно для направления его мысли, что он воплощает "Песнь песней" в предложении: "Любовь - это стержень *Торы*". Смелой гипотезой предполагается, что в Данииеле, своем проводнике в Рай (в двадцать восьмой песни своей поэмы), он олицетворял и прославлял своего великого друга Данте. Если это правда, то это было бы интересным свидетельством близких отношений, существующих между евреем и кругом, посвященным развитию национального гения в литературе и языке, а также стимулированию чувства природы и правды в противовес фантастическим видениям и гротескным идеалам прошлого.

Повсюду, не только в Италии, возрождение и гуманистическое движение привлекают евреев. Среди ранних кастильских трубадуров есть еврей, и последний трубадур Испании снова еврей. Естественно, итальянские евреи более глубоко, чем другие, затронуты возрождением науки и искусства. Давид бен Иегуда, мессер Леон, является автором эпоса "*Шебах Нашимъ*" ("Похвала женщинам"), в котором встречается интересная отсылка к Лауре Петрарки, которую, вопреки общему мнению своих современников, он считает не плодом воображения, а женщиной из плоти и крови. Восхваление и критика женщин - излюбленные темы поэтической полемики шестнадцатого века. Например, Якоб бен Элиас из Фано в своих "Щитах героев", небольшом сборнике песен в трехстишиях, отваживается нападать на слабый пол, за что Иуда Томмо из Порта-Леоне сразу же берется за дубинки в своем "Женском щите". В то же время между Абрахамом из Сартеано и Элиасом из Дженцано разгорелась настоящая песенная баталия. Последняя - поборница чистоты женственности, оспариваемая первой, которая в пятидесяти трехстах стихах разоблачает порочность женщины в самых позорных представительницах ее пола, от Лилит до Иезавели, от Семирамиды до Медеи. Анонимный участник боевых действий усиливает свои критические замечания обвинением в распущенности нравов женщин своего времени, в то время как четвертый рыцарь песни, очевидно, намереваясь примирить стороны, начинает свою "Новую песню", до нас дошел лишь фрагмент, с восхваления, а заканчивает ее

порицанием женщины. Подобные постановки тоже являются результатом Возрождения, его романтического течения, которое, оказав влияние на католицизм, не преминуло наложить свой отпечаток на евреев, среди которых романтикам, должно быть, пришлось немало повоевать с приверженцами традиционных взглядов.

Тем временем неоеврейская поэзия "упала в сухость, в желтый лист". Поэзия поникла под ледяным дыханием рационализма и исчезла в бездне Каббалы. Самое большее, что мы иногда слышим о полемическом стихотворении, острой эпиграмме. В остальном это была лишь монотонная череда религиозных стихотворений, повторяющих старые формулы, сухие кости привычки и традиции, больше не наполненные истинно поэтическим, религиозным духом. И все же источник любви и юмора в еврейской поэзии не иссяк. Следует признать, что сентиментализм миннесервиса, свойственный средневековью, так и не пустил корней на еврейской почве. Бледная покорность, болезненное отчаяние, тоска по смерти, недостойное мужчины потворство сожалениям, все атрибуты рыцарской любви, во всех тональностях воспеты в поэзии средневековья, были чужды здравомыслящему еврейскому уму. Женщины, ставшие объектом беспричинного обожания, разделили судьбу всех суверенных держав: почтение привело к их гибели. Они привыкли думать, что благополучие и горе мира зависят от их постоянства или нелояльности. Только евреи были достаточно здоровы, чтобы подчинять сексуальную любовь почитанию материнства. Придерживаясь возвышенных представлений о любви, они поняли, что ее сила простирается далеко за пределы жизней двух человек и влияет на благополучие еще не родившихся поколений. Такая любовь, интеллектуальная любовь, которую Бенедикт Спиноза первым определил с научной и философской точки зрения, заглядывает далеко в будущее и дает человечеству провиденциальную мысль.

В то время как юмор и романтизм повсюду в средние века казались непримиримыми контрастами, евреи привели их в гармоничную взаимосвязь. Когда юмор был изгнан из поэзии, он нашел убежище в еврейско-немецкой литературе, этом духовном подводном течении, порожденном притязаниями фантазии в противовес агрессивным, всепоглощающим демандам разума. Не к высоким и могущественным, а к смиренным духом, к малым людям земли, к женщинам и детям, она обращалась с призывом, и от них ее влияние распространялось по всей стране, принося освежение и поддержку усталым, изголодавшимся умам, надежду угнетенным и утешение страждущим. Утешение, действительно, было крайне необходимо евреям в их странствиях в средние века. Печальным, невыразимо печальным было их положение. С фатальной исключительностью они посвятили себя изучению Талмуда. Светское образование не одобрялось; антагонизм к науке и причуды были характерны для их интеллектуальной жизни; философия была формально запрещена; еврейским языком пренебрегали; все их богатство и сила интеллекта расточались на изучение Права, и даже здесь каждая способность — разум, изобретательность, спекуляция — занималась только в высшей степени искусственными решениями столь же искусственных проблем, надуманными осложнениями и досадными противоречиями, придуманными для согласования. При таких печальных обстоятельствах, когда угнетение усиливалось злобой, еврейские умы и сердца были лишены чувства юмора, а проявление любви превратилось в трудную задачу. Удивительно ли, что в такие дни раввин на далеком Славянском Востоке издал предписание, запрещающее своим сестрам по вере читать романсы в субботу — романсы, сочиненные каким-нибудь другим раввином в Провансе или Италии пятьсот лет назад?

Скорбь и страдания не бесконечны. Для евреев наступил новый день. Стены гетто пали, сухие кости соединились друг с другом для новой жизни, и свежий дух овладел Домом Израиля. На смену обессиливанию и упадку пришло возрождение, ускоренное духом времени, повсеместными идеями свободы и равенства. Силы, кульминацией которых стало их возрождение, существовали в виде зародышей в предыдущем столетии. Они незаметно росли, действуя через все духовные средства, поэзию, ораторское искусство, философию, политическую агитацию. В лучах восемнадцатого века они наконец повзрослели, и к его концу омоложение еврейской расы стало свершившимся фактом в каждой европейской стране. Его сыны охотно присоединились к новым интеллектуальным и литературным движениям народов, которым было позволено пережить очередной период расцвета, и еврейский юмор завоевал себе место в современной литературе.

Наше краткое путешествие по царству любви и юмора, безусловно, должно убедить нас в том, что в солнечные дни юмор редко, а любовь - никогда, покидает Израиль. Наши старые странствующие проповедники (*Маггидим*), кочующие из города в город, имели обыкновение заканчивать свои проповеди притчей (*Машаи*), которая открывала путь к увещанию. Манера наших отцов внушает мне уважение, и, следуя по их стопам, я осмеливаюсь завершить свое паломничество сквозь века *Машалом*. Это переносит нас на солнечный Восток, в маленький портовый городок Явне, примерно в шести милях от Иерусалима, во времена, непосредственно последовавшие за разрушением Храма. Туда с остатками своих учеников бежал Йоханан бен Заккай, один из мудрейших наших раввинов, спасаясь от несчастий, связанных с падением Иерусалима. Он знал, что Храм никогда больше не восстанет из пепла. Он также знал, что сущность иудаизма не имеет органической связи с Храмом или Святым Городом. Он предвидел, что его миссия состоит в распространении среди народов земли, и об этом будущем он говорил ученикам, собравшимся вокруг него в академии в Иавнехе. Мы можем представить, как он просит их дать определение фундаментальному принципу иудаизма и получает множество ответов, варьирующихся в зависимости от характера и темперамента молодых миссионеров. Одному, возможно, казалось, что иудаизм основан на вере в Бога, другому - на субботе, третьему - на *Торе*, четвертому - на Десятисловии. Такие взгляды не могли удовлетворить духовных устремлений престарелого учителя. Когда Йоханан бен Заккай поднимается, чтобы высказать свое мнение, мы чувствуем, как будто узкие стены академии в Джабнехе чудесным образом раздвигаются, чтобы охватить весь мир, в то время как фигура почтенного раввина вырастает до благородных пропорций божественного провидца, чей пронзительный взгляд приоткрывает завесу будущего и читает отдаленный приговор истории: "Мои ученики, мои друзья, фундаментальный принцип иудаизма - любовь!"

ЕВРЕЙСКАЯ СЦЕНА

Возможно, ни один народ не занимал столь своеобразной позиции по отношению к этой драме, как евреи. Немногим более двух столетий прошло с тех пор, как еврейский поэт отважился написать драму, и теперь, если разделение по расовому признаку допустимо в вопросах литературы, евреи, бесспорно, занимают одно из первых мест среди тех, кто интересуется драмой, как по ее композиции, так и по подаче.

Первоначально еврейский ум не испытывал никакого влечения к этой драме. Еврейская поэзия не достигла ни драматических, ни эпических творений, потому что всепроникающий

монотеистический принцип нации парализовал свободное и непринужденное выстраивание богов и героев греческой драмы. Тем не менее следы драматической поэзии появляются в древнейшей литературе. "Песнь песней" многими рассматривается как драматическая идиллия в семи сценах, с Шуламмиф в роли героини и царем, предполагаемым автором, в качестве героя. Но это и подобные попытки являются лишь слабыми подходами к драматической композиции, не вызывающими подражания.

Греческие и римские театральные представления, первые, с которыми они познакомились, должно быть, пробудили живой интерес у евреев. Только после триумфального шествия Александра Македонского по Востоку и установления римского господства над Иудеей в Палестине появились учреждения, которые древние называли театрами; то есть *стадионы*; цирки для борьбы, фехтования и поединков между людьми и животными; и сцена для трагедий и других пьес. К ужасу благочестивых фанатиков, еврейские эллинисты, другими словами, евреи, проникнутые светской культурой того времени, построили гимнастический зал для соревнований еврейской молодежи Иерусалима по борьбе и фехтованию, который вскоре был еще больше осквернен цирком *истадионом*. Согласно Иосифу Флавию, Ирод построил театр в Иерусалиме за двадцать восемь лет до нашей эры, а в окрестностях города - амфитеатр, где выступали греческие актеры и пели под аккомпанемент лиры или флейты.

Первым и в свое время, вероятно, единственным еврейским драматургом был греческий поэт Иезекииль (Ezekielos), расцвет которого пришелся примерно на 150 год до нашей эры. В его пьесе "Исход из Египта", написанной по образцу Еврипида, героем является Моисей, каким мы знаем его по Библии. В остальном пьеса насквозь эллинская, демонстрирующая склонность греков становиться дидактичными и рефлексивными и использовать героев священных легенд как человеческие типы. Кроме того, до нас дошли два фрагмента иудейско-эллинических драм в трехстопных стихах: в одном говорится о единстве Бога, в другом - о змее в раю.

Для массы еврейского народа, особенно для толкователей и знатоков Закона, театральные представления казались осквернением, грехом. Завязалась ожесточенная борьба между *Бет ха-мидрашем* и сценой, между законоучителями и любителями искусства, между раввинизмом и эллинизмом. Помня о библейских законах, прививающих человечность животным и людям, раввины не могли не осуждать гладиаторские бои, и в своей простодушии они, должно быть, восстали против тем греческого драматурга, нечестность, торжествующее насилие и супружеская неверность были тогда, как и сейчас, любимыми сюжетами драматических представлений. Безнравственность сцены в те дни была, если это возможно, более заметна, чем в наши.

Именно такой точки зрения придерживались раввины в своих увещеваниях к народу, и результатом стал заговор против царя Ирода. Однажды вечером заговорщики появились в театре, но их замыслы были расстроены отсутствием короля и его свиты. Заговор выдал себя, и один из участников заговора был схвачен и разорван на куски толпой. Самые бескомпромиссные раввины произносили проклятия над завсегдатаями театра и возводили воздержание от его удовольствий в ранг достойного поступка, поскольку это была сцена идолопоклонства, а его *завсегдатаи* нарушали предостережение, содержащееся в первом стихе псалмов. "Прокляты те, кто посещает театр и цирк и презирает наши законы", - восклицает один из них.^[55] Другой интерпретирует слова пророка: "Я не сидел в собрании веселящихся и

не радовался" молитвой: "Господь вселенной, никогда я не посещал театр или цирк, чтобы повеселиться в компании насмешников".

Несмотря на безудержный антагонизм, сцена завоевала любовь и уважение еврейской публики, и мы слышим о еврейских юношах, посвятивших себя драматургии и ставших актерами. Только один дошел до нас по имени: знаменитый Алитирос из Рима, фаворит императора Нерона и его жены Поппеи. Иосиф Флавий говорит о нем как об "игроке и еврее, пользующемся благосклонностью Нерона". Когда еврейский историк высадился в Путеолах пленным, Алитирос представил его императрице, которая добилась его освобождения. Вне всякого сомнения, еврейские *аристократы* Рима горячо поддерживали театр; более того, римские сатирики обрушивали свои стрелы на усердие, проявляемое в служении искусству еврейскими меценатами.

Последовала реакция. Талмудический иудаизм преследовал театральные представления с той же ожесточенной враждебностью, что и христианство. Неудивительно, если принять во внимание распущенность сцены, настолько развращенную, что она вызвала резкий упрек даже у Цицерона, и враждебность драматургов к евреям и христианам, которых они выставляли на посмешище римскому населению. Талмудическая литература сохранила несколько примеров шутовства, развернутого против иудаизма. Раввин Аббаю рассказывает следующее:^[56] На сцену выводят верблюда, покрытого траурным одеялом, и завязывается разговор. -Почему верблюд погружен в траур? "Потому что евреи, соблюдающие субботний день, воздерживаются от овощей и отказываются есть даже зелень. Они едят только чертополох, а верблюд скорбит, потому что его лишили его любимой пищи".

В другой раз на сцене появляется шут с наголо обритой головой. "Почему клоун в трауре?" "Потому что масло такое дорогое". "Почему масло дорого?" "Из-за евреев. В субботу они потребляют все, что зарабатывают за неделю. Не остается ни полена, чтобы развести огонь и приготовить себе еду. Они вынуждены сжигать свои постели в качестве топлива, а ночью спать на полу. Чтобы избавиться от грязи, они используют огромное количество масла. Следовательно, масло дорого, и клоуну нельзя смазывать волосы помадой". Конечно, никто не будет отрицать, что завсегдатаи римского театра были менее критичны, чем современная публика.

У законоучителей был только один ответ на подобные нападки — строгий запрет на посещение театров. По этому вопросу раввины и Отцы Церкви были единодушны. Заявление раввина о том, что тот, кто входит в цирк, совершает убийство, является порождением того же святого рвения, которое диктует торжественное негодование Тертуллиана: "Ни словом, ни зрением, ни слухом мы не разделяем безумных выходок цирка, непристойности театра или мерзости арены". Подобные выражения подготавливают к гневу другого протестующего, который в субботу объяснял своей аудитории, что землетрясения являются признаками свирепого гнева Бога, когда Он смотрит вниз на землю и видит, как процветают театры и зрелища, в то время как Его святилище лежит в руинах.^[57]

Анафемы в адрес сцены были напрасны. Один законоучитель в середине II века зашел так далеко, что разрешил посещение цирка *истадиона* по той очень любопытной причине, что зритель, возможно, может оказать помощь возникшим в случае аварии на ипподроме или может засвидетельствовать факт их смерти в суде и, таким образом, дать возможность их вдовам

снова выйти замуж. Другой благочестивый раввин выражает надежду, что театры и цирки в Риме в будущем могут быть "преобразованы в академии добродетели и морали".

Такие либеральные взгляды, естественно, встречались крайне редко. Прошло много веков, прежде чем евреи в целом смогли преодолеть антипатию к сцене и всему, что с ней связано. Языческий Рим с его художественными творениями должен был пасть, а новая христианская драма, возникшая на руинах старого театра, но сделавшая религию своей центральной идеей, должна была развиваться и вызывать подражание, прежде чем первый зародыш интереса к драматическим сюжетам осмелился проявиться в еврейских кругах. Первый еврейский вклад в драму датируется девятым веком. История Амана, заклятого врага евреев, была инсценирована в рамках празднования *Пурима*, еврейского карнавала. Центральной фигурой было изображение Амана, которое сожгли среди песен, музыки и всеобщего веселья на небольшом костре, через который участники несколько раз перепрыгнули в радостном ликовании по поводу падения своего злейшего врага — расточительность, простительная народу, который в любой другой день года шатался под бременем бедствий и угнетения.

Это драматическое усилие было лишь спорадическим явлением. Реальное, непрерывное участие евреев в драматическом искусстве может быть зафиксировано только шестьсот лет спустя. Тем временем испанская драматургия, первой применившая библейские сюжеты для использования на сцене, достигла своего наивысшего развития. Благодаря выбору сюжетов он оказался настолько привлекательным для евреев, что едва ли через пятьдесят лет после появления первого испано-еврейского драматурга испанский сатирик в резких стихах сожалеет об иудаизации драматической поэзии. Фактически, первая оригинальная драма в испанской литературе "*Знаменитая Селестина*" приписывается еврею, маррано Родриго да Кота. "Эстер", первая явно еврейская пьеса на испанском языке, была написана в 1567 году Соломоном Уске в Ферраре в сотрудничестве с Лазаро Грациано. Тема, трактовавшаяся столетия назад в грубой манере, естественно, пришла в голову подлинному драматургу, который выбрал ее, чтобы придать ей достоинство, присущее поэтическому искусству. За этим первым эссе в области еврейской драматургии последовала череда драматических произведений евреев, которые, изгнанные из Испании, бережно хранили память о своей любимой стране и, перенеся в свои новые дома в Италии и Голландии любовь к ее языку и литературе, написали все свои произведения, включая драмы, на испанском языке по испанским образцам. Их деятельность была настолько плодотворной, что вскоре после изгнания мы слышим о "еврее Кальдероне", авторе более двадцати двух пьес, некоторые из которых долгое время считались работой самого Кальдерона и поэтому были с одобрением приняты в Мадриде. Настоящим автором, чье место в испанской литературе обеспечено, был Антонио Энрикес ди Гомес, маррано, чучело которого сожгли в Севилье после его побега из лап инквизиции. Его драмы частично затрагивают библейские сюжеты. Очевидно, что Самсон является выразителем его собственных чувств:

"О Боже, Боже мой, время быстро приближается!
Теперь пусть снизойдет луч твоей великой силы!
Укрепи мою руку, чтобы совершить дело,
Которое положит конец чужеземному правлению на нашей земле!"

Ближе к концу семнадцатого века португальский язык узурпировал место испанского среди евреев, и сразу же мы слышим о еврейском драматурге Антонио Хосе де Сильва (1705-1739),

одном из самых выдающихся португальских поэтов, чьи драмы до сих пор занимают достойное место в репертуаре португальской сцены. Он был сожжен на костре как мученик за свою веру, которую он торжественно исповедал в час своей казни: "Я последователь веры, данной Богом в соответствии с вашим собственным учением. Когда-то Бог любил эту религию. Я верю, что Он все еще любит это, но поскольку вы утверждаете, что Он больше не обращает на это свет Своего лица, вы обрекаете на смерть тех, кто убежден, что Бог не отнял Свою милость от того, что Он когда-то благоволил ". Ни в коем случае нельзя считать невероятным стечением обстоятельств то, что вечером того дня, когда Антонио Хосе де Сильва скончался на костре, в большом театре Лиссабона по случаю аутодафе была сыграна оперетта, написанная самой жертвой.

Еврейская литература как таковая получила незначительный прирост от этой поэтической деятельности среди евреев. В рассматриваемый период была поставлена единственная драма на иврите, которая может претендовать на несколько большую похвалу, чем полагается посредственности. "*Узники надежды*" *Асуре ха-Тиква*, напечатанная в 1673 году, заслуживает внимания, потому что это была первая драма, опубликованная на иврите, а ее автор, Джозеф Пенса де ла Вега, был последним испанцем, как Антонио де Сильва был последним португальцем, еврейским поэтом. Пьеса в трех действиях представляет собой аллгорию, повествующую о победе свободной воли, представленной королем, над злыми наклонностями, олицетворяемыми красивым юношей Амуром. Несмотря на всю серьезность своих обязанностей как правителя, короля сбивают с правильного пути различные люди и обстоятельства, главные из которых - Купидон, его кокетливая королева и его греховные наклонности. Противостоящие силы добра представлены фигурами гармонии, Провидения и истины, и они в конечном итоге приводят заблудшего странника обратно на путь спасения. *В действующие personæ* этой первой иврит драмы *АБstractions*, лишенный драматической жизни, лишь аллегорические персонификации, но основная идея заключается в поэтической, и в еврейском стиле чистой, благозвучной и ритмичное. И все же невозможно передать тот энтузиазм, с которым работа семнадцатилетнего автора была встречена в еврейских академиях Голландии. Двадцать один поэт воспел его в стихах на латыни, иврите и испанском. Образцом их панегириков может служить следующее двустишие:

"Наконец муза Израиля принимает трагический облик
И счастливо прокладывает свой путь по лабиринтам метра".

Пенса, хотя и опубликовал книгу первым, не был первым еврейским драматургом, написавшим книгу. Приоритет принадлежит Моисею Закуто, который написал свою пьесу на иврите "*Йесод Олам*" [58] ("Основание мира") четвертью века ранее. Его тема - преследование Авраама идолопоклонниками из-за его веры, а основой является агадистское повествование о смелом противостоянии Авраама идолопоклонническим практикам и его мужестве даже до смерти в служении истинному Богу. Согласно талмудической интерпретации, праведный персонаж этого описания является одним из краеугольных камней вселенной. Следует признать, что работа Закуто - это драма с определенной целью. Поэт хотел укрепить свой изгнанный, измученный народ вдохновением и надеждой, которые проистекают от созерцания сильной, смелой личности. Но это признание не умаляет подлинных достоинств стихотворения. С другой стороны, это первое драматическое усилие, естественно, является грубым, ему не хватает поэтических форм, предлагаемых высокоразвитым искусством. Диалоги, молитвы и припевы следуют друг за другом без всякой регулярности и в разных размерах, не лишённые, однако,

поэтического чувства и лирической красоты. Часто ритм достигает высокой степени совершенства, даже возвышенности. Как и Пенса, Сакуто был учеником великих мастеров, и сравнение их обоих с Лопе де Вега и Кальдероном покажет ту же южную теплоту, высокопарный пафос, буйство фантазии, богатство образов, чрезмерную игру словами, своеобразные обороты и фразы, беспорядочный стиль и другие качества, характерные для испанской драматической поэзии того периода.

Прошло еще столетие, прежде чем муза еврейской драмы вырвалась из-под контроля. Моисей Хайим Луццатто (1707-1747) из Падуи был поэтом с истинно драматическим даром, и если бы он жил в другое время, он, возможно, достиг бы абсолютного величия исполнения. К несчастью, сентиментальный, впечатлительный юноша безнадежно запутался в сетях мистицизма. На семнадцатом году жизни он сочинил библейскую драму "Самсон и филистимляне", сохранившиеся фрагменты которой безупречны по размеру. Его следующей работой стала аллегорическая драма "Мигдал Оз" ("Башня победы"), стиль и мораль которой демонстрируют безошибочные признаки итальянского вдохновения, почерпнутого, в частности, у Гуарини и его пастора Фидо, моделей, не вполне заслуживающих похвалы в то время, когда "Меропа" Маффеи оказывала благотворное влияние на итальянскую драму в направлении простоты и достоинства. Однако ничто не могло отучить Луццатто от приверженности испано-итальянскому романтизму. Его самое счастливое творение - драматическая притча *Лайешарим Техиллах* ("Хвала праведным!"). Библейская поэзия празднует здесь свое воскресение. Ритм и жизнерадостность Псалмов воспроизведены в тоне и колорите их языка. "Все благоухающие цветы библейской поэзии собраны на одной клумбе. И все же язык - это нечто большее, чем мозаика библейских фраз. Это одно из самых превосходных и редких изящных выражений в Библии. Особенности исторических сочинений тщательно избегают, в то время как все модификации стиля, свойственные поэзии, собраны вместе, чтобы составить то, что справедливо можно назвать словарем поэтической дикции".[59]

Аллегория *Лайешарим Техиллах* полна очаровательных черт, но ей не хватает теплоты, естественности и человеческого интереса - незаменимых элементов драматического действия. Первый акт повествует о беззаконии людей, которые ценят обман выше добродетели, и завершается уходом благочестивого мудреца в уединение. Второй акт описывает надежды праведника и его судьбу, а в третьем звучит восхваление истины и справедливости. Нить повествования слаба, и персонажи - бледные призраки, а не теплокровные люди. И все же это произведение должно быть объявлено жемчужиной неоеврейской поэзии, свидетельством великих творений, которые мог бы создать его автор, если бы в ранней юности он не был пойман бурлящими водами и утащен в бездонные глубины каббалистического мистицизма. Несмотря на его причуды, его стихи были полны суггестивности и воодушевления для многих представителей его расы, которые были вдохновлены работать в соответствии с изложенными им принципами. Можно считать, что он положил начало другой эпохе классической еврейской литературы, проникнутой духом современности, которую еврейские драмы его времени с большим успехом облачают в еврейские одежды.

В популярной литературе на еврейско-немецком языке, выросшей почти незамеченной рядом с классической еврейской литературой, мы находим популярные пьесы, комедии, в основном фарсы для карнавала *Пурим*. Первая из них, "Продажа Иосифа" (*Мекират Йосеф*, 1710), трактует библейское повествование в форме и духе диалогов немецкого фарсового клоуна Пикельхеринга (Мерри-Эндрю), заимствованных у последнего, поскольку он был слугой и

советником Потифара. Пьесе не придается никакой драматической или поэтической ценности. Она так же тривиальна, как и любая из ее моделей, немецких клоунских комедий, и представляет интерес только как показатель вкуса публики, которая, несомненно, приняла ее с восторгом. Как ни странно, основная сцена между Джозефом и Селихой, женой Потифара, очень сдержанна. В монологе она страстно признается в своей любви. Затем появляется Джозеф, и она обращается к нему так:

"Добро пожаловать, Джозеф, самый дорогой,
Мой раб, который покори́л все мое сердце!
Умоляю тебя, исполни мою просьбу!
Так часто я тебе признавался,
Моя любовь к тебе становится все сильнее.
Напрасно я жду ответа на любовь.
Не будь таким тираном,
не будь таким грубым, таким недобрым —
Я испытываю к тебе такую привязанность, видишь,
Почему ты не любишь меня?"

Джозеф отвечает:

- Я обязан моей госпоже тем, о чем она просит,
но это не входит в мои обязанности.
Я молю, моя госпожа, измени свое решение;
Ты можешь найти так много таких, как я.
Как я мог осмелиться так нарушить свое состояние,
И мое великое доверие?
Милорд поручил мне свой дом,
исключая только его дорогую супругу;
Но, похоже, за ней тоже нужен присмотр.
А теперь, госпожа, прощай!

Затем Селиха говорит:

"О небеса, что же мне теперь делать?
Он не прислушается к моим верным клятвам.
Ну же, Пикелеринг, скажи мне скорее,
что я должен сделать, чтобы уколоть его любовь?
Я умру, если не найду никаких средств,
чтобы приспособить его юмор к своему разумению.
Я дам тебе золото, можешь не сомневаться,
если ты только поможешь мне довести дело до конца".

Появляется Пикелеринг и говорит:

"Миледи, вот я, твой раб,
Мой самый мудрый совет, который ты должна получить.

Ты должен наложить на него жестокую руку
И сказать: "Если ты не исполнишь мою прихоть,
я изгоню тебя отсюда со своего двора,
И с твоими горестями я буду развлекаться,
И я не стану откладывать твое наказание,
Пока капля за каплей не иссякнет твоя кровь".
Возможно, он исправится,
Если ты скажешь такие жестокие слова".

Селича следует его совету, но, получив отказ, снова обращается к Пикельхерингу, который говорит:

"Прекрасная госпожа, прошу вас, прислушайтесь ко мне,
Мой совет сейчас принесет плоды.
Искаженную историю ты расскажешь
королю и скажешь: "Послушай, что случилось:
Твой слуга Джозеф осмелился
войти в мою личную комнату,
когда в доме не было никого,
кто мог бы защитить твою беспомощную супругу.
Смотрите, здесь осталась его мантия.
Хватайте его, милорд, негодяя найдите".

Появляется Потифар, Селиха рассказывает свою историю, и Пикельхеринг отправляется на поиски Джозефа, который выходит на сцену и встречен далеко не мягкими упреками своего хозяина:

"Ты, птица-висельник, ты ни на что не годный!
Ты, кого я считал таким правдивым и добрым!
Это было просто для того, чтобы отнять у тебя жизнь.
Но нет! еще суровее этот указ:
В темнице, закованный в цепи, ты будешь роптать,
Где не могут светить ни солнце, ни луна.
Вечно будешь оплакивать свою неслышанную участь;
А теперь исчезни с моих глаз, прочь, ты, виселица".

На этом сцена заканчивается. Конечно, в конце концов Джозеф избегает своей участи и, к великой радости сочувствующей публики, удостоивается высоких почестей.

Этот фарс был представлен во Франкфурте-на-Майне еврейскими студентами города при содействии некоторых из Гамбурга и Праги с экстравагантной демонстрацией декораций. Традиция приписывает авторство некоему Бирманну.

"Агасверус" имеет такой же грубый характер, настолько грубый, что руководители еврейской общины Франкфурта, пользуясь своими правами литературных цензоров, запретили его исполнение и приказали сжечь печатные экземпляры. Несколько более изысканной комедией

является "*Акт Эстер и Ахашверош*", опубликованный в Праге в 1720 году и разыгранный там учениками знаменитого раввина Давида Оппенгейма "на обычной сцене с барабанами и другими инструментами". "Деяния царя Давида и Голиафа" и пародия "Воля и смерть Амана" также относятся к категории фарсов на Пурим.

Резким переходом мы переходим от их рассмотрения к еврейской классической драме, созданной по образцу Моисея Хайима Луццатто. Наибольшее внимание уделялось историческим драмам, особенно тем, которые посвящены испытаниям и судьбе Маррано, любимым сюжетам Дэвида Франко Мендеса, Сэмюэля Романелли и других. Хотя их язык - почти чистый классический иврит, сюжет задуман полностью в духе современности. В конце XVIII векатура большое количество писателей обратились к библейским героям и героиням для драматического использования, и с тех пор интерес евреев к драме никогда не ослабевал. Пышная плодотворность этих поздних еврейских драматургов, освещенных солнечным светом наших дней, полностью компенсирует бесплодие еврейской драматической музыки в течение веков тьмы.

Первым еврейским драматургом, использовавшим немецкий язык, был Бенедикт Давид Арнштейн из Вены, автор большого количества пьес, комедий и мелодрам, некоторые из которых были поставлены на сценах венского императорского театра (*Бургтеатр*). Его сменил Л. М. Бушенталь, чья драма "Печать царя Соломона" была поставлена в королевском театре Берлина. С его времен поэты еврейской расы обогатили драматическую литературу во всех ее отделах. Их работы относятся к общей литературе и не нуждаются в индивидуализации в этом эссе.

В области драматической музыки евреи также заняли видное положение. Достаточно упомянуть Мейербера и Оффенбаха, представителей двух совершенно разных областей искусства. Опять же, утверждать выдающуюся роль евреев как актеров - это прописная истина. Адольф Еллинек, один из ближайших исследователей расовых особенностей евреев, считает, что они необычайно хорошо подготовлены для театральной профессии из-за их выраженной субъективности, которая всегда вызывает объективную, бескорыстную преданность цели, и их космополитизма, который позволяет им с легкостью переноситься в новый мирмысли.^[60] "Естественно, что раса, религиозное, литературное и языковое развитие которой в сотнях случаев доказывает уникальный талант с удивительной легкостью приспосабливаться к интеллектуальной жизни различных стран и народностей, должна порождать личностей, одаренных способностью воплощать себя в характер, созданный искусством, и олицетворять его с восхитительной точностью в мельчайших деталях. То, что раса в целом на протяжении веков делала спонтанно и в силу врожденных характеристик, несомненно, может быть выполнено с большим совершенством некоторыми из ее представителей под сознательно принятым руководством законов искусства". Многие особенности еврейской расы — быстрое восприятие, живость, декламационный пафос, необузданное воображение — являются главными качествами для карьеры актера, и такие имена, как Богумил Дэвисон, Адольф Зонненталь, Рэйчел Феликс и Сара Бернар, в изобилии иллюстрируют общее положение.

Напряженные попытки установить имя первого еврейского актера в Германии оказались безрезультатными. Возможно, это был неназванный художник, за которого по просьбе своего брата Лессинг заступился в мангеймском национальном театре.

Легион - это имя еврейских артистов этого столетия, которые достигли известности во всех областях драматического искусства, в каждой стране, даже самой отдаленной, на земном шаре. Путешественники по России рассказывают о толпах, которые вечер за вечером стекаются в еврейско-немецкие театры Одессы, Киева и Варшавы. Поставленные пьесы являются экранизациями лучших драматических произведений всех современных народов. Мы за пределами России познакомились с персонажами этих спектаклей по мелодраме "Шуламмиф", поставленной в различных театрах еврейско-немецкой *труппой* "Опера буфф" из Варшавы, а писатель однажды — сможет ли он когда-нибудь забыть это? — видел "Гамлета" в исполнении жаргонных актеров. Когда Гамлет дает Офелии совет словами: "Отправляйся в женский монастырь!", она тут же парирует: *Mit Eizes bin ich versehen, mein Prinz!* (Добрыми советами я вполне обеспечен, милорд!).

Актер, о котором вспоминали на недавнем праздновании столетия первого представления "Волшебной флейты", должно быть, был одним из первых евреев, принявших сцену в качестве профессии. Первое представление, сразу же обеспечившее успех оперы, состоялось в Праге. Согласно *Prager Neue Zeitung*, инцидент, связанный с этим оригинальным представлением, вызвал больший интерес, чем сама опера: "Десятого числа прошлого месяца была поставлена новая пьеса "Волшебная флейта". Я поспешил в театр и обнаружил, что роль Зарастро исполнил хорошо сложенный молодой человек с ласковым голосом, который, как мне сказали, к моему великому удивлению, был евреем — да, евреем. Он был заметно смущен, когда впервые появился, доказывая, что он человек, подчиняющийся обычным законам природы и слабостям обычного смертного. Заметив его страх перед сценой, публика попыталась подбодрить его аплодисментами. Это удалось, потому что он пел и произносил свои реплики с изяществом и достоинством. В конце его вызвали и бурно зааплодировали. Короче говоря, я обнаружил, что пражская публика сильно отличается от той, что сложилась у нас. Он умеет ценить достоинства, даже если ими обладает израильтянин, и я склонен думать, что он жестко критикует только тогда, когда есть веские основания для жалоб. Хартунг, еврейский актер, скоро появится в других ролях и, несомненно, заслужит аплодисменты публики".

В заключение вернемся к классической драме на иврите. Несмотря на то, что еврейские драмы созданы по лучшим классическим образцам и обогащены благородными творениями С. Л. Романелли, М. Э. Леттериса, переводчика *Фауста*, А. Готтлобера и других, они принадлежат к большому классу пьес для публики, непригодных для сцены. Эта драматическая литература содержит не только оригинальные произведения; шедевры всех литератур — произведения Шекспира, Расина, Мольера, Гете, Шиллера и Лессинга — были переведены на язык пророков и псалмопевцев, и, зараженный энергией их мысли, древний язык вновь обрел жизненную силу неувядающей юности.

ПОИСКИ ЕВРЕЯ В АФРИКЕ

Жители Древней Греции, беседа во время *антракта* первого представления в национальном театре Олимпии, почти наверняка спрашивали друг друга после обсуждения новой пьесы: "Какие новости из Африки?" Через Аристотеля до нас дошла пословица: "Африка всегда приносит нам что-то новое". Отсюда вопрос: *Сколько нови из Африки?*^[61]

Если когда-нибудь два старых раввина из *Бет ха-Мидраша* в Кирене беседовали в перерывах между своими лекциями, вероятно, между ними возникал один и тот же вопрос. Ибо Африка всегда привлекала внимание культурных людей. В книгах о еврейско-немецких легендах места

действия их самых загадочных мифов помещены на "Темном континенте", и я отчетливо помню, как мы, молодежь, субботними вечерами толпились вокруг нашей дорогой старой бабушки, которая в очках с большой дужкой на носу читала нам отрывки из "Иосиппона". Во многих подобных случаях непослушный слушатель, желая поторопить раздачу "Субботнего плода", ставил под угрозу устойчивость блюда, энергично дергая за скатерть, и вызывал упрек, напрашивающийся из нашего чтения: "Ты настоящий Самбатсион!" - Аристотель, Плиний, Олимпия, Кирена, "Иосиппон" и бабушка — все они объединяются, чтобы разжечь наш аппетит к африканским новинкам.

Никогда интерес к этой теме не был таким активным, как в нашем поколении, и вопрос "К чему стремятся евреи в Африке?" можно буквально применить к достижениям отдельных еврейских путешественников. Но наше исследование не будет посвящено судьбе африканских исследователей еврейского происхождения; не путешествию Эмин-паши в Ваделаи и Магунго; не целесообразности колонизации русских евреев в Африке; и даже не роли, которую часть северной Африки сыграла в развитии еврейской литературы и культуры: вкратце, "Поиски еврея в Африке" посвящены остаткам десяти потерянных племен.

Более восьмисот лет Израиль, окопавшийся на своей собственной земле, бросал вызов каждому врагу. После смерти Соломона (978 год до н. э.) царство было разделено, и, как следствие, его могущество пришло в упадок. Мировая монархия Ассирия стала противником, которого следовало опасаться, после того как Ахаз, царь Иудеи, пригласил ее помочь ему в борьбе против Факея. Тиглатпаласар завоевал часть Израильского царства и примерно в середине восьмого века увел своих подданных в плен в Ассирию. В правление Осии Салманасар завершил то, что начал его предшественник (722 год), полностью уничтожив северное царство на двести пятьдесят восьмом году его независимости. Перед катастрофой часть его жителей эмигрировала в Аравию, так что, собственно говоря, там было всего девять племен, названных своими пророками, главные из которых Осия и Амос, Ефрем из самого могущественного члена конфедерации. Другая часть отправилась в Адиабену, округ на границе Ассирии и Мидии, и оттуда рассеялась во всех направлениях по царству мидян и персов.

Пророки изгнания все еще надеются на их возвращение. Исаия говорит:[\[62\]](#) "Господь снова прострет Свою руку во второй раз, чтобы собрать остаток своего народа, который останется, из Ассира, и из Египта, и из Патроса, и из Куша, и из Элама, и из Сеннаара, и из Хамафа, и с островов морских. И Он поднимет знамя перед народами и соберет отверженных Израиля; и рассеянных Иудеев он соберет вместе с четырех концов земли.... Ефрем не будет завидовать Иуде, и Иуда не нападет на Ефрема.... И Господь совершенно истребит язык Египетского моря.... И будет дорога для остатка его народа, которая останется от Ассира, подобно тому, как это было для Израиля в тот день, когда они вышли из земли Египетской". У Иеремии[\[63\]](#) мы читаем: "Вот, я приведу их из северной страны, и я соберу их с самых дальних концов земли ... ибо Я стал отцом Израилю, и Ефрем - мой первенец". Ссылаясь на этот отрывок, Талмуд утверждает, что пророк Иеремия привел потерянные племена обратно в Палестину.

Вторая ГИПЕРССЫЛКА на Книгу Исаяи говорит: "Узникам, выходите; тем, кто во тьме, покажите себя". "Вы будете собраны один за другим.... И будет так, что в тот день прозвучит большой рог, и тогда придут те, кто погиб в земле Ассур, и те, кто являются отверженными в земле Египет, и они падут ниц перед Господом на святой горе в Иерусалиме".

И Иезекииль:[65] "Ты, сын человеческий, возьми себе одну деревянную палку и напиши на ней: "Для Иуды и для сынов Израилевых, товарищей его"; затем возьми другую палку и напиши на ней: "Для Иосифа, посоха Ефремова, и для всего дома Израилева, товарищей его": и соедини их, чтобы другой для тебя, как одна палка; и они станут одним целым в твоей руке".

Эти отрывки из пророчеств показывают, что во время основания второго содружества были точно известны новые дома десяти колен. После этого более пятисот лет история умалчивает об этом предмете. Из частых упоминаний в пророческих писаниях мы можем заключить, что предпринимались усилия по воссоединению Иудеи и колен Израиля, и представляется весьма вероятным, что они увенчались успехом, поскольку те из десяти колен, которые не переняли идолопоклоннические обычаи язычников, вернувшись вместе с изгнанниками из Иудеи. В Самаритянской книге Иисуса Навина говорится, что многие из колен Израилевых мигрировали на север Палестины в то время, когда Зоровавель и Ездра привели вереницу вавилонских изгнанников в Иерусалим.

В талмудической литературе мы иногда встречаем небольшие упоминания о десяти племенах, как, например, в заявлении Мар Сутры о том, что они отправились в Иберию, в то время синонимичную Испании, хотя раввин, вероятно, имел в виду северную Африку. В другом отрывке говорится, что вавилонские ученые решили, что никто не может сказать, происходил ли он от Рувима или от Симона, очевидно, исходя из предположения, что десять колен объединились с Иудой и Вениамином. Если они правы, если со времен Иеремии до сирийского господства медленный процесс ассимиляции включал рассеянные десять колен в вернувшийся остаток Иуды и Вениамина, тогда десять потерянных колен не существует, и мы имеем дело с мифом. Но этот вопрос все еще обсуждается. Пророки и раввины постоянно говорят о надежде на воссоединение. Песикта является первым авторитетным источником, определившим местонахождение дома изгнания десяти племен на Самбатиионе. Сохранился особенно интересный разговор о будущем десяти колен между двумя учеными докторами права, рабби Акибой и рабби Элиэзером. Рабби Элиэзер утверждает: "Вечный удалил десять колен с их земли и изгнал их в другую землю так же безвозвратно, как уходит этот день, чтобы никогда не вернуться". Раввин Акиба, восторженный националист, думает совсем по-другому: "Нет, день опускается и переходит в ночь только для того, чтобы снова подняться в обновленном блеске. Так десять племен, затерянных во тьме, вновь появятся в сияющем свете".

Вполне вероятно, что путешествия Акибы, простиравшиеся в Африку и предпринятые для восстановления независимости Иудеи, имели своей вспомогательной, неизвестной целью обнаружение десяти потерянных колен. "Темный континент" играл немалую роль в талмудических писаниях, особый интерес представляли их повествования об африканских приключениях Александра Македонского.[66] Говорят, что однажды мудрецы Африки предстали перед королем во всем теле и предложили ему золотые дары. Он отказался от них, желая только познакомиться с обычаями, уставами и законами этой страны. Поэтому они рассказали ему о судебном процессе, который в то время привлек большое внимание: мужчина купил поле у своего друга и соседа и, копая его, нашел сокровище, которое он отказался оставить себе, поскольку считал его собственностью первоначального владельца поля. Последний утверждал, что он продал землю и все, что находится на ней и в пределах нее, и, следовательно, не имел никаких прав на сокровище. Знатоки закона положили конец спору решением, согласно которому сын одного участника должен был взять в жены дочь другого, и это сокровище должно было стать их брачной долей. Александр был очень удивлен этим решением. "С нами, - сказал

он, - правительство убило бы участников тяжбы и конфисковало бы сокровища". Тогда один из мудрецов воскликнул: "Светит ли солнце в вашей стране? Есть ли у вас там, где вы живете, бессловесные звери? Если это так, то, несомненно, именно для них Бог ниспосылает дождь и позволяет солнцу светить!"

В библейской литературе также часто упоминается Африка. Первым исследователем "Темного континента" был патриарх Авраам, который отправился из Халдейского Ура через Месопотамию, через пустыни и горы Азии в Зоан, столицу древнего Египта. Когда Моисей бежал от фараона, он нашел убежище, согласно талмудической легенде, в Судане, где он стал правителем страны на сорок лет, а позже Египет стал убежищем для большего числа еврейских повстанцев и беглецов. Еще во времена правления царя Соломона корабли, груженные серебром, отправлялись в Африку, и еврейские моряки частично обслуживали финикийские суда, отправленные к берегам Красного моря для погрузки золотого песка Африки, обычное название которого на иврите было *Офир*, что означает золотой песок. В Талмуде об Африке обычно говорят как о "Юге", поскольку она расположена к югу от Палестины. Одна из его пословиц гласит: "Тот, кто хочет быть мудрым, должен идти на Юг". История Александра Македонского и африканских юристов, вероятно, является образцом восхваляемой мудрости. Знатоки Талмуда также не были невежественны в отношении физических особенностей страны. Один насмешник спросил: "Почему у африканцев такие широкие ступни". "Потому что они живут на болотистой почве и должны ходить босиком", - был готовый ответ, данный Гиллелем Великим.

В ходе дискуссии о внешнем виде херувимов Акиба отметил, что в Африке маленького ребенка называют "херувимом". Отсюда он сделал вывод, что лица херувимов напоминали лица маленьких детей. Во время его путешествий по Африке к тому же раввину обратился могущественный негритянский король: "Смотрите, я черный, и моя жена черная. Как так получилось, что мои дети белые?" Акиба спросил его, есть ли картины в его дворце. "Да, - ответил монарх, - моя спальня украшена изображениями белых людей". "Это решает загадку", - сказал Акиба. Очевидно, цивилизация пустила корни в Африке более полутора тысяч лет назад.

Возвращаясь к затерянным племенам: ни одна земля на земном шаре не считалась слишком маленькой или слишком отдаленной для их убежища. Первой страной, предложившей о себе, была ближайшая к Палестине Аравия, мост между Азией и Африкой. В первые века нашей эры там процветали два великих царства, Ясриб и Чайбар, и вполне вероятно, что евреи постоянно эмигрировали туда. Еще во времена Александра Македонского тысячи людей были переселены в Аравию, особенно в Йемен, где целые племена приняли еврейскую веру. Недавние исследования познакомили нас с царством Табба (500 г.) и химьяритами. Их надписи и королевские памятники древнего афроеврейского населения доказывают, что еврейские иммигранты, должно быть, были многочисленны здесь, как и в южной Аравии. Когда Мухаммед развернул знамя Пророка и начал свое шествие по пустыне, его последователи насчитывали немало евреев. В таком же количестве они распространились в северной Африке, где к концу первого тысячелетия христианской эры они могли похвастаться большими общинами и сыграли заметную роль в еврейской литературе, о чем свидетельствует важный вклад в еврейское право, грамматику, поэзию и медицину таких людей, как Исаак Израэль, Чананель, Якоб бен Ниссим, Дунаш бен Лабрат, Иегуда Чайюг, а позже Исаак Альфасси. Когда эта североафриканская еврейская литература находилась в зените своего расцвета, возродился интерес к местонахождению десяти колен, и первые упоминания о них появились в последней

четверти девятого века. Однажды в академии в Кайруане появился искатель приключений, называющий себя Эльдадом и представляющий себя членом племени Дан. Изумленным раввинам он рассказывал удивительные истории о своих собственных приключениях, которые читались как еврейская одиссея, и о независимом правительстве, созданном евреями в Африке, участником которого он утверждал. На его границах, сообщил он, живут певцы-левиты, потомки Моисея, которые во времена вавилонского плена развешивали свои арфы на ивах, отказываясь петь песни Сиона на чужой земле и желая скорее пожертвовать конечностями и жизнью, чем уступить настойчивости своих угнетателей. Облако окутало их и подняло ввысь, унося в страну Чавила (Эфиопия). Чтобы защитить их от врагов, их убежище в мгновение ока было окружено знаменитым Самбатием, потоком, состоящим не из воды, а из быстро вращающихся камней и песка, бурно текущим в течение шести дней и отдыхающим в субботу, когда страна была защищена от иностранного вторжения густым облаком пыли. Со своими соседями сыны Моисея вступают в сношения только с берегов ручья, перейти который невозможно.^[67]

Этот умный парень, много путешествовавший и знавший людей и обычаи, рассказал также о кораблекрушении, которое пережил, и о своем чудесном спасении от каннибалов, которые сожрали его товарищей, но, сочтя его слишком худым на их вкус, бросили его в темницу. Читателю невольно напрашивается на ум "Одиссея" Гомера. В Испании мы теряем след необычного авантюриста, который, должно быть, произвел немалое волнение в еврейском мире своего времени.

Поиски десяти племен теперь вновь стали предметом постоянного интереса. В надежде на исполнение библейского обетования: "Скипетр не отойдет от Иуды, и законодатель не отойдет от его ног, пока он не придет в Силом", даже самый известный еврейский путешественник средневековья, Вениамин из Туделы, не побрезговал пройти по "следам спасения". Интерес не угас и в нашем поколении. Всякий раз, когда мы слышим о еврейской общине, чье поселение в собственном доме окутано тайной, мы сразу же пытаемся установить ее связь с десятью потерянными племенами. Они были размещены в Армении, Сирии и Месопотамии, где христиане-несториане, называющие себя сынами Израиля, живут числом в двести тысяч человек, соблюдая законы питания и субботу и принося жертвы. Их искали в Афганистане, Индии и Западной Азии, на земле "Бени Исраэль", с еврейскими чертами лица, еврейскими именами, такими как Соломон, Давид и Вениамин, и еврейскими законами, такими как закон о левиратном браке. Одна цепь холмов в их стране носит название "Горы Соломона", другая - "Цепь Амрама", а самое воинственное племя называется Эфраим, в то время как главный принцип их закона - "око за око, зуб за зуб". Поиски пропавших продвинулись еще дальше, к побережью Китая, в поселения Кочин и Малабар, где белые и черные евреи пишут свой закон на свитках из красной козьей кожи.

На западе поиски достигли Америки: Манассия бен Исраэль и Мордехай Ной, последний из которых надеялся основать еврейское содружество на Арарате близ Буффало в начале этого столетия, полагали, что они обнаружили следы исчезнувших племен среди индейцев. Испанцы в Мексике отождествляли их с краснокожими жителями Анауака и Юкатана - теория, подсказанная, вероятно, сходством между еврейским и индийским орлиным носом. Эти потенциальные этнологи, очевидно, не принимали во внимание монгольское происхождение индейских племен и их доисторическую миграцию из Азии в Америку через Берингов пролив.

Европа не избежала обвинения в том, что она была убежищем потерянных племен. Когда Альфонсо XI. изгнанные сарацинами из Толедо, евреи города попросили разрешения остаться под предлогом того, что они были потомками не убийц Иисуса, а тех десяти колен, которых Навуходоносор послал в Фарсис в качестве колонистов. Ходатайство было удовлетворено, и их объяснение было помещено в королевский архив в Толедо.

Англичане проявили всепоглощающий интерес к судьбе исчезнувших племен, поддерживая самыми изощренными аргументами их идентичность с жителями Скандинавии и Англии. У англичан всегда были сильные библейские предубеждения. По сей день они живут в Библии, и им льстит гипотеза о том, что англосаксы и родственные племена, перешедшие в Британию под предводительством Хенгиста и Хорсы в пятом веке, были прямыми потомками Авраама, само их имя *Саккасуна*, то есть сыновья Исаака, подтверждает истинность этой теории. Радикальная ложность этой этимологии очевидна. Суть их аргументации заключается в том, что колено Дана поселилось у истоков Иордана, став морским членом израильской конфедерации, и вызвало у Деборы упрек в том, что сыновья Дана оставались на кораблях, когда земля нуждалась в защитниках. А теперь начинается самая экстравагантная из причуд этимологического рассуждения: он предполагает связь между Даном, Дуная, Данаи и датчанами и таким образом устанавливает происхождение английской нации от колен Израилевых.

В третьем десятилетии нашего века, когда был найден обелиск Салманасара с надписью "Дань уважения Иегу, сыну Омри", английские исследователи, стремясь связать его с Кимврийским Херсонесом в Ютландии, сразу приняли его за "Йеху ибн Умри". Ирландская легенда гласит, что принцесса Тефи приехала в Ирландию с Востока и вышла замуж за короля Шотландии Херемона, или Фергуса. В ее свите были пророк Оллам Фолла и его писец Берег. Принцесса была дочерью Седекии, пророка не кого иного, как Иеремии, а писцом, как само собой разумеющееся, был Барух. Полезность этой тонкой аналогии становится очевидной, когда мы вспоминаем, что королева Виктория может похвастаться происхождением от Фергуса Шотландского и, таким образом, обладает родословной, которая оправдывала бы гордость, если бы основывалась на фактах, а не на фантазии. С другой стороны, представьте себе ужас Генриха фон Трейчке, саксонца *по преимуществу*, если бы было доказано, что он сын десяти потерянных племен!

"Спасение - от евреев!" - таков девиз значительного движения, связанного с потерянными племенами в Англии и Америке. Более тридцати еженедельных и ежемесячных журналов раздражаются красноречием в пропаганде новой доктрины, а лекторы и общества поддерживают к ней живой интерес. Апостольский сторонник израильского происхождения британцев недавно объявился в лице епископа, и идентичность древних и современных людей была возведена в ранг догмы христианской церкви сектой, которая, согласно недавнему высказыванию проповедника из Индианаполиса, считает близким наступление Судного дня. И все же десять потерянных племен могут оказаться мифом!

Одно кажется несомненным: если разрозненные остатки действительно существуют тут и там, их следует искать в Африке, причем в той части, которая наиболее доступна путешественникам, то есть в Абиссинии, расположенной в центральной части огромного, высокого плоскогорья восточной Африки между бассейном Нила и берегами Красного и Аравийского морей — огромном, скалистом, похожем на крепость плато, тесно пересеченном сетью русел рек, Африканской Швейцарией, как многие изволят ее называть. Александр Македонский

колонизировал многие тысячи евреев в Египте, на южном и северном побережьях Средиземного моря и в юго-восточной Африке. Оттуда они проникли в глубь Абиссинии, где основали могущественное королевство, простиравшееся до реки Собат. В абиссинских легендах есть другая версия истории этого королевства. Говорят, что царица Савская родила царю Соломону сына по имени Менелек, которого он отправил в Абиссинию с многочисленной свитой, чтобы основать независимое царство. Фактически, иудаизм, по-видимому, был доминирующей религией в Абиссинии до 340 года христианской эры, и *Голах Куша* (изгнанники в Абиссинии) часто упоминается в средневековой еврейской литературе.

Еврейское царство процветало до тех пор, пока в девятом веке не вспыхнула великая революция при царице Юдифи (Cage), которая завоевала Аксум и правила Абиссинией в течение сорока лет. Еврейское возвышение продолжалось триста пятьдесят лет. Руппель, [68] известный исследователь Африки, приводит имена еврейских династий с девятого по тринадцатый век. В войнах последнего и следующего столетий евреи потеряли свое царство, сохранив только провинцию Семен, охраняемую неприступными горами. Бенджамин из Туделы описывает его как "страну, полную гор, на скалистых вершинах которых они воздвигли свои города и замки, независимо властвуя над смертельным ужасом своих соседей". Бои, преследования и изгнания продолжались до конца восемнадцатого века. Воцарилась анархия, сокрушившая Гедеона и Юдифь, последних представителей еврейской династии, и оказавшаяся столь же фатальной для христианской империи, чей Негус Теодор также вел свое происхождение от Соломона. Итак, после тысячи лет взаимной вражды две древние местные династии, претендовавшие на происхождение от Давида и Соломона, погибли вместе, но память о еврейских князьях не угасла на этой земле.

Абиссинских евреев называют фалашами, изгнанниками. [69] Они живут уединенно в провинции к западу от Такадзе, и некоторые путешественники оценивают их численность в двести пятьдесят тысяч человек, в то время как мой друг доктор Эдвард Глейзер считает, что их всего двадцать пять тысяч. В унылых пустошах, населенных этими людьми, немецкие и английские миссионеры нашли свой способ распространять среди них благословения христианства. О чистоте этих благословений можно судить по именам миссионеров: Флэд, Шиллер, Брандейс, Стерн и Розенбаум.

Информация о страданиях фалашей проникла в Европу и побудила *Всемирный израильский альянс* направить еврейского посланника в Абиссинию. Выбор пал на Джозефа Халеви, профессора восточных языков в Париже, одного из самых основательных еврейских ученых, никто не мог быть лучше подготовлен для этой миссии, чем он. Это был незабываемый момент, когда Халеви, вернувшись из своего великого путешествия в Абиссинию, обратился к собранию *Альянса* 30 июля 1868 г. со следующей речью: [70] "Древняя земля Эфиопия наконец раскрыла тайну, касающуюся народа, о котором мы до сих пор не знали ничего, кроме названия. Несмотря на самые разнообразные судьбы, они цеплялись за Закон, провозглашенный на Синае, и постоянные невзгоды не лишили их жизненных сил, которые позволяют нациям удовлетворять лучшие требования современного общества".

Неблагоприятные обстоятельства лишили Халеви значительной части материалов, собранных во время его поездки. Того, что он спас и опубликовал, достаточно, чтобы дать нам более подробный и точный отчет о фалашах, чем мы располагали до сих пор. Он сообщает, что они обращают свои молитвы к единому Богу, Богу Авраама, Исаака и Иакова; что они чувствуют

гордость за принадлежность к древнему, но вечно молодому племени, которое оказывало доминирующее влияние на судьбы людей; что любовь к Святой Земле наполняет их сердца; и что память о славном прошлом Израиля является их духовной опорой. Одним из догматов их веры является восстановление еврейской национальности.

Фалаши говорят на двух языках - местном, амхарском, ветви древнего гизского, и агау, еще не классифицированном диалекте. Их имена в основном библейские. Хотя в одежде они похожи на своих соседей, между их манерами и обычаями и обычаями других жителей страны существует огромная разница. Среди ленивых, распущенных людей они отличаются простотой, трудолюбием и честностью. Их дома по большей части расположены рядом с проточной водой; отсюда и их чистоплотные привычки. Во главе каждой деревни находится синагога под названием *Месгид*, в Святая святых которой в День Искупления может войти только священник, в то время как люди молятся во дворе снаружи. Рядом с синагогой живут монахи (*Несирим*). Священники приносят жертвы, как и в древние времена, ежедневно, за исключением Дня Искупления, самым важным из которых является заупокойная жизнь умерших. На пространстве, окружающем синагогу, стоят дома священников, которые, помимо своих религиозных функций, выполняют обязанности учителей молодежи. Фалаши хорошо знакомы с Библией, но совершенно не знают еврейского языка. Их ритуал был опубликован Джозефом Халеви, который добавил перевод на иврит, демонстрирующий его почти идеальную идентичность традиционной форме еврейской молитвы. Об их религиозных упражнениях Халеви говорит: "Из святых пределов молитвы верующих возносятся к небесам. Начиная с полуночи, мы слышим ясную, ритмичную, меланхоличную интонацию регента, на которую прихожане отвечают монотонным речитативом. Восхваление Вечного, спасение Израиля, любовь к Сиону, надежда на счастливое будущее для всего человечества — все это составляет основу их молитв, вызывающих вздохи и слезы, восклицания надежды и радости. Рассвет по-прежнему застает верующих в сборе, и каждый вечер, когда солнце опускается на покой, их громкая молитва (начинающаяся со слов *Авва! Авва! Господи! Господи!*) дважды будит эхо".^[71]

В их ухоженных домах хозяйничают прилежные и скромные женщины. Полигамия неизвестна. Здесь есть земледельцы и ремесленники, представители всех ремесел: кузнецы, портные, гончары, ткачи и строители. Коммерция не в почете, торговля рабами вызывает особое отвращение. Их законы разрешают содержать раба только шесть лет. Если по истечении этого срока он примет их религию, он свободен. Это храбрые воины, тысячи из них сражались в армии Негуса Теодора.

Следует признать, что интеллектуально они неразвиты. У них есть своего рода мидраш, который, по-видимому, передавался из поколения в поколение из уст в уста. Несчастья, которые они пережили, предрасполагали их к мистицизму, и маги и прорицатели многочисленны и активны среди них. Но они жаждут информации.

Король Теодор защищал их, пока миссионеры не настроили его против фалашей. В 1868 году он созвал делегацию их старейшин и приказал им принять христианство. Получив их отказ, король приказал своим солдатам открыть огонь по мятежникам. Сотни голов поднялись, и мужчины, обнажив грудь, закричали: "Бей, о наш король, но проси нас не лжесвидетельствовать". Восхищенный их бесстрашием, король осыпал депутатов подарками и отпустил их с миром.

Миссионеры — Европа еще не знает, как часто путь этих благочестивых людей отмечен слезами и кровью, — должны быть признаны виновными во многих горьких испытаниях фалашей. В

шестидесятые им удалось возбудить мессианские ожидания. Внезапно из района в район распространилась весть о приближении Мессии, который поведет Израиль обратно в Палестину. Трогательное письмо, адресованное старейшинами фалашей представителям еврейской общины Иерусалима, до которых оно так и не дошло, было найдено одним путешественником и заслуживает того, чтобы его процитировали:

"Разве еще не пришло время, когда мы должны вернуться в Святую Землю и Святой Город? Ибо мы бедны и несчастны. У нас нет ни судей, ни пророков. Если время пришло, мы молим тебя ниспослать нам радостную весть. Нас охватил большой страх, что мы можем упустить возможность вернуться. Многие говорят, что настало время нам воссоединиться с вами в Святом Городе, принести жертвы в Храме нашей Святой Земли. Ради любви, которую мы питаем к вам, отправьте нам сообщение. Мир вам и всем живущим на земле, данной Господом Моисею на Синае!"

Преисполненные надежды на искупление, многие фалаши во главе с почтенными стариками, держащими высоко знамена и поющими благочестивые песни, в это время покинули свои дома. Не зная дороги, по которой им предстояло идти, они повернули свои лица на восток, надеясь достичь берегов Красного моря. Расстояние было больше, чем они могли преодолеть. В Аксуме они остановились инвалидами, и через три года последний человек умер от горя и лишений.

Бедственное положение фалашей крайне велико, но они считают это приятным облегчением, если миссионеры не смущают их зрение. В то время, когда внимание цивилизованного мира приковано к Африке, европейские евреи не должны испытывать недостатка в заботе о своих несчастных братьях по вере на "Темном континенте". Множество причин рекомендовать их нашей любящей доброте. Они евреи — они скорее перенесут тысячу смертей, чем откажутся от завета, заключенного на Синае. Им не повезло; со времен гражданской войны они жестоко страдали от всевозможных преследований. Среди них преобладают мистицизм и невежество — у всей общины есть единственный экземпляр Пятикнижия. Наконец, они проявляют горячее стремление к духовному возрождению. Когда Халеви прощался с ними, красивый юноша бросился к его ногам и сказал: "Мой господин, возьми меня с собой в страну франков. Я с радостью перенесу трудности путешествия. Я не хочу ни серебра, ни золота — все, чего я жажду, - это знаний!" Халеви привез молодого фалаша в Париж, и он показал себя неутомимым учеником, который приобрел богатый багаж знаний перед своей ранней смертью.

Несмотря на налет африканского варварства, это маленькое еврейское племя на берегах знаменитого легендами Саббатского ручья выжило, сохранив еврейскую жизнеспособность и незапятнанную чистоту. С тоской фалаши ожидают будущего, когда им будет разрешено присоединиться к советам своих братьев-израильтян во всех частях земного шара и исповедовать в унисон с ними и всеми искупленными, просветленными людьми, что "Господь един, и имя Его едино".

Непоколебимость их веры налагает на нас обязанность принести им искупление. Мы должны освободить для них не только Иерусалим, но и весь мир, чтобы они могли признать, как признаем это мы, вечную истину, проповедуемую пророком и превозносимую псалмопевцами, что в радостный день, когда будет признано единство Бога, все народы земли объединятся ради любви и мира.

Непредубежденный исследователь еврейской истории, в которой фалаши составляют очень маленькую главу, не может не отметить с благоговением силу и святость ее гения. Раса, вера, исповедание - все не имеет себе равных. Все в этом чудесно — от Авраама в Уре Халдейском, сокрушающего идолов своего отца и провозглашающего единство Бога, до Моисея, преподающего благоговейному человечеству высочайшие этические уроки среди грома и пламени Синая; до героев и провидцев, чьи лучезарные видения являются утешением человечества; до сладкозвучных певцов Израиля, превозносящих человеческие добродетели в гимнах и песнях; до героев-Маккавеев, борющихся за то, чтобы сбросить сирийское иго; до почтенных раввинов, защищающихся от сиреневых нот эллинизма; великодушным бардам и глубоким мыслителям Андалусии. Гений еврейской истории никогда не пребывает в покое. С края дикой природы он распространяется на земли цивилизации, где тысячи мучеников скрепляют признание единства Бога со смертью на пылающих кострах; дальше, сквозь слезы и кровь, по народам, по тронам, пока солнце культуры, поднявшееся в зенит, не посылает свои лучи даже в темное гетто, где разыгрывается драма, меланхоличная, любопытная, последний акт которой разыгрывается у нас на глазах. Ветка за веткой отваливаются от потрепанного временем и непогодой ствола. Земля густо усыпана сухими листьями. Жизненная сила, которая сопротивлялась дождю и буре, кажется, подорвана солнечным светом. И все же нам не нужно отчаиваться. Гений еврейской истории может предложить бальзам утешения. Он предлагает нам прочесть в старых документах о духовной борьбе Израиля и обращает наше внимание, в частности, на притчу из Мидраша, написанную тогда, когда потребность в ее рассказе была столь же острой, как и сегодня: по лесу проезжала повозка, нагруженная блестящими топорами. С деревьев донеслись жалобные крики: "Горе, горе, нам некуда деться, мы обречены на быструю гибель". Одиноким дуб, возвышающийся высоко над другими деревьями, стоял спокойно и неподвижно. Многие весны украшали его ветки нежной, сочной зеленью. Наконец он заговорил; все замолкают и почтительно слушают: "Располагайтесь с миром. Все топоры в мире не смогут причинить вам вреда, если вы не снабдите их рукоятками".

Таким образом, любое оружие, изготовленное с расчетом нанести ущерб древу иудаизма, будет бесполезным, если только его сыновья и приверженцы сами не возьмутся за рукоять. В этой мысли есть утешение. Даже в печальные дни это питает надежду на то, что придет время, о котором говорил пророк, когда "все дети твои будут учениками Господа; и велик будет мир детей твоих".

ЕВРЕЙСКИЙ КОРОЛЬ В ПОЛЬШЕ

Существует легенда о том, что в Польше когда-то правил еврейский царь. Она никогда не приходит мне в голову без того, чтобы одновременно не вызвать в воображении две фигуры. Одна из них - очаровательное создание фантазии гетто, старая Малко "с отважным сердцем" в "*Менделе Гибборе*" Аарона Бернштейна, которая представляется с гордым хвастовством: *Вир сеннен фон кениглихайн Геблют* ("Мы королевского происхождения"). Другой - менее идеальный, менее привлекательный еврей, которого я подслушал в Казимире, еврейском квартале Кракова, в ссоре с другим евреем. Этот вопрос, по-видимому, представлял жизненный интерес для спорщиков. Один утверждал, другой столь же энергично отрицал и, наконец, заставил своего оппонента замолчать презрительным аргументом: "Ну, и если это произойдет, то продлится ровно столько, сколько *Малхус* (правление) Саула Вала".

Легенда всегда была спутницей истории. Для каждой эпохи создается типичная фигура, в которой фиксируются, для информации будущих времен, мимолетные, едва уловимые эмоции, а также постоянные эффекты, вызванные историческими событиями, и в этом заключается ценность легендарных преданий для отслеживания развития и характеристик народа. В то же время его волшебные чары соединяют звенья в цепи поколений.

Чтобы легенду о Соле Вале узнали и оценили по достоинству, сначала нужно рассказать так, как она существует, затем проследить ее последовательные этапы, отделить ее историческое ядро от наслоений создателей легенд, открыть Саула, человека из плоти и крови, и извлечь этические уроки, которые она должна преподать.

В 1734 году, более чем через столетие после предполагаемого правления Саула, его правнук, раввин Пинхас, проживавший последовательно в Лейтнике, Босковице, Валлерстайне, Шварцбурге, Марктбрейте и Анспахе, рассказал историю своего предка: "Сыном раввина Самуила Иуды был великий Саул Валь блаженной памяти. Все сведущие в таких вопросах хорошо знают, что ему дали фамилию *Валь* (выбор), потому что он был избран королем Польши единогласным голосованием знатных выборщиков страны. Мой отец и учитель, блаженной памяти, сказал мне, что выбор пал на него следующим образом: Сол Валь был любимцем польской знати и высоко ценился за свою проницательность и способности. Король Польши умер. Теперь для знати Польши стало обычным собираться для избрания нового короля в определенный день, когда было необходимо принять обоснованное решение. Когда наступил день, оказалось, что среди выборщиков преобладают многие мнения, которые не могли быть согласованы. Наступил вечер, и они осознали невозможность избрания короля в назначенный законом день. Не желая нарушать свои собственные правила, знать согласилась провозгласить Саула Вала королем на остаток того дня и следующую ночь и, таким образом, соответствовать букве закона. Так оно и было. Все немедленно воздали ему почести, восклицая на своем родном языке: "Да здравствует наш господь и царь!" Саул, осыпанный царскими почестями, правил в ту ночь. Я слышал от своего отца, что они передали ему на хранение все документы из королевских архивов, к которым каждый король может добавить те повеления, которые он перечислит, и Валь подписал множество важных законов и декретов, благоприятных для евреев. Мой отец знал некоторые из них; одна заключалась в том, что убийца еврея, как и убийца дворянина, должен был понести смертную казнь. Жизнь должна была быть отнята за жизнь, и никакого выкупа не допускалось — закон, который в Польше применялся только к христианам из знати. На следующий день выборщики пришли к соглашению и выбрали правителя Польши.— Чтобы этот вопрос запомнился, я не премину изложить причины, по которым Сол Вал пользовался таким уважением среди польской знати, что тем более примечательно, что его отец, раввин Самуэль Джуда, был раввином сначала в Падуе, а затем в Венеции, и поэтому жил в Италии. Мой отец рассказал мне, как это произошло. В юности, еще при жизни своего отца, Сол Вал загорелся желанием путешествовать по чужим краям. Он покинул свой отцовский дом в Падуе и, путешествуя из города в город, из страны в страну, наконец добрался до Бжеска в Литве. Там он женился на дочери Дэвида Друкера, и, поскольку его гроши были невелики, он вел весьма жалкую жизнь.

В это время случилось так, что знаменитый, богатый князь Радзивилл, любимец короля, предпринял большое путешествие, чтобы увидеть новые земли, как это принято у дворян. Они путешествуют повсюду, чтобы познакомиться с различными модами и правительствами. Итак, этот принц путешествовал в большом состоянии из страны в страну, пока его кошелек не

опустел. Он не знал, что делать, потому что не хотел сообщать о своем бедственном положении знати страны, в которой ему довелось оказаться; более того, он не хотел, чтобы они знали, кто он такой. Теперь он случайно оказался в Падуе и решил открыться раввину, сказать ему, что он великий дворянин польской земли, и занять немного денег, чтобы удовлетворить свою насущную нужду. Такова манера польских дворян. Они позволяют проникательным и здравомыслящим евреям сближаться с ними, чтобы те могли брать у них займы, при этом раввины пользуются особенно большим уважением у князей и лордов Польши. Так получилось, что вышеупомянутый князь Радзивилл разыскал раввина Самуила Иуду и раскрыл его личность, в то же время обнаружив ему острую нужду в деньгах. Раввин одолжил ему запрошенную сумму, и принц сказал: "Как я могу отплатить тебе добром за добро?" Раввин ответил: "Сначала я прошу тебя быть добрым с евреями, находящимися в твоей власти, а затем сделать то добро, которое ты хотел бы показать моему сыну Саулу, который живет в Бжеске". Принц записал имя и место жительства сына раввина и, прибыв в его дом, послал за ним. Он предстал перед принцем, который нашел его настолько мудрым и сообразительным, что всячески привязал еврея к своей особе, предоставил ему множество доказательств своего расположения, раструбил ему дифирамбы в уши всей знати и возвысил его до высокого положения. Он был настолько любимцем всех лордов, что в день, когда должен был быть избран король, и пэры не могли прийти к согласию, чтобы день не прошел без назначения правителя, они единогласно решили наделить Саула королевской властью, назвав его Саул Вал, чтобы указать, что он был *выбран* королем.— Все это рассказал мне мой отец, а также те новые сведения, которые я почерпнул из другого источника, я не премину изложить в другой главе".

Более того, я слышал это от моего благочестивого отца, когда в 1734 году он лежал больной в Фюрте, где много врачей. Я поехал из Марктбрайта в Фюрт и пробыл у него три недели. Когда я остался с ним наедине, он продиктовал мне свою волю, а затем тихо сказал: "Это я скажу вам, чтобы вы, возможно, знали, что случилось с нашим предком Саулом Валем: после того, как знать избрала короля Польши, и наш предок стал великим в глазах евреев, он, к сожалению, стал надменным. У него была прекрасная дочь Генделе, известная на всю Польшу своим остроумием и красотой. Многие искали на ней руки, и среди ее поклонников был молодой талмудист, сын одного из самых знаменитых раввинов. (Мой отец не упоминал этого имени, то ли потому, что не знал, то ли потому, что не хотел его произносить, а может быть, он его забыл.) Сам великий раввин приехал в Бжеск со своим ученым сыном, чтобы подать иск. Они оба обратились к главному старейшине общины. Но гордость нашего предка была чрезмерной. В глубине души он считал себя величайшим, а свою дочь лучшей в стране, и он сказал, что его дочь должна выйти замуж за кого-то более возвышенного, чем этот поклонник. Таким образом он выказал свое презрение к мудрецу, почитаемому в Израиле, и к его сыну, и эти двое были жестоко оскорблены такой невежливостью. Еврейская община долгое время роптала на нашего предка Сола Вала, и было решено загладить его недоброжелательность. Один из самых уважаемых людей в городе отдал свою дочь в жены молодому талмудисту, и с того дня у нашего предка появились враги среди его народа, которые постоянно стремились причинить ему вред. Случилось в то время, что жена короля, которого выбрала знать, умерла, и несколько евреев из Бжеска, пользующихся благосклонностью сильных мира сего, чтобы наказать Саула Вала, ходили среди знати, восхваляя его дочь за ее исключительную красоту и ум и называя ее самой достойной носить королевскую корону. Один из принцев, благосклонно настроенный к Солу Валу, выдал их злой заговор, и он был сорван". ""[72]

Бесхитростный рассказ раввина Пинхаса, очаровательный в своей простой прямоте, заканчивается задумчиво: "Тот, кто не видел целое поколение, Саула Вала среди его сыновей, зятьев и внуков, не смог увидеть союза Закона с мирской славой, богатства с честью и княжеской прямоотой. Пусть Господь Бог благословит нас, позволив нам так радоваться нашим детям и детям детей!"

Другие раввины того времени оставили нам версии легенды о Сауле Вале. Они сообщают, что он основал *Бет ха-Мидраш* (колледж еврейских исследований) и небольшую синагогу, оставив их вместе с многочисленными завещаниями общине, в которой он жил, с условием, что президентство колледжа будет передаваться по наследству в его семье. Некоторые добавляют, что они видели в Бжеске принадлежащую ему золотую цепь, его герб, украшенный львом Иуды, и каменную табличку, на которой был высечен отчет о его достойных подвигах. Цепь, щит и камень исчезли и были забыты, сохранилась только легенда.

* *

*

Итак, что же говорит история?

Несомненно, в этой легенде скрыто историческое зерно. Ни в польских хрониках тех дней, ни в еврейских трудах не упоминается о еврейском короле Польши; но из некоторых событий можно почерпнуть намеки, достаточные для того, чтобы мы могли установить лежащую в основе истину. Когда умер Стефан Батори, Польша оказалась в тяжелом положении. Со всех сторон появились претенденты на трон. Самым могущественным претендентом был эрцгерцог Максимилиан Австрийский, который полагался на свое золото и хорошо известную симпатию Польши к Австрии, чтобы получить трон. Следующим шел герцог Феррарский, подкрепленный огромной армией и благосклонностью царя, а затем, во главе с наследным принцем Швеции, толпа менее могущественных претендентов, настолько разношерстная, что польский дворянин справедливо воскликнул: "Если вы думаете, что кто-то достоин носить корону польши на своей голове, я назначу королем своего кучера!" Великая Польша поддерживала дело Швеции, Малая Польша поддерживала Австрию, а литовцы выполняли волю царя. Однако на самом деле избрание короля стало поводом для обострения конфликта между двумя доминирующими семьями Замойских и Зборовских.

Выборы должны были состояться 18 августа 1587 года. Вооруженные до зубов избиратели явились в место, назначенное для выборов, - укрепленный лагерь на Висле, на другом берегу которого стояли депутаты претендентов. Приближалась ночь, и возможность примирения сторон казалась такой же отдаленной, как и всегда. Христофор Радзивилл, "кастелян" королевства, пытаясь заключить мир между фракциями, украдкой пробирался из лагеря в лагерь, но вечер переходил в ночь, а знаменитый предвыборный клич "*Згода!*" все еще звучал. (Согласовано!), не было услышано.

Согласно легенде, это ночь кратковременного правления Сола Вала. Говорят, что он был агентом, нанятым князем Радзивиллом, и когда курфюрстов не удалось склонить к соглашению, князю пришлось в голову предложить Саула в качестве компромиссного короля. Обе фракции приветствовали это предложение криками "Да здравствует царь Саул!", и в этом суть легенды, которая с поразительным упорством сохранилась до нашего поколения. Для подтверждения исторической правды этого эпизода у нас есть три свидетеля. Главный - принц Николай

Христофор Радзивилл, герцог Олики и Несвиша, сын основателя этого все еще процветающего рода князей. Его отец оставил католическую церковь и присоединился к протестантам, но сам он вернулся в католицизм и прославился своим паломничеством в Иерусалим, описанным как на польском, так и на латыни в труде *Peregrinatio Hierosolymitana*. Кроме того, он предложил 5000 дукатов за покупку сохранившихся экземпляров протестантской "Библии Радзивилла", изданной его отцом, намереваясь уничтожить их. На обратном пути из Святой Земли на него напали разбойники в Пескаре, а в Анконе в Вербное воскресенье, по его собственному рассказу, он оказался без средств. Он обратился к папскому губернатору, но его рассказ был встречен с недоверием. Затем он обратился к еврейскому торговцу, предложив ему в качестве залога золотую шкатулку, сделанную из добытого в Палестине куска святого креста, окруженную бриллиантами и украшенную сверху *Agnus dei*. Еврей дал вперед сто крон, которых как раз хватило на оплату его жилья и слуг. Нуждаясь, как и прежде, он снова обратился к еврею, который дал ему еще сто крон, на этот раз не требуя залога, поскольку, взглянув на его папский паспорт, убедился в личности принца.^[73]

Это отчет Радзивилла в его маршруте. Насколько это возможно, она имеет поразительное сходство с повествованием раввина Пинхаса из Анспаха и приводит к определенному выводу, что легенда опирается на исторический субстрат. Один критик справедливо заметил, что самая яркая фантазия не смогла бы спустя сто тридцать один год после их появления выдумать в Анспахе историю о приключениях польского магната в Италии. Опять же, крайне маловероятно, что правнук Саула Вала читал латинскую книгу князя Радзивилла, подробно рассказывая о своем опыте современникам.

Есть и другие свидетели, которые отстаивают истинность нашей легенды. Упомянутые ранее раввины рассказывали о положении Саула, его силе и великолепии его жизни. Отрицательные признаки, это правда, существуют, что противоречит исторической ценности легенды. В польской истории нет ни слова о эфемерном короле. На самом деле, не было назначенного дня для заседания избирательного сейма. Более того, критики могли бы сослаться на вероятность его правильности из-за скромного положения евреев и низкого уважения, которым Радзивиллы пользовались тогда среди польской знати. Но сомнительно, достаточно ли убедительны эти аргументы, чтобы лишить легенду о Соле Вале всякого подобия правды. Польские историки вряд ли справедливы, игнорируя эту историю. Хотя оказалось, что это была дикая шутка, у нее есть некоторое историческое обоснование. Подобные розыгрыши не редкость в польской истории. Читатели этой истории, вероятно, помнят *Республику Бабинскую*, то общество розыгрышей, которое составляло королевские хартии и выдавало дворянские патенты. Общество было основано польским дворянином в шестнадцатом веке, и его членство было открыто только для тех, кто отличался умом. Оно разыгрывало самые странные политические шутки, назначая расточителей управляющими поместьями, а самых сварливых - мировыми судьями. С такими наклонностями легко представить, как польские группировки, находящиеся в состоянии вражды друг с другом, объединяются, чтобы короновать еврея, самую безобидную из доступных замен настоящего короля.

Наш последний и самый убедительный свидетель, заслуживающий уважительного внимания самого строгого суда и самого проникательного генерального прокурора, — русский профессор Бершадский, автор бесценного труда по истории евреев Литвы. Он ручается, на самом деле, не за подлинность событий, рассказанных раввином Пинхасом, а за реальность самого Саула Вала. Профессор Бершадский извлек его из российских архивов, первым установив, что Сол

был человеком из плоти и крови.[74] Он воспроизводит документы неоспоримого авторитета, в которых сообщается, что Стефан Батори в 1578 году, на третьем году своего правления, передал соляную монополию на всю Польшу Савлу Юдичу, то есть Савлу еврею. Позже, после уплаты высокого залога, тот же еврей Саул стал сборщиком податей. В 1580 году его имя вместе с именами глав еврейской общины Бжеска фигурирует в судебном процессе, возбужденном для обоснования претензий евреев на четвертую часть всех муниципальных доходов. Он основывает свой иск на статуте великого герцога Витольда, и вердикт был благоприятным в его пользу. Это было время избрания преемника Батори, Сигизмунда III, и после его восшествия на престол Саул Юдич снова появляется на сцене. 11 февраля 1588 года король опубликовал следующее уведомление: "Некоторые из наших советников рекомендовали нашему вниманию тщательное ведение бизнеса Сауля Юдича из города Бжеск, который во многих случаях во время правления наших предшественников служил короне благодаря своему богатому опыту в вопросах, касающихся пошлин, налогов и различных поступлений, и способствовал финансовому процветанию королевства своими добросовестными усилиями". Теперь Саулу было поручено сроком на десять лет собирать налоги на мостовые, муку и бренди, заплатив за эту привилегию 150 000 золотых флоринов. Год спустя он был удостоен титула *sluga królewski*, "королевский чиновник", высокого звания в Польше того времени, о чем можно узнать из королевского указа о его присвоении: "Мы, король Польши, убедившись в редком рвении и выдающихся способностях Саула Юдича, настоящим предоставляем ему место среди наших королевских чиновников, и чтобы он мог быть уверен в нашем благоволении к нему, мы освобождаем его и его земли на всю оставшуюся жизнь от подчинения юрисдикции любого "кастеляна" или любого муниципального суда ". или любого суда в нашей стране, какого бы рода или ранга он ни был; так что, если его вызовут в суд любого судьи или округа по какому бы то ни было делу, будь то большое или малое, уголовное или гражданское, он не обязан являться и защищать себя. Его имущество не может быть конфисковано, его поместья не могут использоваться в качестве залога, и он сам не может быть ни арестован, ни содержаться в заключении. Его отказ предстать перед судьей или внести залог никоим образом не подлежит наказанию; на него не распространяется действие закона, распространяющегося на подобные случаи. Если против него будет выдвинуто обвинение, его обвинители, будь то наши подданные или иностранцы, любого ранга или призвания, должны апеллировать к нам, королю, и Саул Юдич будет с честью обязан предстать перед нами и защищать себя ".

Этот королевский патент был доведен до сведения всех князей, сеньоров, воевод, маршалов, "кастелянов", старост и низших должностных лиц в городе и деревне, а также губернаторов и дворов Польши. Имя Саула Юдича продолжает фигурировать в государственных документах. В 1593 году он выступает в защиту евреев Бжеска, которые желают иметь свою собственную юрисдикцию. В результате его заступничества Сигизмунд III. запрещает воеводам (мэрам) и их доверенным лицам вмешиваться в ссоры евреев, какого бы рода они ни были. Последнее упоминание имени Саула Юдича встречается в записях 1596 года, когда вместе со своими горожанами-христианами он ходатайствует о возобновлении старого права, предоставленного великим герцогом Витольдом, освобождающего импортные товары от пошлин.

Сол Валь, вероятно, дожил до восьмидесяти лет, скончавшись в 1622 году. Исследования историка подтвердили его существование вне всяких сомнений. Он доказал, что существовал человек по имени Сол Валь, и это примечательный факт в истории Польши и евреев в средние века.

★ ★
★

После истории критике есть что сказать. Легенда, как правило, основывается на аналогиях, на замечательных поступках, на примечательных событиях, на экстраординарных исторических явлениях. В рассматриваемом случае все эти первопричины объединены. Со времен Сигизмунда I положение евреев в Литве и Польше было благоприятным. Это считается их золотым периодом в Польше. В целом, польские евреи всегда находились в более благоприятном положении, чем их собратья по вере в других странах. В самом начале польской истории возникла легенда, похожая на ту, что связана с именем Сола Вала. После смерти Попеля в Крушвице собралось собрание, чтобы занять вакантный трон. Никакого соглашения достичь не удалось, и было принято решение провозгласить королем первого человека, который войдет в город на следующее утро. Соответственно, стражник, стоявший у ворот, привел к собранию бедного еврея Авраама с фамилией Порошковщик (*Проховник*), которую он получил от своего бизнеса по импорту пороха. Его встретили громким ликованием и назначили королем. Но он отказался от короны и настаивал на ее принятии, в конце концов попросил отсрочку на ночь, чтобы рассмотреть предложение. Прошло два дня и две ночи, а еврей все еще не выходил из своей комнаты. Поляки были очень взволнованы, и крестьянин по имени Пяст, повысив голос, закричал: "Нет, нет, так не пойдет! Земля не может быть без головы, и поскольку Авраам не выходит, я выведу его". Размахивая топором, он ворвался в дом и вывел дрожащего еврея перед толпой. Проявив недюжинное остроумие, Авраам сказал: "Поляки, вот вы видите крестьянина Пяста, он тот, кто будет вашим королем. Он разумен, поскольку осознал, что страна не может существовать без короля. Кроме того, он храбр; он пренебрег моим приказом не входить в мой дом. Коронуйте его, и у вас будет причина быть благодарным Богу и Его слуге Аврааму!" Так Пяст был провозглашен королем и стал родоначальником великой династии.

Трудно определить, сколько правды содержится в этой легенде десятого века. О том, что это каким-то отдаленным образом основано на исторических фактах, свидетельствует существование польских монет с надписями: "*AbrahamDux*" и "*Zevach Abraham*" ("Авраам-принц" и "Жертва Авраама"). Казимир Великий, чья связь с еврейкой Эстеркой была показана современными историками как чистая выдумка, подтвердил хартию свобод (*privilegium libertatis*), которой евреи Польши придерживались с незапамятных времен, и при Сигизмунде I. они процветали материально и интеллектуально, как никогда прежде. Среди них процветала ученость, особенно изучение Талмуда, которому способствовали три великих человека: Соломон Шахна, Соломон Лурия и Мозес Иссерлес.

Генрих Анжуйский, первый король, избранный сеймом (1573), был обязан своим избранием Соломону Ашкенази, еврейскому врачу и дипломату, который осмелился напомнить королю о своих заслугах: "Мне больше, чем кому-либо другому, ваше величество обязаны своим избранием. Что бы ни было сделано здесь, у Ворот, это сделал я, хотя, я полагаю, мсье д'Акс приписывает всю заслугу себе. Этот же дипломат вместе с еврейским принцем Наксосо Джозефом Наси сыграл главную роль в избрании Стефана Батори. Симон Гюнсбург, глава еврейской общины Познани, имел голос в королевском совете, а Бона Сфорца, итальянская принцесса на польском троне, имела привычку консультироваться с умными евреями. Папский

легат Коммендони раздраженным тоном, но с восхищением говорит о блестящем положении польских евреев, об их обширных скотоводческих и сельскохозяйственных интересах, об их превосходстве над христианами как ремесленниками, об их коммерческой предприимчивости, ведущей их вплоть до Данцига на севере и Константинополя на юге, и об их обладании теми суверенными средствами, которые в равной степени побеждают правителя, старосту и легата.[75]

Это обстоятельства, которые следует иметь в виду при изучении подлинности легенды о короле ночи. Как сообщают нам современные историки, еще в начале его столетия три еврея - Авраам, Михаил и Исаак Йозефовичи - заняли высокие посты в Литве. Авраам был назначен главным раввином Литвы, его резиденция была установлена в Остроге; Исаак стал старостой городов Смоленска и Минска (1506), а четыре года спустя он был назначен губернатором Литвы. Он всегда поддерживал связь со своими братьями, защищал своих единоверцев и назначил Михаэля главным старейшиной литовских евреев. Принося присягу на верность Альберту Прусскому, он был возведен в звание дворянина. Еврей шестнадцатого века - дворянин! Несомненно, этот факт достаточно поразителен, чтобы послужить фоном для легенды. У нас есть все необходимые обстоятельства: аналогичная легенда из ранней истории Польши, привилегированное положение евреев, хорошо засвидетельствованная реальность Саула Юдича и экстраординарное событие - облагораживание еврея. Саул Вал, вероятно, не правил — даже одну ночь, — но он определенно был привязан к личности царя, и позже, не зная о рангах чиновников, евреи были склонны преувеличивать его положение. Действительно, крайняя нищета их положения в семнадцатом веке, кажется, лучше объясняет легенду, чем их процветание в пятнадцатом и шестнадцатом веках. Кампания Богдана Хмельницкого против восставших казаков посеяла хаос среди евреев. От южной части Украины до Лемберга дорога была усеяна трупами ста тысяч евреев. Печальная память о счастливом прошлом - плодородная почва, на которой процветают легенды. Вполне вероятно, что в это время деградации впервые была прославлена память о Сауле Вале, искупителе и герое, и слухи о его гербе, украшенном львом, сжимающим свиток Закона, и коронованным орлом, о его золотой цепи, о его привилегиях и всех его памятниках распространились от дома к дому.

Легко напрашиваются параллельные случаи создания легенд. В наше время, в расцвете цивилизации девятнадцатого века, легенды возникают таким же образом. Вот показательный пример: в 1875 году Антропологическое общество Западной Пруссии инициировало серию исследований, в ходе которых должны были отмечаться цвет лица, волос и глаз детей в государственных школах, чтобы определить распространенность определенных расовых черт. Самые экстравагантные слухи ходили в округах Данцик, Торн, Кульм и вплоть до Позена. Родители, охваченные беспричинным ужасом, в большом количестве отправляли своих детей в Россию. Один слух гласил, что король Пруссии проиграл султану в карты тысячу светловолосых детей; другой - что российское правительство продало шестьдесят тысяч хорошеньких девочек арабскому принцу и, чтобы спасти их от печальной участи, уготованной им, всех хорошеньких девушек в Дубне немедленно выдали замуж. — Подобным образом, первобытный человек, чтобы удовлетворить свои интеллектуальные пристрастия, объяснял явления небес, земли и вод легендами и мифами, зародышами политеистических природных религий. В нашем случае структура фактов иная, а процесс тот же.

Но легенды выражают идеализм масс; они являются высшими проявлениями духовной жизни. Полеты мыслителя за пределы реальности, дар изобретателя соединять старые материалы в

новых сочетаниях, творческий порыв художника, вдохновение поэта, пророческое видение провидца — каждое проявление идеальной природы человека облачается в сухожилия, плоть и обтягивает кожу и живет в народных легендах, хранилищах его искусства, поэзии, науки и этики.

Легенды, кроме того, характерны для культуры народа. Как ребенок радуется радужным мыльным пузырям, так и нация наслаждается воспоминаниями. Хотя поэзия дает слова, живопись - оттенки, архитектура - правило, скульптура - резец, музыка - интонации, сама легенда мертва, и только глубокое понимание национальных особенностей позволяет распознать ее этическую подоплеку. С этой точки зрения легенда о польском короле ночи является важным историческим аргументом, свидетельствующим об удовлетворительном положении евреев Польши в пятнадцатом и шестнадцатом веках. Сравнение, сравнивающее нации накануне великой революции с бурлящим кратером, справедливо, несмотря на свою банальность, и, если оно применимо к какой-либо нации, применимо к Польше до и после той знаменательной сессии Сейма. Эгоизм, жадность, амбиции, мстительность и зависть подлили масла в огонь и ускорили разрушение. Зависть посеяла раздор между двумя семьями, разделив государство на враждебные, озлобленные группировки. Мораль была подорвана, закон погран, долгом пренебрегли, справедливость попорана, побуждения здравого смысла проигнорированы. Так случилось, что земля была затоплена разрухой, как могучим потоком, который, будучи поначалу крошечным родничком, набирает силу и объем из своих притоков и, выйдя за свои пределы, устремляется по цветущим лугам, нивам и пастбищам, втягивая в свои разрушительные глубины всякую радость и надежду крестьянина. Это почва, на которой прорастает легенда, подобная нашей.

Эта легенда отчетливо передает этический урок. Преследования евреев, их непрерывные скитания из города в город, из страны в страну, с континента на континент длились две тысячи лет, и сколько их отошло на второй план! И все же они никогда не расставались с тройной короной, возложенной на их головы древним мудрецом: короной королевской власти, короной Закона и короной доброго имени. Ученость и справедливая слава, бесспорно, принадлежали им. поэтому первая из них, королевская корона, никогда не казалась более блистательной, чем когда ее носили в изгнании. Слава еврейского царя-изгнанника, казалось, предвещала осуществление мессианского идеала. Так получилось, что многие семьи в Польше, Англии и Германии до сих пор хранят память о рабби Сауле, короле, и что "Малкохи" повсюду по-прежнему хвастаются королевским происхождением. Раввины, сведущие в юриспруденции, были его потомками, и люди со светской известностью, в том числе Габриэль Риссер, с гордостью упоминают о своей связи, пусть и отдаленной, с Саулом Валем. Память о его деяниях увековечивается в респектабельных еврейских домах, где бабушки тихими субботними вечерами рассказывают о них, показывая в подтверждение печать на монетах охваченному благоговейным страхом потомству.

Три короны Израиль носил на своей голове. Если королевская корона легендарна, то две другие имеют особую историческую и этическую ценность. Королевская корона соскользнула с нас, но корона доброго имени и особенно корона Закона принадлежат нам, чтобы сохранить их и завещать нашим детям и детям наших детей до последнего поколения.

ЕВРЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ВО ВРЕМЕНА МЕНДЕЛЬСОНА

Октябрьским днем 1743 года, на третий год правления Фридриха Великого, хрупкий юноша лет четырнадцати попросил разрешения пройти через Розентальские ворота Берлина,

единственные ворота, через которые иногородним евреям разрешался въезд в столицу. На вопрос клерка о его делах в городе он коротко ответил: "Учиться" (*Лернен*). Мальчика звали Моисей Мендельсон, и он приехал в город бедным и одиноким, зная во всем Берлине только одного человека, своего бывшего учителя раввина Давида Френкеля. Примерно двадцать лет спустя Королевская академия наук присудила ему первую премию за эссе на тему: "Поддаются ли метафизические истины математической демонстрации?" Еще через двадцать лет Мендельсон был мертв, и его память прославлялась как память о "мудреце, подобном Сократу, величайшем философе того времени, воскликнувшем: "Есть только один Мендельсон!" —

Еврейский ренессанс, произошедший немногим более века назад, представляет весь исторический курс иудаизма. Никогда положение евреев не было более жалким, чем в момент появления Мендельсона на сцене. Следует помнить, что для евреев средневековье длилось триста лет после того, как все другие народы начали пользоваться благами современной эпохи. Настоящие рабы, выродившиеся в языке и привычках, покупающие право на жизнь налогом (*Лейбцолль*), во многих городах все еще носящие желтые значки, робкие, озлобленные, бледные, красноречиво молчаливые, евреи, согнанные в свое гетто с единственными еврейскими воротами - они, потомки Маккавеев, братья по вере гордых испанских грандов, андалузских поэтов и философов. Общины были бедными; поляки-иммигранты заполняли кабинеты раввинов и учителей и занимались исключительно обсуждением малоизвестных проблем. Злобная бессмыслица каббалистов активно пропагандировалась саббатянами, а с другой стороны, мистическые *хасиды* начали исполнять свой танец ведьм. Обычно использовался *юдендойч* (еврейско-немецкий жаргон), который, лишенный своего прежнего литературного достоинства, был ненамного лучше воровского сленга. Из таких жалких элементов состояла жизнь евреев в первой половине XVIII века.

Внезапно на них обрушился великий, ошеломляющий Ренессанс! Казалось, что видение Иезекииля вот-вот исполнится:[\[76\]](#) "Рука Господня была на мне, и вынесла меня в духе Господнем, и опустила меня посреди долины, которая была полна костей... их было очень много в открытой долине; и, вот, они были очень сухими. И он сказал мне: сын человеческий, могут ли эти кости жить? И я ответил: о Господь Бог, ты знаешь. И снова он сказал мне: изреки пророчество на эти кости и скажи им: "О вы, сухие кости, слушайте слово Господне". Так говорит Господь Бог этим костям: вот, Я введу в вас дыхание, и вы будете жить... и вы узнаете, что Я Господь. Итак, я пророчествовал, как мне было повелено; и когда я пророчествовал, раздался шум, и вот, сотрясение, и кости сошлись, кость к его кости... сухожилия и плоть поднялись на них, и кожа покрыла их сверху; но в них не было дыхания. Тогда сказал он мне: пророчествуй ветру, пророчествуй, сын человеческий, и скажи ветру: так говорит Господь Бог; Приди от четырех ветров, о дыхание, и дохни на этих убитых, чтобы они могли ожить. Итак, я пророчествовал, как он повелел мне, и дыхание вошло в них, и они ожили и встали на ноги, превеликое войско. Тогда он сказал мне: сын человеческий, эти кости - весь дом Израилев".

Разве это не описание истории Израиля в наши дни? Древний иудаизм, видя чудеса Возрождения, вполне мог воскликнуть: "Кто породил мне все это?" и многие благочестивые умы, должно быть, вернулись к древним словам утешения: "Я вспоминаю о доброте твоей юности, о любви твоих браков, о том, как ты шел за мной в пустыню, по земле, которая не засеивалась".

Перед лицом столь радикальной трансформации Гердер, поэт и мыслитель, пришел к естественному выводу, что "такие события, такая история со всеми сопутствующими и

зависимыми обстоятельствами, короче говоря, такая нация не может быть лживым вымыслом. Его развитие - величайшая поэма всех времен, и, все еще незаконченная, она, вероятно, будет продолжаться до тех пор, пока все возможности, скрытые в душевной жизни человечества, не получат выражения ".[77]

Началось беспрецедентное возрождение; и в Германии, где оно дало о себе знать как следствие Французской революции, оно связано прежде всего с именем Моисея Мендельсона.

Общество в том виде, в каком оно понимается в наши дни, основано на отношениях людей к своим семьям, ученикам и друзьям. Это три элемента, которые определяют полезность человека как социального фактора. Следовательно, наш первый интерес - познакомиться с Мендельсоном в его семье.[78] После его приезда в Берлин должно было пройти много лет, прежде чем он занял достойное положение. Читатель помнит, что когда с единственным дукатом в кармане он впервые добрался до Берлина, он был бледнолицым хрупким мальчиком. Его современник рассказывает: "В 1746 году я приехал в Берлин четырнадцатилетним мальчиком без гроша в кармане и в еврейской школе познакомился с Моисеем Мендельсоном. Он полюбил меня, научил читать и писать и часто делился со мной своими скудными трапезами. Я старался выразить свою благодарность, оказывая ему любую небольшую услугу, которая была в моих силах. Однажды он попросил меня принести ему откуда-нибудь немецкую книгу. Возвращаясь с книгой в руках, я был встречен одним из попечителей еврейского фонда для бедных. Он обратился ко мне, не очень мягко, со словами: "Что у тебя там? Осмелюсь сказать, немецкая книга!" Выхватив ее у меня и потащив к магистрату, он приказал выдворить меня из города. Мендельсон, узнав о моей судьбе, сделал все возможное, чтобы добиться моего возвращения, но его усилия не увенчались успехом". Интересно узнать, что именно дедушке герра фон Блайхредера пришлось покориться столь безжалостной судьбе.

Немецкий язык и немецкую письменность Мендельсон приобрел собственными усилиями. С бессистемной помощью доктора Киша, врача-еврея, он выучил латынь по книге, купленной в букинистическом киоске. Общая культура была в то время неизвестной величины в возможностях еврейской жизни Берлина. Школьные учителя, которым не разрешалось оставаться в городе более трех лет, были по большей части поляками. Один поляк, Израэль Моисе, прекрасный мыслитель и математик, изгнанный из своего родного города Самош из-за своей преданности светским занятиям, жил с Аароном Гумпертцем, единственным представителем знаменитой семьи придворных евреев, выбравшим лучшую партию. От последнего Мендельсон перенял вкус к естественным наукам, и ему он был обязан некоторым направлением в своих исследованиях; в то время как математикой его обучал Израэль Самош, в то время как последний, увлеченный своим замечательным комментарием к "*Аль-Хазари*" Иегуды Халеви, жил в доме семьи Ициг на *Бургштрассе*, на том самом месте, где талантливый архитектор Хитциг, внук современника Мендельсона, построил великолепную Биржу. Чтобы иметь возможность покупать книги, Мендельсону приходилось отказывать себе в еде. Как только он скопил несколько *грошей*, он тайком пробрался к торговцу букинистическими книгами. Таким образом, ему удалось овладеть латинской грамматикой и скудным словарным запасом. Трудностей для него не существовало; они исчезали перед его трудолюбием и настойчивостью. За короткое время он узнал гораздо больше, чем сам Гумперц, который прославился благодаря своей мольбе к магистру Готтшед в Лейпциге, в то время абсолютному монарху немецкой литературы: "Я бы со всем уважением умолял ваше высокочтимое

Высочество разрешить мне отправиться в Лейпциг, чтобы пастись на лугах учености под покровительственным крылом вашего Превосходительства".

После семи лет борьбы и лишений Мозес Мендельсон стал наставником в доме Исаака Бернхарда, производителя шелка, и теперь начались лучшие времена. Несмотря на добросовестное выполнение обязанностей, он находил досуг для приобретения значительного запаса знаний. Он стал часто посещать общественные собрания, его друг доктор Гумпертц познакомил его с деятелями культуры, в частности с некоторыми философами, членами Берлинской академии. Что сгладило для него ситуацию больше, чем его безупречный характер и прекрасный интеллект, так это его хорошая игра в шахматы. Евреи всегда славилась как шахматисты, и с двенадцатого века появилась литература на иврите в прозе и стихах, посвященная этой игре. Мендельсон в этом отношении тоже был наследником особых дарований своей расы.

В маленькой комнатке двумя пролетами выше в доме рядом с Николаевским погостом жил один из знакомых Мендельсона через доктора Гумперца, молодой газетный автор - Готхольд Эфраим Лессинг. Лессинг сразу же был сильно привлечен острым, необузданным умом молодого человека. Он предвидел, что Мендельсон "станет честью для своей нации, при условии, что его единоверцы позволят ему достичь интеллектуальной зрелости. Его честность и философские наклонности заставляют меня видеть в нем второго Спинозу, равного первому во всем, кроме его ошибок".^[79] Через Лессинга Мендельсон познакомился с Николаем, и поскольку они были близкими соседями, их дружба переросла в близость. Николай уговорил его заняться изучением греческого, и старый ректор Дамм научил его.

В это время (1755) в Берлине была открыта первая кофейня, которой пользовалась ассоциация, насчитывающая около ста членов, в основном философов, математиков, врачей и книготорговцев. Мендельсон тоже был принят, по-настоящему войдя в общество и сформировав множество привязанностей. Однажды вечером в клубе было предложено, чтобы каждый из членов клуба описал свои собственные недостатки в стихах; на что Мендельсон, который заикался и слегка горбился, написал:

"Великим вы называете Демосфена,
Заикающегося оратора Греции;
Горбатого Эзопа вы считаете мудрым;—
В вашем кругу, я полагаю,
я вдвойне мудр и велик.
То, что в каждом было по отдельности,
Ты во мне находишь объединяющим, —
Горб и тяжелый язык в сочетании".

Тем временем его мирские дела процветали; он стал бухгалтером в фирме Бернхарда. Его биограф Кайзерлинг рассказывает нам, что в этот период он был на верном пути к тому, чтобы превратиться в "настоящего человека духа"; он брал уроки игры на фортепиано, ходил в театр и на концерты, писал стихи. Зимой он сидел за своим столом в офисе с восьми утра до девяти вечера. Летом 1756 года его работа была облегчена; после двух часов дня он был сам себе хозяин. На следующий год он уютно устроился в собственном доме с садом, в котором его можно было застать каждый вечер в шесть часов, Лессинг и Николаи часто присоединялись к

нему. Кроме того, он отложил небольшую сумму, которая позволила ему помочь своим друзьям, особенно Лессингу, выпутаться из финансовых затруднений. Бизнес-забот действительно, медведь сильно на него, и жалобы поистине трогательно: "как вьючное животное Ладена вниз, я ползу по жизни, любовь к себе, к сожалению, шепча на ухо, что природа, возможно, изобразил поэта карьера для меня. Но что мы можем сделать, друзья мои? Давайте пожалеем друг друга и будем довольны. До тех пор, пока любовь к науке не подавлена в нас, мы можем надеяться". Конечно, его любовь к учебе никогда не уменьшалась. Напротив, его рвение к философским исследованиям росло, а вместе с ним и его репутация в ученом мире Берлина. Еврейский мыслитель, наконец, привлек внимание Фридриха Великого, чьи стихи он имел неосторожность негативно критиковать в "Письмах о литературе" (*Litteraturbriefe*). В этой знаменитой критике он говорит:[80] "Какой потерей было для нашего родного языка то, что этот принц уделял больше времени и усилий французскому языку. В противном случае мы обладали бы сокровищем, которое вызвало бы зависть наших соседей". Некий герр фон Юсти, который также навлек на себя неблагоприятное внимание *Litteraturbriefe*, использовал эту рецензию, чтобы отомстить Мендельсону. Он написал прусскому государственному советнику: "В Берлине появляется жалкая публикация "Письма о новейшей литературе", в которой еврей, критикуя придворного проповедника Кремера, использует непочтительные выражения по отношению к христианству, а в смелом обзоре "*Разнообразнейшие поэзии*", не проявляет должного уважения к священной особе его Величества". Вскоре против *Litteraturbriefe* был вынесен судебный запрет, и Мендельсон был вызван к генеральному прокурору Фон Удену. Николай рассказал нам о беседе высокого и могущественного чиновника государства с бедным еврейским философом:

Генеральный прокурор: "Послушайте! Как вы можете осмеливаться писать против христиан?"

Мендельсон: "Когда я играю с христианами, я бросаю все кегли, когда могу".

Генеральный прокурор: "Вы смеете насмехаться надо мной? Вы знаете, с кем говорите?"

Мендельсон: "О да. Я нахожусь в присутствии тайного советника и генерального прокурора Фон Удена, справедливого человека".

Генеральный прокурор: "Я спрашиваю еще раз: какое право вы имеете писать против христианина, к тому же придворного проповедника?"

Мендельсон: "И я должен повторить, правда, без насмешки, что когда я играю в кегли с христианином, даже если он придворный проповедник, я бросаю все кегли, если могу. Боулинг - это отдых для моего тела, писательство - для моего разума. Писатели делают все, что в их силах".

В таком тоне беседа продолжалась некоторое время. По другой версии, Мендельсону было приказано предстать перед королем в Сан-Суси в определенную субботу. Когда он появился у ворот дворца, дежурный офицер спросил его, как случилось, что он удостоился приглашения прибыть ко двору. Мендельсон сказал: "О, я жонглер!" На самом деле Фредерик прочитал неприятную рецензию некоторое время спустя, и Венино перевел ее для него на французский. Вероятно, именно вследствие этого досадного происшествия Мендельсон подал прошение о предоставлении ему привилегии считаться *шущюде*, то есть евреем с правом проживания. Маркиз д'Аржанс, который жил с королем в Потсдаме в качестве философа-компаньона его Величества, искренне поддержал его прошение: "*Католическая философия мове обеспечивает католическую философию мове протестантам привилегиями, а философия*

мове - молодежи. Il y a trop de philosophie dans tout ceci que la raison ne soit pas du côté de la demande." Привилегия была предоставлена Мендельсону 26 ноября 1763 года.

Будучи *шуцюде*, он мог лелеять мысль о браке. Всем знаком милый анекдот, очаровательно рассказанный Бертольдом Ауэрбахом. У Мендельсона брак был по любви. В апреле 1760 года он предпринял поездку в Гамбург и там обручился с "голубоглазой девушкой" из Гугенхайма. История гласит, что девушка отпрянула, пораженная предложением Мендельсона выйти за нее замуж. Она спросила его: "Ты веришь, что браки заключаются на небесах?" "Совершенно верно, - ответил Мендельсон. - Действительно, в моем собственном случае произошла странная вещь. Вы знаете, что, согласно легенде Талмуда, при рождении ребенка на небесах объявляется: Такой-то женится на такой-то. Когда я родился, назвали имя моей будущей жены, и мне сказали, что она, к сожалению, будет ужасно горбатой. "Боже милостивый, - сказал я, - уродливая девушка легко ожесточается. Девушка должна быть красивой. Боже милостивый! Отдай мне горб, и пусть девушка будет хорошенькой, грациозной, радующей глаз".

Его помолвка длилась целый год. Естественно, он стремился улучшить свое положение в мире, но ему никогда не приходило в голову делать это в ущерб своему безупречному характеру. Вейтель Эфраим и его сообщники, нанятые Фридрихом Великим для обесценивания прусской монеты, делали ему блестящие предложения в надежде заполучить его в качестве своего партнера. Он не поддался искушению и заключил обязательную помолвку с Бернхардом. Его супружеская жизнь была счастливой, он был искренне влюблен в свою жену, и она стала его верным, преданным товарищем.

От их союза родилось шестеро детей: Авраам, Джозеф, Натан, Доротея, Генриетта и Реха. В доме Мозеса Мендельсона, в котором выросли эти дети, впервые рухнули барьеры между ученым миром и берлинским обществом в целом. Это было место сбора всех, кто искал просветления, всех, кто сражался за дело просвещения. Воспитание своих детей было источником большого беспокойства для Мендельсона, чьи средства были ограничены. Однажды, незадолго до своей смерти, Мендельсон, прогуливаясь взад-вперед перед своим домом на улице Шпандауэр, погруженный в медитацию, был встречен знакомым, который спросил его: "Мой дорогой мистер Мендельсон, что с вами? Ты выглядишь такой встревоженной". "Я тоже, - ответил он. - Я думаю о том, какой будет судьба моих детей, когда меня не станет".

Мозес Мендельсон был полностью сыном своего времени, что, возможно, объясняет очарование его личности. Его недостатки, так же как и прекрасные черты характера, должны объясняться особенностями его поколения. С этой точки зрения мы можем понять его желание, чтобы его дочери составили богатую партию. С другой стороны, он не мог знать, а если бы и знал, то не смог бы понять, что его дочери, тронутые дыханием более позднего времени, продвинулись далеко за пределы его положения. Евреи того времени, особенно еврейские женщины, были охвачены могучей тягой к знаниям и культуре. Они изучали французский, читали Вольтера и черпали вдохновение в работах английских вольнодумцев. Одна из таких женщин говорит: "Мы все были бы рады стать героинями романтических романов; не было ни одной из нас, кто не приходил бы в восторг от какого-нибудь героя или героини художественной литературы". Во главе этой группы энтузиастов стояла Доротея Мендельсон, блестящая, пленительная и одаренная живым воображением. Она была лидером, воодушевлявшим духом своих товарищей. К читательскому клубу, организованному ее усилиями, принадлежали все

беспокойные умы. В частных театрализованных представлениях в домах богатых евреев она исполняла главные роли; и каждое утро после ее светских триумфов она становилась самой внимательной слушательницей своего отца, который имел обыкновение читать лекции для нее и ее брата Джозефа, впоследствии опубликованные под именем *Моргенштунден*. И это была та девушка, которую ее отец хотел видеть замужем в шестнадцать лет. Когда богатого венского банкира предложили в качестве подходящей пары, он сказал: "Ах! такой человек, как Эскелес, очень порадовал бы мою гордость! Доротея действительно вышла замуж за Саймона Вейта, банкира, достойного человека, который никоим образом не мог удовлетворить требования ее порывистой натуры. И все же ее отец считал ее счастливой женой. На тридцатом году жизни она познакомилась в доме своей подруги Генриетты Герц с молодым человеком, младше ее на пять лет, которому было суждено изменить ход всей ее жизни. Это был Фридрих фон Шлегель, глава романтического движения. Доротея Файт, некрасивая, очаровала его своим блестящим остроумием. При поддержке Шлейермахера отношения между ними быстро приобрели серьезный характер. Но вскоре после смерти отца Доротея бросила мужа и детей и стала спутницей жизни Шлегеля, сначала его любовницей, а затем женой. Как справедливо замечает Гуцков, его роман "Люсинда" описывает отношения, в которых Шлегель "позволил раскрыть себя. Любовь к Шлегелю поглотила ее и побудила разделить с ним тысячу безумств — католицизм, браминскую теософию, абсолютизм и христианский аскетизм, приверженцем которого она была на момент своей смерти". Ни горе, ни невзгоды, ни забота, ни печаль не могли оттолкнуть ее от себя. В конце концов, она стала фанатичной католичкой, и в Вене, их последней резиденции, дочь Мозеса Мендельсона была замечена с зажженной свечой в руке в католической процессии, направлявшейся к собору Святого Стефана.

У другой дочери была похожая карьера. Генриетта Мендельсон работала гувернанткой сначала в Вене, затем в Париже. В последнем городе ее дом был местом встреч самых выдающихся мужчин и женщин. Она тоже отреклась от своего отца и своей веры. Речи, младшая дочь, была несчастливой женой торговца из Стрелица. Позже она содержала школу-интернат в Альтоне. Натан, младший сын, был механиком; Абрахам, второй, отец знаменитого композитора Феликса Мендельсона-Бартольди, основал вместе со старшим, Джозефом, все еще процветающий банковский бизнес. Все дети и внуки Авраама обратились в христианство, но Моисей и Фромет умерли до того, как отошли от старой веры. Фромет дожил до того, как увидел развитие страсти к музыке, которая стала наследственной в семье. Говорят, что когда во времена популярности "Аталии" Шульца один из припевов с припевом "*tout l'universes*" часто пели ее дети, пожилая леди раздраженно воскликнула: "*Ви мис ист мир для тебя*" ("Как меня тошнит от "всего мира!").^[81]

Сказать извиняющимся тоном, что обстоятельства того времени вызвали такие чувства и действия, может быть частичной защитой этих женщин, но это неправда. Завещание Генриетты Мендельсон - характерный документ. Вступление звучит так: "В этих последних словах, которые я обращаю к моим дорогим родственникам, я выражаю свою благодарность за всю их помощь и привязанность, а также за то, что они никоим образом не препятствовали мне в отправлении моей религии. Я должен винить только себя, если Господь Бог не счел меня достойным быть орудием обращения всех моих братьев и сестер в Католическую церковь, единственную, наделенную спасительной благодатью. Пусть Господь Иисус Христос исполнит мою молитву и благословит их всех светом Своего лика. Аминь!" Таковы были чувства дочерей Мозеса Мендельсона!

Сыновья склонялись к протестантизму. Сообщается, что Авраам сказал, что сначала он был известен как сын своего отца, а позже как отец своего сына. Его женой была Лия Саломон, сестра Саломона Бартольди, впоследствии советника посольства. На самом деле его фамилия была всего лишь Саломон; Бартольди он взял от бывшего владельца сада на Кепеникерштрассе, который он купил на Шпрее. Главным образом ему было обьязано формальное принятие христианства семьей Авраама. Когда Авраам колебался, крестить ли своих детей, Бартольди написал: "Вы говорите, что вы обьязаны сделать это ради памяти вашего отца (не отказываться от иудаизма). Считаете ли вы, что совершаете ошибку, давая своим детям религию, которую вы и они считаете лучшей? На самом деле, вы отдали бы дань уважения усилиям вашего отца во имя истинного просвещения, и он действовал бы для ваших детей так же, как вы действовали для них, возможно, для себя, как я действую для себя ". Это, безусловно, кульминация легкомыслия! Так случилось, что один из внуков Мендельсона, Филип Файт, стал известным художником католической церкви, а другой, Феликс Мендельсон-Бартольди, одним из самых знаменитых протестантских композиторов.

После его семьи нас интересуют ученики философа. Это люди не лучшего, но иного типа. То, что в его детях проистекало из импульсивности и убежденности, было вызвано легкомыслием и подражательностью его последователей. Коллеги и преемники Мендельсона сформировали школу *буристов*, то есть толкователей. В составлении комментария к Пятикнижию ему помогали Соломон Дубно, Герц Хомберг и Хартвиг Вессели. Соломон Дубно, наставник детей Мендельсона, был образованным поляком, всей душой посвятившим себя работе над Пятикнижием. Его литературное тщеславие было уязвлено, он тайно покинул дом Мендельсона, и его не удалось убедить возобновить свой интерес к этому начинанию. Его место преподавателя занял австриец Герц Хомберг. Когда дети выросли, он уехал в Вену и там стал имперским советником, которому было поручено руководить еврейскими школами Галиции. Ошибочно полагать, что он прилагал усилия для дальнейшего изучения Талмуда среди евреев. Из недавно опубликованных писем, написанных им самим и о нем, становится очевидным, что он был обычным осведомителем. Мендельсон, конечно, не подозревал о своем истинном характере. Самым благородным из всех был Нафтали Хартвиг Вессели, поэт, чистый человек, искренне любивший человечество.

Другими видными членами кружка Мендельсона были: Исаак Юхель, "реставратор еврейской прозы", как его называли, главной целью которого была реформа еврейского порядка служения и еврейских педагогических методов; Соломон Маймон, необузданный парень, который в своей автобиографии рассказывает о своих собственных проступках, многие из которых вызывали раздражение Мендельсона; Лазарь бен Давид, современный Диоген, апостол кантизма; и, прежде всего, Дэвид Фридлендер, восторженный писатель. глашатай новой эры, ревностный поборник современной культуры, чистый, серьезный персонаж с высокими этическими идеалами, чьи цели, хотя и были вдохновлены самыми возвышенными намерениями, далеко выходили за рамки, установленные для него как еврея и ученика Мендельсона. Философия Канта нашла в то время много горячих приверженцев среди евреев. Рядом со старымросло новое поколение, которое, не имея никаких препятствий на своем пути после смерти Мендельсона, агрессивно отстаивало свои принципы.

Первым евреем после Мендельсона, занявшим видное положение в общественном мире Берлина, был его ученик Маркус Герц, имеющий звание профессора и член городского совета, "которого хвалили как врача, почитали как философа и превозносили как гения естественных

наук. Его лекции по физике, прочитанные в его собственном доме, посещали представители высшей аристократии, даже королевские особы".

В кругах, подобных его, приверженцы и противники оживленно обсуждали уравнение евреев с другими гражданами. Среди посещающей театр публики респектабельное меньшинство, однажды увидев постановку "Натана Мудрого", протестовало против появления на сцене еврея-торговца, говорящего на певучем, протяжном немецком языке, который, как предполагалось, вульгарно присущ всем евреям (*Mauscheln*). Еще в 1771 году Маркус Герц выступил с решительным протестом против *Маушельна*, и на первом представлении "Венецианского купца" 16 августа 1788 года знаменитый актер Флек продекламировал пролог, сочиненный Рамлером, в котором он отрицал любое намерение "посеять ненависть к евреям, братьям по вере мудрого Мендельсона", и утверждал, что единственной целью драмы является борьба с безумием и пороком, где бы они ни появлялись.

Женой Маркуса Герца была Генриетта Герц, и в 1790 году, когда Александр и Вильгельм Гумбольдты впервые приехали в ее дом, начинается настоящая история берлинского *салона*. Знакомство Гумбольдтов с семьей Герц началось с визита государственного советника Кунта, наставника братьев Гумбольдт, к Маркусу Герцу, чтобы посоветоваться с ним по поводу установки громоотвода, необычайной новинки того времени, в замке Тегель. Вскоре после этого Кунт представил двух своих учеников Герцу и его жене. Таким образом, берлинский *салон* обязан своим возникновением громоотводу; более того, его самого можно назвать электрическим проводником для всех духовных сил, недавно пущенных в ход и все еще пытающихся проявить свою неразвитую мощь. До того времени в городе интеллекта не было ничего похожего на общество. Конечно, недостатка в ученых и умных, блестящих людях не было, но непреодолимые препятствия, казалось, препятствовали их социальному контакту друг с другом. За пределами дома Моисея Мендельсона, до конца восьмидесятых являвшегося единственным *местом встреч* остряков, ученых и литераторов, предпочтение отдавалось великолепным банкетам и шумным кутежам, где каждое сословие развлекало своих членов. В среднем классе, бюргерах, социальный инстинкт вообще не проснулся. Александр Гумбольдт многозначительно датировал свое первое письмо Генриетте Герц из *замка Лангевайле*. Со временем стремление к духовному сопереживанию привело к образованию клубов чтения и *conversazioni*. Это были элементы, которые в конечном итоге породили берлинское общество.

Прототипом немецкого *салона* естественно, стал *салон* эпохи рококо. Как ни странно, берлинские евреи, ученики, друзья и потомки Моисея Мендельсона, были переносчиками иностранного продукта на немецкую почву. Будучи свободными в этом отношении от традиций, они с готовностью восприняли новое повеление, исходящее из Веймара, и им никоим образом не препятствовали в выборе героев-проводников на Олимп. Берлинская ирония, французский блеск и еврейское остроумие сформировали социальные формы, которые впоследствии стали характерны для столичного общества, и вызвали к жизни почти все, что было очаровательного в обществе и приятного в легкой литературе Берлина того времени.

Чтобы справедливо судить Генриетту Герц, мы должны остерегаться как экстравагантности ее биографа, так и злонамеренности ее друга Варнхагена фон Энзе; первый превозносит ее ум до небес, другой низводит ее до уровня банальности. Эти двое кажутся одинаково ненадежными. Она не была ни чрезвычайно остроумной, ни чрезвычайно культурной. У нее был на редкость ясный ум, и она обладала редкой способностью создавать вокруг себя атмосферу

непринужденности и веселья — хорошую замену остроумию и интеллектуальности. На ее красоте и дружелюбии основывалась популярность ее *салона*, которому удалось объединить все социальные факторы того периода.

Ядро ее светских раутов составляли представители старых литературных традиций Николаи, Рамлер, Энгель и Мориц, и они, как ни странно, привлекали теологов Сполдинга, Теллера, Зеллнера, а позже и Шлейермахера, близость которого с хозяйкой дома является делом истории. Музыку представляли Райхардт и Вессели, искусство - Шадоу, а благородство - Бернсторф, Дотина, Бринкманн, Фридрих фон Генц и Гумбольдты. Ее гостиная была очагом романтического движения, и, как можно себе представить, ее примеру в радости и в горе следовали ее друзья и сестры по вере, так что к концу столетия Берлин мог похвастаться множеством *салонов*, мест встреч знати, литераторов и культурных евреев для дружеского обмена духовным и интеллектуальным опытом. *Салон* Генриетты Герц стал важным не только для берлинского общества, но и для немецкой литературы, поскольку в нем нашли приют три великих литературных течения: классическое, романтическое и, через Людвига Берне, "Молодая Германия". Один только иудаизм остался непредставленным. Фактически, она и все ее культурные еврейские друзья поспешили освободиться от своих вызывающих беспокойство еврейских пристрастий или, по крайней мере, скрывали их, насколько могли. Годы спустя Берне высмеивал еврейку из берлинских *салонов*, с их огромными расовыми носами и огромными золотыми крестами на шее, толкающихся в церкви Святой Троицы, чтобы послушать проповедь Шлейермахера. Но справедливость вынуждает нас сказать, что эти женщины не знали иудаизма или знали его только в одежде рабыни. Если бы они имели представление о его высоких этических стандартах, о богатстве его поэтических и философских мыслей, будучи женщинами с редкими умственными способностями и широкой щедростью, они, конечно, не отказались бы от иудаизма. Но иудаизм их Берлина, представленный его религиозными учителями и лидерами еврейской общины, большинство из которых, по собственному признанию Мендельсона, были поляками-иммигрантами, не мог понравиться женщинам с острыми интеллектуальными симпатиями и вкусами, соответствующими идеалам новой эпохи.

Что касается друзей Мендельсона, которые стекались в его гостеприимный дом, — их имена стали нарицательными в истории немецкой литературы. Николая и Лессинга следует упомянуть прежде всех остальных, но никто не приезжал в Берлин, не разыскивая Моисея Мендельсона — Гете, Гердер, Виланд, Хеннингс, Абт, Кампе, Мориц, Иерусалим. Йоахим Кампе оставил отчет о своем визите в дом Мендельсона, который, вероятно, является лишь описанием его достопримечательностей.^[82] Он говорит: "В пятницу днем мы с женой вместе с некоторыми выдающимися представителями берлинской науки посетили Мендельсона. Мы болтали за чашечкой кофе, когда Мендельсон, примерно за час до захода солнца, поднялся со своего места со словами: "Леди и джентльмены, я должен покинуть вас, чтобы принять Шаббат. Я скоро вернусь к вам; тем временем моя жена будет вдвойне наслаждаться вашим обществом". Все взгляды с благоговейным восхищением провожали нашего любезного хозяина-философа, когда он удалился в соседнюю комнату, чтобы прочитать обычные молитвы. Через полчаса он вернулся с сияющим лицом и, усевшись, сказал своей жене: "Теперь я снова на своем посту и попытаюсь хоть раз оказать честь вместо тебя. Наши друзья, конечно, извинят вас, пока вы исполняете свои религиозные обязанности". Жена Мендельсона извинилась, присоединилась к своей семье, освятила субботу, зажегши субботнюю лампаду, и вернулась к нам. Мы оставались там несколько часов". Можно ли представить себе более трогательную картину?

Когда герцогиня Доротея Курляндская и ее сестра Элиза фон дер Рекке жили во Фридрихсфельде под Берлином в 1785 году, они пригласили Мендельсона, с которым им очень хотелось познакомиться, навестить их. Когда объявили об ужине, Мендельсона нигде не было видно. Спутница двух дам записывает в своем дневнике:[83] "Он тихо ускользнул в гостиницу, где заказал скромный ужин. Я уверен, что по вполне уважительным мотивам этот философ никогда не позволяет пригласить себя на трапезу в дом христианина. Чтобы не оставаться надолго лишенной общества Мендельсона, герцогиня при первой возможности встала из-за стола." Мендельсон вернулся, пробыл у нас долго и, прощаясь с герцогиней, сказал: "Сегодня у меня была беседа с разумом".

Таково было берлинское общество во времена Мендельсона, и его терпимость и человечность заслуживают большего уважения, поскольку большинство евреев ни в коем случае не подражали просвещенному примеру Мендельсона. Вся их энергия была поглощена усилиями по соблюдению хартии Фридриха Великого, которая налагала множество досадных ограничений. Вступая в брак, они по-прежнему были вынуждены покупать некачественный фарфор, произведенный королевской мануфактурой. Вся еврейская община по-прежнему несла ответственность за кражу, совершенную одним из ее членов. Евреям еще не разрешалось становиться промышленниками. Евреи-банкроты без расследования каждого случая считались мошенниками. Их использованию земли и водных путей препятствовало множество мелких препятствий. Во всех областях между ними и их согражданами-христианами воздвигался непреодолимый барьер. Великой задачей Мендельсона было нравственное и духовное возрождение его братьев по вере. Во всех спорах его слово было окончательным. Он надеялся провести реформы, оказав влияние на внутреннюю жизнь своего народа. Были основаны школы, и использовались все средства для развития культуры и образования, но он встретил решительное сопротивление среди своих единомышленников. Мы говорили об Эфраиме, разорившем монету, а также о том, как король относился к евреям. Вот еще один пример его резкости: Абрахам Познер попросил разрешения сбрить ему бороду. Frederick wrote on the margin of his petition: "*Der Jude Posner soll mich und seinen Bart ungeschoren lassen.*"

Судебные процессы евреев против французских и немецких торговцев произвели в те дни большой ажиотаж. Только после большого раздражения семья Даниэля Ицига, тестя Давида Фридлендера, основателя Еврейской свободной школы в Берлине, получила патент на натурализацию. В других случаях никакие усилия не могли обеспечить получение патента, и король говорил: "Все, что касается вашего ремесла, хорошо. Но я не могу позволить вам поселить еврейские племена в Берлине и превратить его в молодой Иерусалим".

Это фотография еврейского общества в Берлине столетней давности. Она объединила самые разнообразные течения и тенденции, исходящие от романтизма, классицизма, реформизма, православия, любви к торговле и усилий по духовному возрождению. Во всей этой странной путанице только Мозес Мендельсон остается незапятнанным, его фигура окутана чистым белым светом.

ЛЕОПОЛЬД ЦУНЦ [84]

Мы собрались для выполнения торжественного долга - отдать дань памяти тому, чье имя украшает нашу ложу. Леопольд Цунц вызывает у нас двоякий интерес, поскольку он апеллирует к нашей местной гордости и, помимо всего прочего, к нашим еврейским чувствам. Леопольд Цунц был частью Берлина прошлого, все следы которого исчезают с поразительной быстротой.

Люди, дома, улицы исчезают, и вскоре от старого Берлина не останется ничего, кроме воспоминаний, конечно, не прекрасного Города, но наполненного для того, кто знал его, очаровательными ассоциациями. Драгоценный остаток этого милого старого Берлина был похоронен навсегда, когда в один туманный весенний день 1886 года мы отправили к месту их последнего упокоения бранные останки Леопольда Цунца. Мемориальные обращения, как правило, изобилуют такими выражениями, как "бессмертный", "нетленный", и цветистыми данями уважения. Я не стану вдаваться в них, хотя ни к кому они не могли бы быть применены более уместно, чем к Леопольду Цунцу, пионеру в научном лабиринте и архитектору многих величественных дворцов, украшающих тропу, но недавно открытых им самим. Несомненно, такой человек заслуживает сердечного признания и вечной благодарности потомков.

Несмотря на то, что Цунц родился в Детмольде (10 августа 1794 г.), он был неотъемлемой частью старого Берлина - гражданином Берлина, так сказать, не по рождению, а по призванию. Его существо было переплетено с ее жизнью тысячью нитей интеллектуальной симпатии. Город, в свою очередь, или, если быть топографически точным, район между *Мауэрштрассе* и *Розенштрассе*, знал и любил его как одного из своих публичных персонажей. Было время, когда его остроты передавались из уст в уста по кругу между *салон* and the *synagogue in the Heidereutergasse* и повсюду находили благодарных слушателей. Наблюдатель, ежедневно на протяжении более тридцати лет находящийся на *Унтер-ден-Линден*, мог бы увидеть странную пару, бодро шагающую к *Тиргартену* рано после полудня. Бездельники в *кафе Spargnapari's* регулярно прерывали свое бесконечное чтение газет, чтобы вытянуть шеи и сказать друг другу: "Вон идут доктор Цунц и его жена".

В своем некрологе о поэте Мозентале Франц Дингельштедт лукаво замечает: "Он был бедного, хотя и еврейского происхождения". То же самое относится и к Зунцу, только высказывание было бы более верным, если не таким остроумным, в такой форме: "Он был евреем, следовательно, бедного происхождения". Среди немецких евреев на протяжении всего средневековья и вплоть до первой половины нынешнего столетия бедность была правилом, обеспеченная состоятельность - редким исключением, богатство - неслыханным состоянием. Но еврейская бедность была избавлена от мерзости драгоценным даром старых раввинов, которые сказали: "Нежно заботьтесь о детях бедных; от них исходит Закон"; предостережению и предсказанию суждено быть проиллюстрированным на примере Зунца. Очень рано он потерял мать, и 1805 год застаёт его без обоих родителей, под приютом и любящей заботой учреждения, основанного благочестивым евреем в Вольфенбюттеле. Здесь он получил лучшее, что было доступно немецким евреям того времени, *альфу* и *омегу*, знания и учение которых содержались в Талмуде. Вольфенбюттельскую школу можно назвать прогрессивной, поскольку учитель, часовщик по профессии и писатель романов по призванию, был нанят для проведения занятий четыре раза в неделю на трех "Р". Мы можем быть уверены, что эти четыре урока не давались с неизменной регулярностью.

В своем учебном доме Леопольд Зунц познакомился с Исааком Маркусом Йостом, таким же беспризорником, как и он сам, впоследствии первым еврейским историком, которому мы обязаны интересными подробностями ранней жизни Зунца. В своих мемуарах^[85] он рассказывает следующее: "Цунц был зачислен учеником еще до моего приезда. Даже в те первые дни были свидетельства проницательности будущего критика. Им владел дух противоречия. Потихоньку мы изучали грамматику, и его смекалка помогала мне преодолевать многие препятствия. Он был очень остроумен и написал длинную сатиру на иврите о наших

тиранах, которая немало позабавила нас, когда каждая часть была закончена. К сожалению, проступок был обнаружен, и *состав преступления* был предан огню, но кличка *чоцуф* (наглец) закрепилась за писателем".

Справедливо будет признать, что в этом *Бет ха-мидраше* Зунц заложил фундамент глубокой, всеобъемлющей науки о талмудических предметах, основу своих будущих достижений как критика. То обстоятельство, что обоим этим начинающим историкам пришлось черпать свои первые сведения об истории из еврейско-немецкого пересказа "Иосиппона", исторического сборника, уравнивается тщательным изучением раввинской литературы, запутанные пути которой вскоре стали для них путями света.

Наступил новый день, и при его солнечном свете положение дел изменилось. В 1808 году *Бет ха-Мидраш* был внезапно преобразован в "Школу Самсона", которая все еще функционирует. Она стала начальной школой, управляемой по утвержденным педагогическим принципам, и Зунц и Йост были одними из первых, зарегистрированных при новой, как и при старой, администрации. Хотя одному было тринадцать, а другому четырнадцать лет, им пришлось начинать с самых азов чтения и письма. Первыми они прочитали книги Кампе для подростков. Год спустя они долгими зимними вечерами тайно изучали греческий, латынь и математику при свете огарков свечей, сделанных ими самими из капель с больших восковых свечей в синагоге. Еще через шесть месяцев Цунц был принят в первый класс Вольфенбюттеля, а Йост - в *гимназию* Брауншвейга. Для мужчин характерно говорить, что Цунц был первым, а Йост - третьим евреем в Германии, поступившим в *гимназию*. Теперь прогресс был стремительным. Занятия в *гимназии* проходили с поразительной легкостью, и в 1811 году с минимумом багажа, но весьма значительным умственным оснащением Цунц прибыл в Берлин, чтобы никогда не покидать его, за исключением кратковременных поездок. Он поступил на курс филологии во вновь основанном университете и после трех лет учебы оказался в незавидном положении, когда смог сказать себе, что он ничегошеньки не достиг.

Ибо чего мог достичь культурный еврей в те дни, если только он не стал юристом или врачом? Эдикт Харденберга открыл евреям академическую карьеру, но когда Зунц закончил учебу, это положение было полностью забыто. Так он стал проповедником. Богатый еврей Якоб Херц Бер, отец двух высокоодаренных сыновей, Джакомо и Майкла Беров, основал в своем доме частную синагогу, и здесь служили Эдвард Клей, К. Гюнсбург, Й. Л. Ауэрбах, а с 1820 по 1822 год - Леопольд Цунц. Неизвестно, почему он подал в отставку со своего поста, но делать вывод, что он был вынужден избрать профессию проповедника из-за стечения обстоятельств, несправедливо. В тот момент он, вероятно, выбрал бы именно это, если бы ему предложили пост ректора Берлинского университета; ибо он был воодушевлен духом, который побуждал пророков древности провозглашать и выполнять свою миссию посреди бурь и вопреки угрожавшим опасностям.

Проповеди Цунца, произнесенные с 1820 по 1822 год в первом немецком реформаторском храме, поистине проникнуты пророческим духом. От пожелтевших страниц веет могучим энтузиазмом. Каждое слово свидетельствует о том, что они были написаны писателем с мощной индивидуальностью, освобожденным от оков традиционной гомилетики и смело идущим по нехоженным тропам. В еврейском Берлине того времени, рационалистическом, полукультурном поколении, нерешительно колеблющемся между Мендельсоном и Шлейермахером, эти новые ноты вызвали сочувственное эхо. Но едва музыка его голоса стала знакомой, как он смолк. В

1823 году распоряжение королевского кабинета министров запретило проведение еврейской службы на немецком языке, а также любые другие нововведения в ритуале, и поэтому немецкие проповеди в синагоге прекратились. Цунц, который раньше говорил как Моисей, теперь молчал, как Аарон, в скромности и смирении, уступая неизбежному без злобы или ропота, всегда верный возвышенному идеалу, который вдохновлял его в самых удручающих обстоятельствах. Он посвятил свои проповеди, произнесенные во времена религиозного энтузиазма, "молодежи на распутье", о которой он постоянно имел в виду, в надежде, что они "будут признаны достойными вернуть к Господу сердца, которые из-за обмана или по причине упрямства отпали от Него".

Его идеалом было спасение молодежи. В самом начале своей карьеры он осознал, что стариков не искупить, и что, если мы хотим добиться отклика и доверия со стороны молодежи, разъяснение нового иудаизма - это работа не для кафедры, а для профессорского кресла. "Религиозные упражнения и бальзамы для души" не могли залечить их раны. Было необходимо задействовать их скрытую силу. Зная, что это его педагогический принцип, мы не сильно ошибемся, если предположим, что в организации "Общества еврейской культуры и науки" первый шаг был сделан Леопольдом Цунцем. В 1819 году, когда толпы Вюрцбурга, Гамбурга и Франкфурта-на-Майне возродили крик "Хеп, хеп!", трое молодых людей, Эдвард Ганс, Мозес Мозер и Леопольд Цунц, задумали идею общества, цель которого - привести евреев в гармонию с их возрастом и окружающей средой, не навязывая им взгляды на чужеродный рост, а рационально тренируя их унаследованные способности. Следовало лелеять все, что могло способствовать развитию интеллекта и культуры: строить школы, семинарии, академии, поощрять литературные устремления и помогать всем общественным предприятиям; с другой стороны, подрастающее поколение следовало побудить посвятить себя искусству, ремеслам, сельскому хозяйству и прикладным наукам; наконец, сильная склонность евреев к коммерции должна была быть обуздана, а тон и условия еврейского общества радикально изменены — высокие цели, для достижения которых в распоряжении проектировщиков были самые ограниченные средства. Первыми плодами деятельности общества были "Научный институт" и "Научный журнал иудаизма", вышедшие весной 1822 года под редакцией Цунца. Вышло всего три номера, и они разошлись с таким небольшим тиражом, что затраты на печать не были оправданы. Средств было недостаточно, планы великолепны, а главное, время не созрело для таких идеалов. "Научный институт" тоже распался, и в 1823 году общество испускало последний вздох. Цунц излил горечь своего разочарования в письме, написанном летом 1824 года своему гамбургскому другу Иммануэлю Волвиллу:

"Я настолько обескуражен, что никогда больше не смогу поверить в еврейскую реформу. В этот призрак нужно бросить камень, чтобы он исчез. Хорошие евреи - это либо азиаты, либо христиане (не осознающие этого), кроме небольшого меньшинства, состоящего из меня и еще нескольких человек, возможность упомянуть которых спасает меня от обвинения в тщеславии, хотя, по правде говоря, горечь иронии очень мало заботит формы хорошего общества. Евреи и иудаизм, который мы хотим реконструировать, являются жертвой разобщенности и добычей вандалов, дураков, менял, идиотов и парнасцев.^[86] Многие смены времен года пройдут над этим поколением и оставят его неизменным: внутренне разорванный; бросающийся в объятия христианства, религии целесообразности; без стойкости и без принципов; одна часть отброшена Европой и прозябает в грязи с тоскующими глазами, устремленными на задницу

Мессии или другого члена длинноухого братства; другая занята перебиранием государственных ценных бумаг. и страницы циклопедии, постоянно колеблющейся между богатством и банкротством, угнетением и терпимостью. Их собственная наука мертва среди евреев, и интеллектуальные интересы европейских народов их не привлекают, потому что, не веря самим себе, они чужды абстрактной истины и рабы своекорыстия. Это вопиющее убожество отпечатано на их копейках, их проповедниках, советниках, конституциях, *парнассиме*, титулах, собраниях, учреждениях, подписках, их литературе, их книжной торговле, их представителях, их счастье и их несчастье. Ни сердца, ни чувств! Все это смесь молитв, банкнот *ирахмонов*, [87] с несколькими нотками просветления и *чиллука*! [88]—

Теперь, мой друг, после столь отвратительного очерка иудаизма, вы вряд ли спросите, почему общество и журнал растворились в воздухе, и их не хватает так же мало, как храма, школы и гражданских прав. Общество могло бы выжить, несмотря на его разделение на части. Это была просто ошибка в управлении. Правда в том, что его никогда не существовало. Пять или шесть энтузиастов встретились вместе и, подобно Моисею, осмелились поверить, что их дух передастся другим. Это был самообман. *Единственное нетленное достояние, спасенное от этого потопа, - наука иудаизма. Она живет, несмотря на то, что на протяжении сотен лет никто и пальцем не пошевелил, чтобы ей послужить. Я признаю, что, исключая подчинение суду Божьему, я нахожу утешение только в развитии науки иудаизма.*

Что касается меня самого, то этот мой суровый опыт, несомненно, не убедит меня в том, что мои действия несовместимы с моими самыми высокими устремлениями. Я сделал то, что считал своим долгом. Я перестал проповедовать не для того, чтобы отступить от своих собственных слов, а потому, что понял, что проповедую в пустыне. *Sapienti sat....* После всего, что я сказал, вы легко поймете, что я не могу одобрять чрезмерно показной способ распада. Такой курс был бы продиктован тщеславием надутой лягушки из басни и затронул бы евреев ... так же мало, как все, что было раньше. Членам церкви ничего не остается, как оставаться непоколебимыми и излучать свое влияние в своих ограниченных кругах, предоставляя все остальное Богу".

Человеку, написавшему эти слова, трудно это осознать, еще не перевалило за тридцать, но цель его жизни была совершенно определена. Он знал путь, ведущий к его цели, и — самое важное обстоятельство — никогда не отклонялся от него, пока не достигал ее. Его деятельность на протяжении всей жизни не показывает несоответствия его планам. Именно сила его характера, редчайшее качество во времена всеобщего отторжения от еврейских стандартов, вызывает восхищение, которое никто не принимает с такой готовностью, как его товарищи по оружию. Подводя собственные духовные итоги, Генрих Гейне в последние годы своей жизни писал о своем друге Цунце: [89] "В нестабильности переходного периода он отличался неподкупным постоянством, оставаясь верным, несмотря на свою проницательность, скептицизм и ученость, данным самому себе обещаниям, возвышенному увлечению своей души. Человек мысли и действия, он творил и трудился, когда другие колебались и впадали в уныние", или, о чем Гейне благоразумно умолчал, покинул знамя и незаметно ускользнул из жизни угнетенных.

В Цунце сила характера ассоциировалась со зрелым, всесторонне развитым умом. Он был человеком таланта, характера и науки, и это редкое сочетание черт характера является его отличительной чертой. В то время, когда большинство его единоверцев не могли постичь простого, элементарного значения фразы "наука иудаизма", он сделал ее главной темой своей жизни.

Как это ни печально, я боюсь, что это правда, что есть те представители этого поколения, которые по прошествии лет вынуждены повторять вопрос, поставленный современниками Зунца: "Что такое наука иудаизма?" Цунц дал исчерпывающий ответ в коротком эссе "О раввинской литературе", опубликованном Мауэром в 1818 году:^[90] "Когда тени варварства постепенно поднимались с окутанной туманом земли, и свет, распространяющийся повсюду, не мог не поразить рассеянных повсюду евреев, остатки старого изучения иврита присоединились к новым, иностранным элементам культуры, и в ходе на протяжении веков просвещенные умы перерабатывали разнородные ингредиенты в литературу, называемую раввинской". Этой раввинской, или, используя более подходящее название, предложенное им самим, этой неоеврейской, еврейской литературе и науке, Зунц посвятил свою любовь, свою работу, свою жизнь. На протяжении веков эта область знаний была бесследной, невозделанной пустошью. Тот, кто переправлялся через реку, должен был быть следопытом, сильным и энергичным, способным сосредоточить свой разум на единственной цели, не потревоженным отвлекающими влияниями. Таков был Леопольд Цунц, который жирно, но восхитительно точно очертил масштабы еврейской науки, обозначив границы нескольких ее отделов, оценив ее ресурсы и наметив работу и цели на будущее. Слова пророка, должно быть, особенно сильно подействовали на него: "Я вспоминаю о доброте твоей юности, о любви твоего замужества, о том, как ты шел за мной по пустыне, по земле, которая не засеивалась".

Опять же, когда встал вопрос о возделывании почвы пустыни и поиске жизни под мусором, Зунц первым представил себя в качестве рабочего. Единственным плодом деятельности Общества еврейской культуры и науки за три года его существования был "Научный журнал иудаизма", и его публикация произошла исключительно благодаря настойчивости Зунца. Хотя вышло всего три номера, они внесли позитивный вклад в нашу литературу благодаря биографическому очерку Зунца о Раши, старом мастере-толкователе Библии и Талмуда. Благодаря расположению материала, критике и группировке фактов, а также в немалой степени благодаря блестящему стилю, это эссе стало образцом для всех будущих работ по родственным темам. Когда общество распалось, и Зунц остался наслаждаться нежелательным досугом, он продолжал работать в соответствии с изложенными в нем принципами. Кроме того, Цунц был политическим журналистом, в течение многих лет политическим редактором "Журнала Шпенера" и автором статей в "*Gesellschafter*", "*Iris*", "*Die Freimutigen*" и других изданиях литературного характера. С 1825 по 1829 год он был директором недавно основанной еврейской конгрегационной школы; в течение одного года он занимал должность проповедника в Праге; а с 1839 по 1849 год, год ее окончательного закрытия, он был попечителем Еврейской учительской семинарии в Берлине. После этого у него не было официальной должности.

Как политик он был ярко выраженным демократом. Читая его политические обращения сегодня, по прошествии полувека, мы находим в них ясность и проницательность, которые отличают научные труды исследователя. Вот выдержка из его слов утешения, адресованных семьям героев мартовской революции 1848 года:^[91]

"Те, кто ходил по нашим улицам незамеченными, кто медитировал в своих тихих кабинетах, трудился в своих мастерских, вел счета в офисах, продавал товары в магазинах, внезапно превратились в доблестных бойцов, и мы обнаружили их в тот момент, когда они исчезли, подобно метеорам. Когда они засияли, они исчезли из нашего поля зрения, а когда они стали нашими избавителями, мы потеряли возможность поблагодарить их. Смерть сделала их великими и драгоценными для нас. Уходя, они излили неизмеримые богатства на всех нас,

таких бедных. Наши головы, иссушенные, как летнее небо, не произвели плодотворного дождя великодушных мыслей. Сердца в наших сердцах, превратившиеся в камень, были лишены человеческого сочувствия. Тщеславие и иллюзии были нашими идолами; ложь и обман отравляли нашу жизнь; похоть и алчность диктовали наши действия; ад безнравственности и нищеты, разъедавший все институты, накалял атмосферу до удушья, пока не сгустились черные тучи, вокруг нас не бушевала буря народов, и очищающие полосы молний не обрушились на баррикады и улицы. Сквозь штормовой ветер я видел огненные колесницы и огненных коней, несущих на небеса людей Божьих, которые пали, сражаясь за право и свободу. Я слышу голос Бога, о вы, плачущие, посвящающие в рыцари своих близких. Свобода прессы - это их патент благородства, наши сердца, их памятники. Каждый из нас, каждый немец скорбит, и вы, выжившие, больше не брошены".

В предвыборном обращении от февраля 1849 г., [92] Цунц говорит: "Первый шаг к свободе - это упустить свободу, второй - искать ее, третий - найти ее. Конечно, между поиском и находкой может пройти много лет". И далее: "Как избиратель, я должен отдавать свой голос за представителей только принципиальным людям с безупречной репутацией, которые не колеблются и не уступают; которых нельзя заставить сказать, что холодно - это тепло, а тепло - это холодно; которые презирают юридические тонкости, дипломатические интриги, ложь любого рода, даже если они приносят пользу партии. Такие люди достойны доверия людей, потому что совесть является их наставником. Они могут ошибаться, потому что ошибаться свойственно людям, но они никогда не обманут".

Двенадцать лет спустя, по аналогичному случаю, он произнес следующие пророческие слова: [93] "Подлинно Свободная форма правления делает народ свободным и честным, а его представители обязаны быть поборниками свободы и прогресса. Если Пруссия, развернув знамя свободы и прогресса, возьмет на себя обязательство обеспечить нас такой конституцией, к нам вернутся уверенность в себе, энергия и доверчивость. Прогресс станет фундаментальным принципом нашей жизни, и из наших совместных усилий по его продвижению вырастет прочный, нерасторжимый союз. Итак, немцы! Примите решение, все вы, достичь одной и той же цели, и ваша воля будет штормовым ветром, рассеивающим, как мякину, все старое и гнилое. В вашей борьбе за свободную страну у вас будут союзники - армия могущественных умов, которые в прошлом пострадали за право и свободу. Теперь вы разделены на племена и кланы, удерживаемые вместе только языковыми узами и классической литературой. Вы вырастаете в великую нацию, если только все братские племена присоединятся к нам. Тогда Германия, находящаяся в полной безопасности в центре Европы, сможет положить конец панике перед нападениями с Востока или Запада и объявить о прекращении войны. Кто-то сказал, что империя означает мир. Поистине, Германская империя с Пруссией во главе означает мир".

Такие высказывания характерны для Цунца, политика. Однако все его силы были направлены на исследования. Он верил, что наука приведет к улучшению политических условий; наука, он надеялся, защитит иудаизм от бурь и бедствий его поколения для выполнения его исторической миссии. Одержимый этой идеей, он написал *"Готтесдиенстлихен Вортреге дер Юден"* ("Еврейская гомилетика", 1832), основу будущей науки иудаизма, первую поляну в первобытном лесу раввинских писаний, по которой пионер вел своих последователей твердым шагом и рукой, как будто шел по хорошо протоптанной земле. Генрих Гейне, высоко ценивший Цунца, справедливо причислил эту книгу "к достойным внимания произведениям высшей критики", а

другой рецензент с не меньшей справедливостью ставит ее в один ряд с великими произведениями Бекха, Дица, Гримма и других того периода, золотого века филологических исследований в Германии.

Как и почти все, что написал Цунц, *Die Gottesdienstlichen Vorträge der Juden* была результатом потребности в полемике. По натуре Цунц был полемистом. Подобно часовому на крепостной стене, он зорко наблюдал за окрестностями. Пусть правитель, государственный деятель или ученый угрожал евреям несправедливостью, и он сразу же атаковал врага оружием сатиры и науки. Можно предположить, что распоряжение кабинета министров, запрещающее проповеди на немецком языке в синагоге и, таким образом, сдерживающее амбиции его юности, пробудило решимость проследить развитие проповеди среди евреев и показать, что тысячи лет назад в молитвенных залах Иудеи забил источник религиозного обучения, и с тех пор он никогда не иссякал, его богатые воды изливались в популярный мидраш, хранилище малоизвестных, неоцененных сокровищ знаний и опыта, накопленных в течение многих веков.

В предисловии к этой книге демократ Зунц говорит, что для своих братьев по вере он требует от европейских держав "не прав и вольностей, а права и свободы. Глубокий стыд должен покрывать щеки того, кто посредством патента на благородство, даруемого фаворитизмом, желает возвыситься над своими *единоверцами*, в то время как закон страны клеймит его, отводя ему место среди низших из его *сограждан*. Только в правах, общих для всех граждан, мы можем найти удовлетворение; только в неоспоримом равенстве - конце нашей боли. Свобода, освобождающая руку от оков языка; терпимость, радующая не нашим прогрессом, а нашим упадком; гражданство, обещающее защиту без чести, налагающее бремя, не открывающее перспектив продвижения; всем им, по моему мнению, не хватает любви и справедливости, и такие пагубные элементы в политическом организме неизбежно порождают заразные болезни, поражающие все в целом и каждую его часть".

Зунц видит связь между гражданскими недостатками евреев и их пренебрежением еврейской наукой и литературой. Непринужденную, поучительную речь он считает самым надежным оружием. Следовательно, проповеди евреев кажутся ему достойными и нуждающимися в историческом исследовании, и результаты его исследования их происхождения, развития и использования со времен Ездры до наших дней изложены в этом эпохальном труде.

Закон, запрещающий евреям носить немецкие имена, спровоцировал появление знаменитой и влиятельной небольшой книги Зунца "Имена евреев", как и большинства его более поздних работ, полемического характера, в этом отношении они напоминают одну из работ Лессинга.

В пылу юности Цунц нес знамя реформы; в зрелом возрасте он убедился, что молодое поколение иконоборцев далеко ушло от идеальной цели реформаторского движения, которую лелеял в своих видениях. Подобно тому, как он защищал древность и священное применение немецкой проповеди от нападок ортодоксов, так и для пользы и наставления радикальных реформаторов он разъяснял ценность и важность еврейской литургии в глубоких трудах, которые появились в течение десяти лет, кристаллизовав результаты полувекового сурового применения. Они завершали симметрию его духовной деятельности. Ибо, когда поток мидрашистского вдохновения иссяк, *пиут*— синагогальная поэзия - утвердился, и переход от одного к другому был активным принципом неоеврейской литературы более тысячи лет. Живительные симпатии Цунца связывают старое и новое в удивительно прочную историческую нить. Нигде гармония и непрерывность еврейского литературного развития не нашли такого

адекватного выражения, как в его *Synagogale Poesie des Mittelalters* ("Синагогальная поэзия средневековья", 1855), *Ritus des synagogalen Gottesdienstes* ("Ритуал синагоги", 1859) и *Litteraturgeschichte der synagogalen Poesie* ("История синагогальной поэзии", 1864), краеугольном камне его литературных начинаний.

По его мнению, единственная защита от ошибок заключается в стремлении к науке, причем не к науке о пустяках, а к науке, находящейся в тесном контакте с изобилием жизни, регулируемой возвышенными принципами и преображенной идеальными надеждами. Он верил, что проповеди и молитвы в гармоничной взаимосвязи, [94] позволят какому-то будущему поколению насладиться плодами прогрессивной, рациональной политики, и вполне естественно, что наука и поэзия должны быть пронизаны идеями, служащими продвижению такой политики. На образование возложена задача формировать просвещенные умы, способные мыслить правильно, и теплые, полные энтузиазма сердца, способные совершать похвальные поступки. Ибо, после всего сказанного и сделанного, благополучие сообщества может вырасти только из интеллекта и нравственной жизни каждого члена. Каждый человек, стремящийся постичь гармонию человеческого и божественного элементов, достигает членства в божественном завете. Божественное является целью всех наших мыслей, действий, чувств и надежд. Это придает нашей жизни достоинство и создает моральную основу для наших отношений друг с другом. Что ж, тогда давайте надеяться на искупление — на всеобщее признание формы правления, при которой уважаются права человека. Тогда свободные граждане будут приветствовать евреев как братьев, и человечество вознесет молитвы за Израиль".

Это образцы мыслей, лежащих в основе великих произведений Цунца, а также его многочисленных более мелких, хотя и не менее важных произведений: биографических и критических эссе, юридических заключений, очерков по истории литературы, рецензий, научных исследований, полемических и литературных фрагментов, собранных в его работе *Zur Geschichte und Litteratur* ("Вклад в историю и литературу", 1873) и в трех томах собрания сочинений. С момента публикации своей "Истории синагогальной поэзии" Зунц писал лишь в редких случаях. Его предпоследней работой был "Немецкий обзор" (1872) о немецком языке и немецком интеллекте, а его последний, острый и либеральный вклад в библейскую критику ("*Studie zur Bibelkritik*", 1874), опубликованный в "Журнале немецкого моргенштерновского общества" в Лейпциге. С тех пор, когда умерла его любимая жена Адельхайд Цунц, самая верная помощница, друг, советчик и опора, он хранил молчание.

Зунцу перевалило за семьдесят, когда появилась его "История синагогальной поэзии". Он мог позволить себе предаться заслуженному отдыху и с высоты своего возраста наблюдать за бурной деятельностью нового поколения друзей и учеников в некогда заброшенной области еврейской науки.

Часто, когда дело религии и гражданской свободы сталкивалось с трудностями в том или ином месте, в течение тех долгих лет, когда он стоял в стороне от суеты жизни, просто наблюдая, он не отчаивался; он продолжал неустрашимо надеяться. Под своей фотографией он написал поучительно: "Мысль достаточно сильна, чтобы победить высокомерие и несправедливость, не прибегая к высокомерию и несправедливости".

Жизнь и творчество Цунца имеют неисчислимое значение для нынешнего века и будущих поколений. Орлиным зрением он обозревал всю область еврейской учености и прослеживал линии ее развития. Как конструктивный, так и критический, он возвел широко разрозненные

фрагменты в ранг литературы, которая вполне может претендовать на место рядом с литературами других народов. Наделенный редкой силой характера, он оставался непоколебимо верен вере своих предков, "возвышенному увлечению своей души" — образцу для трех поколений. Еврейская литература обязана ему научным стилем. Он писал эпиграмматические, язвительные, проницательные немецкие произведения, стимулирующие и наводящие на размышления, такие, какие использовал Лессинг. Реформаторское движение он поддерживал как законное развитие иудаизма в историческом русле. С другой стороны, он воспитывал верность иудаизму, доходчиво рассказывая молодому Израилю о ценности своей веры, своего интеллектуального наследия и сокровищ своей поэзии. Таким образом, Зунц является инициатором важного этапа в нашем развитии, произведшего как среди своих приверженцев, так и среди аутсайдеров полную революцию в оценке иудаизма, его религиозных и интеллектуальных аспектов. Вместе с самопознанием он учил своих братьев самоуважению. Короче говоря, он был ясным мыслителем и острым критиком; немцем, глубоко привязанным к своей любимой стране и полностью убежденным в превосходстве немецкого разума; в то же время горячим приверженцем иудаизма, проникнутым духом пророков, силой еврейских героев и мучеников, которые пожертвовали жизнью за свои убеждения и умирающими устами произнесли древнее признание: "Услышь, о Израиль, Господа, нашего Бога, Господь един!"

Его имя - неизменное достояние нашей нации; оно не изгладится из нашей памяти. "Спокойной ночи, мой принц! О, если бы ангельские хоры могли убаюкать твой сон!"

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ И ИУДАИЗМ

Я

Ни один современный поэт не вызывал столько дискуссий, как Генрих Гейне. Его работы известны повсюду, и цитаты из них — великолепные бабочки, жалящие мошки, жужжащие пчелы — со свистом носятся в воздухе нашего века. Они являются *основным элементом* современной жизни во всех ее настроениях и вариациях.

Это высокое отношение - недавнее явление. За последние тридцать лет общественное мнение полностью изменилось. Вскоре после смерти поэта им полностью пренебрегли. *Augsburger Allgemeine Zeitung*, колонки которой на протяжении десятилетий пополнялись его публикациями, потребовалось три месяца, чтобы опубликовать небольшую заметку с некрологом. Затем последовал период язвительного принижения; наконец, пришла сердечная признательность.

Растет убеждение, что в Гейне немецкая нация должна почитать своего величайшего поэта-лирика со времен Гете, и по мере того, как время удаляет его от нас, низменные черты его характера отходят на задний план, его личность теряется из виду, а его поэзия становится предметом первостепенного внимания.

Какова позиция иудаизма? Признает ли он Гейне своим сыном? Склонно ли оно принять *sum beneficio inventarii* наследство, которое он ему завещал? Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны рассмотреть жизнь Гейне, его отношение к иудаизму, его взгляды на еврейские темы и качества, которые доказывают, что он унаследовал особенности еврейской расы.

Семья Гейне была еврейской. По отцовской линии это можно проследить до Мейера Самсона Поперта и Фромета Хекшера из Альтоны; по материнской линии еще дальше - до Исаака ван Гельдерна, который эмигрировал примерно в 1700 году из Голландии в герцогство Юлих-Берг. Он и его сын Лазарус ван Гелдерн были важными людьми в Дюссельдорфе, а другие его сыновья, Симон и Готтшалк, были известны и уважаемы за пределами своего города. Симон ван Гелдерн был автором "Израильтян на горе Хорив", дидактической поэмы на английском языке, а во время своего путешествия на Восток он вел дневник на иврите, который можно увидеть до сих пор. Его младший брат Готтшалк был выдающимся врачом и занимал высокое положение в еврейских общинах герцогств Юлих и Берг. Говорят, что он заботился о благополучии своих братьев по вере, "как отец заботится о своих детях". Его единственная дочь Бетти (Пайерше) ван Гельдерн, по настоянию своей семьи и повинаясь побуждениям собственного сердца, вышла замуж за Самсона Гейне и стала матерью поэта. Сам Гейне много писал о своей семье,^[95] особенно о брате его матери. О своем деде по отцовской линии он знал только то, что рассказывал ему отец, а именно, что он был "маленьким евреем с большой бородой". В целом его образование было строго религиозным, но оно было запятнано прискорбной непоследовательностью, столь часто встречающейся в еврейских семьях. Сами невнимательные к религиозным церемониям, родители требуют от своих детей скрупулезного соблюдения мельчайших предписаний. Самсон Гейне был одним из евреев, с которыми часто встречались в начале этого столетия, который, не обладая подлинной культурой, подхватил некоторые энциклопедические фразы, которыми была насыщена атмосфера того периода. Гейне описывает необычайную жизнерадостность своего отца: "Всегда лазурная безмятежность и фанфары хорошего настроения". Характерен упрек, который он адресовал своему сыну, когда последнего обвинили в атеизме: "Дорогой сын! Твоя мать обучает тебя философии у ректора Шалмейера — это ее дело. Что касается меня, то я не питаю любви к философии; это не что иное, как суеверие. Я торговец, и для моего бизнеса нужны все мои способности. Вы можете философствовать сколько угодно, только, умоляю вас, никому не говорите о том, что вы думаете. Моему бизнесу повредит, если люди узнают, что мой сын не верит в Бога. В частности, евреи перестали бы покупать у меня бархат, а они честный народ и платят быстро. И они правы, цепляясь за религию. Будучи твоим отцом, следовательно, старше тебя, я более опытен, и ты можешь поверить мне на слово, что атеизм - великий грех".

Два случая, рассказанные Джозефом Нойнцигом, одним из его товарищей по играм, показывают, насколько строго Гарри был вынужден соблюдать религиозные обряды в доме своего отца. В субботу дети гуляли, как вдруг вспыхнул пожар. К горящему дому с грохотом подъехали огнетушители, но поскольку пламя быстро распространялось, всем прохожим было приказано встать в ряд с пожарными. Гарри наотрез отказался помочь: "Я не могу этого сделать и не буду, потому что сегодня *суббота*". Но в другой раз, когда дело пошло вразрез с его желаниями, восьмилетнему мальчику удалось обойти Закон. Он играл со своими одноклассниками перед соседским домом. Две сочные виноградные грозди свисали с беседки почти до земли. Дети заметили их и с тоской в глазах прошли дальше. Только Гарри остановился перед виноградом. Внезапно запрыгнув на беседку, он откусил от грозди одну виноградину за другой. "Рыжий Гарри!" - в ужасе воскликнули дети. "Что ты делаешь?" "Ничего страшного", - сказал маленький плут. "Нам запрещено ощипывать их руками, но в законе ничего не говорится о том, чтобы кусать и есть". Его образование не было равномерным и не было методичным. Чрезвычайно снисходительные к себе, родители были чрезвычайно суровы в обращении со своими детьми. Так возникли противоречия в характере поэта. Он один из тех, для кого религия

детства - горько-сладкое воспоминание до конца дней. Еврейские симпатии были его неотъемлемым наследием, и с этой точки зрения следует рассматривать его жизнь.

Мать поэта отличалась от его отца. Как и большинство евреев рейнских провинций, его отец приветствовал Наполеона, первого законодателя, установившего равенство между евреями и христианами, как спасителя. Его мать, с другой стороны, была хорошей немецкой патриоткой и культурной женщиной, которая оказала немалое влияние на сердце и разум своего сына. Гейне называет ее ученицей Руссо, а его брат Максимилиан говорит нам, что Гете был ее любимым писателем.

Сначала Ринтельсон учил мальчика в еврейской школе, но его знания иврита, по-видимому, были очень ограниченными. Интересным фактом является то, что его первое стихотворение "Валтасар", которое, по его словам, он написал в возрасте шестнадцати лет, было вдохновлено верой его детства и основано на еврейской истории. Ближе к концу своей жизни он сказал другу:[96] "Знаешь, что меня вдохновило? Несколько слов из еврейского гимна *"Вайхи бехацци халайла"*, который, как вы знаете, исполнялся в первые два вечера Песаха. Этот гимн посвящен всем знаменательным событиям в истории евреев, которые произошли в полночь; среди них смерть вавилонского тирана, схваченного ночью за осквернение священных сосудов Храма. Процитированные слова являются рефреном гимна, который является частью Агады, любопытной смеси легенд и песен, декламируемых благочестивыми евреями *наседере*". Да, пасхальноеобратство, *Седер*, осталось в памяти поэта до дня его смерти. Он описывает это еще позже в одном из своих лучших произведений:[97] "Это вечернее богослужение нежно-грустное, радостное, серьезное, спортивное и по-эльфийски таинственное, а традиционное песнопение, с которым глава семьи читает Агаду, слушатели иногда присоединяются хором, волнующе нежное, успокаивающее, как материнское пение". колыбельная, но стремительная и вдохновляющая, так что евреи, которые давно отошли от веры своих отцов и стремились к радостям и достоинствам чужеземцев, даже они волнуются в глубине души, когда старые, знакомые звуки Песаха случайно достигают их ушей".

У моего уважаемого друга раввина доктора Франка из Кельна есть прекрасно иллюстрированная Агада, некогда семейная реликвия семьи Ван Гельдерн, и не исключено, что именно из этой художественной книги Генрих Гейне задал *Мах ништанна*, традиционный вопрос *седера*.

Гейне ушел из дома очень молодым, и всем известно, что он был учеником торговца во Франкфурте и что доброта его дяди Соломона позволила ему посвятить себя юриспруденции. Но это, имеющее важное отношение к нашей теме, не является общеизвестным фактом: *всегда и везде, особенно когда Гейне меньше всего общался с евреями, еврейские элементы занимают наиболее заметное место в жизни Гейне.*

Веселый, беззаботный студент, он прибыл в Берлин в 1821 году. Любопытное зрелище представляет собой еврейский Берлин того времени, в котором доминируют *салонные* женщины, чей такт и искрометное остроумие сделали их центром общества в целом. Традиции Рахели Левин, Генриетты Герц и других умных женщин все еще сохраняли свое влияние. Но государство пресекало все попытки провести реформы в иудаизме. Две великие партии противостояли друг другу более непримиримо, чем когда-либо, одна цеплялась за старое, другая стремилась к новому. Из пролома вовремя вырвалось спасение. В первой четверти нашего столетия более трех четвертей еврейского населения Берлина приняли

господствующую веру. Это был новый, мятежный элемент, с которым столкнулся молодой Гейне. Его интересная личность привлекла всеобщее внимание. Все круги приветствовали его. *Салоны* делали все возможное, чтобы сделать его одним из своих почитателей. Романтические студенческие клубы при винных лавках Латтера и Вегенера не оставили без внимания ничего, что могло бы заманить его на их ночные кутежи. Даже философ Гегель проявил к нему заметный интерес. Чьим соблазнам он поддается? Подобно своему великому предку, он отправляется к "своим братьям, томящимся в плену". Некоторые из его молодых друзей, Эдвард Ганс, Леопольд Цунц и Мозес Мозер, основали "Общество еврейской культуры и науки" с центром в Берлине, и Генрих Гейне стал одним из его самых активных членов. Он несколько часов в неделю обучал бедных еврейских мальчиков из Познани в школе, созданной обществом, и все возникающие вопросы интересовали его. Йозеф Леманн с удовольствием неоднократно рассказывал, с какой серьезностью Гейне отнесся к рецензии, которую он взялся написать на сборник немецких молитвенников для еврейских женщин.

К берлинскому периоду относится его *Альмансор*, драматическая поэма, подвергшаяся самой противоречивой критике. На мой взгляд, ее обычно неправильно понимали. *Альмансор* понятен только в том случае, если рассматривать его с еврейской точки зрения, и тогда он воспринимается как гимн мести, который поют угнетенные иудаизмом. Замените имена обращенного берлинского банкира и его жены на "Али" и "Сулейма", Берлин при Фридрихе Вильгельме III. для "Сарагосы" берлинский Тиргартен для "Леса", и сатира раскрывается. Следующий отрывок характерен для всего стихотворения:[\[98\]](#)

"Не ходи в замок Али! Беги из
этого пагубного дома, где рождается новая вера.
С медоточивыми нотками там твое сердце
Вырывается из глубин твоей груди,
Вместо этого тебе дарована змея.
На твою бедную голову
льются горячие капли свинца, и никогда больше твой мозг
От сводящей с ума боли не избавится.
Ты должен принять другое имя,
Чтобы,
если твой ангел предупредит тебя,
И назовет тебя твоим старым именем, Он взывал напрасно"....,

Таковы были взгляды Гейне в то время, и с ними он отправился в Геттинген. Там, хотя еврейское общество полностью отсутствовало, а переписка с его берлинскими друзьями была отрывочной, его еврейские интересы стали сильнее, чем когда-либо. Там, вдохновленный гениальностью еврейской истории, он сочинил своего *рабби фон Бахараха*, произведение, которое, по его собственному признанию, он лелеял с невыразимой любовью и которое, как он наивно надеялся, "станет бессмертной книгой, неугасимым светильником в куполе Божьем". И снова обращение евреев, животрепещущий вопрос дня, было выдвинуто на первый план. Решение Гейне выходит за рамки придираков просвещенных. Поистине замечательны слова, которыми Сара, прекрасная еврейка, отказывается от услуг галантного рыцаря:[\[99\]](#)

"Благородный сэр! Если бы ты был моим рыцарем, то тебе пришлось бы встретиться с нациями в бою, в котором можно добиться небольшой похвалы и еще меньшего почета. И если у тебя

хватит безрассудства надеть мои цвета, то ты должен пришить желтые круги к своей мантии или повязать на грудь шарф в синюю полоску. Ибо это мои цвета, цвета моего дома по имени Израиль, несчастного дома, над которым дети фортуны насмеются на больших и закоулочных дорогах".

Еще одна иллюстрация взглядов Гейне в тот период его жизни, и с этими взглядами он однажды отправился в соседний город Хайлигенштадт — креститься.

Кто может проникнуть в глубины души поэта? Кто может угадать, о чем думал Гейне, каковы были его надежды, когда он сделал этот шаг? Его письма и признания того периода необходимо прочитать, чтобы получить представление о его внутреннем мире. Однажды он написал Мозеру, которому поделился своими самыми сокровенными мыслями:^[100] "Упоминание Японии напомнило мне порекомендовать вам "Путешествие в Японию" Головнина. Возможно, я смогу прислать вам сегодня стихотворение от *раввина*, при написании которого меня, к сожалению, снова прервали. Я прошу вас никому не говорить об этом стихотворении или о том, что я рассказываю вам о своих личных делах. Молодого испанца, в душе еврея, соблазняет к крещению высокомерие, порожденное роскошью. Он посылает перевод арабского стихотворения молодому Иегуде Абарбанелю, с которым переписывается. Возможно, он боится прямо признаться своему другу в поступке, который вряд ли можно назвать достойным восхищения.... Умоляю, не думай об этом".

А стихотворение? Оно такое:

ЭДОМУ

"Каждый с каждым терпел
Дольше тысячи лет —
Ты терпишь мое дыхание,
я спокойно слышу твой бред.

Только иногда, в темноте,
у тебя возникали странные ощущения,
И твои лапы, ласковые, нежные,
становились пунцовыми от моей насыщенной крови.

Теперь наша дружба становится все крепче,
С каждым днем продолжает расти.
Я сам склоняюсь к безумию,
Скоро, с верой, я стану твоей парой".

Несколько недель спустя он пишет Мозеру с еще большей горечью: "Я не знаю, что сказать. Козн уверяет меня, что Ганс проповедует христианство и пытается обратить детей Израиля. Если это убеждение, то он дурак; если лицемерие, то лжец. Я не перестану любить его, но признаюсь, что мне было бы приятнее услышать, что Ганс воровал серебряные ложки. Я не могу поверить, что вы, дорогой Мозер, разделяете мнение Ганса, хотя Козн уверяет меня в этом и говорит, что вы сами сказали ему об этом. Мне было бы жаль, если бы мое собственное крещение произвело на вас более благоприятное впечатление. Даю вам слово чести — если бы

наши законы разрешали кражу серебряных ложек, я бы не крестился". Снова он скорбно пишет: "Как, согласно Солону, ни один человек не может быть назван счастливым, так и никто не должен быть назван честным до своей смерти. Я рад, что Дэвид Фридлиндер и Бендавид состарились и скоро умрут. Тогда мы будем уверены в них, и упрек в том, что у нас не было ни одного безупречного представителя, не может быть приложен к нашему времени. Простите мое дурное настроение. Это направлено в основном против меня самого".

"На какой верной основе зиждется миф о странствующем еврее!" - пишет он в другом письме. "В уединенной лесистой долине мать рассказывает своим детям страшную историю. Охваченные ужасом малыши жмутся поближе к очагу. Наступает ночь ... фореитор трубит в рог ... Еврей-торговцы едут на ярмарку в Лейпциг. Мы, герои легенды, не осознаем своей роли в этом. Белую бороду, кончики которой время омолодило, не сможет удалить ни один парикмахер". В те дни он написал следующее стихотворение, опубликованное посмертно:[\[101\]](#)

ОТСТУПНИКУ

"Клянусь священным пламенем юности!
О! как быстро он сгорает!
Теперь, когда твоя разгоряченная кровь укротилась,
Ты соглашаешься любить своего врага!

И ты смиренно пресмыкаешься
Перед крестом, который ты отвергла;
Который не так давно
Ты хотела сокрушить и сжечь.

Тьфу! это из нерассказанных книг —
Есть Шлегель, Халлер, Берк —
Вчера отважный герой,
Сегодня ты творишь негодяйскую работу".

Обычное объяснение официального принятия Гейне христианства заключается в том, что он хотел получить правительственный пост в Пруссии и стать независимым от своего богатого дяди. Поскольку ничего другого не предлагается само собой, мы вынуждены принять это как правильное. Ему было суждено быстро осознать, что крещением он ничего не приобрел. Через несколько недель после переезда в Гамбург он написал: "Я раскаиваюсь в том, что принял крещение. Я не вижу, чтобы мое положение улучшилось. Напротив, у меня не было ничего, кроме разочарования и невезения". Несмотря на его крещение, враги называли его "евреем", и в глубине души он так и не стал христианином.

В те дни в Гамбурге Гейне неоднократно оказывался втянутым в конфликт между реформой и ортодоксией, между Храмом и синагогой. Его дядя Соломон Гейне был горячим сторонником Храма, но Гейне, со свойственной ему непоследовательностью, больше восхищался старой строгой раввинской системой, чем современным реформаторским движением, которое часто вызывало его насмешки. Тем не менее, по сути, его интерес к последнему был силен, поскольку он продолжал проявляться также в берлинском образовательном обществе и его "Научном

журнале иудаизма", из которого, однако, вышло всего три номера. Однажды он написал из Гамбурга своему другу Мозеру: "В прошлую субботу я был в Храме и имел удовольствие собственными ушами услышать, как доктор Саломон ругает крещеных евреев и намекает, что они склоняются к измене религии своих отцов только в надежде на возвышение. Уверяю вас, проповедь была хорошей, и когда-нибудь я намерен навестить этого человека. Козн делает великодушный поступок с моей стороны. Я обедаю с ним *в субботу*; он кладет мне на голову огненный *кугель*, и я с раскаянием ем священное национальное блюдо, которое сделало для сохранения иудаизма больше, чем все три номера Журнала. Безусловно, он продавался лучше. Если бы у меня было время, я бы написала миленькое еврейское письмо миссис Зунц. Я становлюсь чистокровным христианином; я наживаюсь на богатых евреях".

Те, кто не находит в этом письме ничего, кроме насмешки, не понимают Гейне. В нем сквозит горькая нотка отвращения, беспощадного самобичевания - чувства, которые диктуют шутки и обвинения его *Райзебилдера*. Это был период лучших творений Гейне, ибо именно так следует рассматривать его "Книгу песен", "Книгу преданий" и его *"Райзебильтера"*. Внезапным прыжком он достиг величия и популярности.

Читатель может попросить меня указать в этих произведениях на черты, которые следует воспринимать как выражение гениальности еврейской расы. Чтобы понять нашего поэта, мы должны иметь в виду, что *Генрих Гейне был евреем, родившимся во времена романтизма в городке на Рейне*. Его интеллект и чувственность еврейского происхождения сочетались с рейнской фантазией и беспечностью, и над этими качествами рассеивался бледный лунный свет романтизма.

Наиболее примечательной характеристикой его произведений, прозы и стихов, является его необычайная субъективность, выдвигающая *эго* поэта на передний план. Легкими, изящными прикосновениями он демонстрирует возможность безудержного самовыражения в художественном облике. Смелость и энергия, с которыми "он озвучил свое скрытое я", были настолько новыми, настолько удивительными, что его мелодии сразу же вызвали эхо. Эта субъективность - его еврейское право по рождению. Это укоренившаяся в Израиле воинственность, более тысячи лет являющаяся гением его литературы, которая повсюду обнаруживает склонность к резким контрастам и усеяна безошибочными проявлениями сильной индивидуальности. В силу своей субъективности, которая никогда не позволяет ему безоговорочно сдаться, еврей устанавливает связь между своим *эго* и любым предметом, о котором он говорит. "Он не тонет в своей собственной личности и не теряется в глубинах космоса, не блуждает туда-сюда в безграничном пространстве мира мысли. Он ныряет вниз, чтобы поискать жемчуг на дне моря, или поднимается ввысь, чтобы увидеть все с высоты птичьего полета. Мир окружает его, как часовой механизм заключен в футляр. Его *эго* - это молоток, и он не издает звука, пока, ритмично раскачиваясь, сам не касается боков, то мягко, то смело ". Не довольствуясь уступкой авторитету, который подавил бы его свободу действий, он путешествует по миру и заставляет его способствовать развитию своей энергичной натуры. Гейне унаследовал эти особенности своей расы — благородные черты, проистекающие из ярко выраженной индивидуальности, ее борозды, углубленные тысячелетним мученичеством, а также мелкие недостатки, вытекающие из чрезмерного самосознания; которые снабдили противников евреев текстами и оружием.

Эта субъективность, прослеживаемая в его языке и в его древней литературе, как раз и делает еврея непригодным для объективного философского исследования. Более того, это ответственно за ту энергичную самоутвержденность, для обозначения которой в арамейском языке появилось слово *chutsra*, лишь частично переводимое как высокомерие. Возможно, это корень другого качества, которым Гейне обязан своему еврейскому происхождению — остроумию. Искрометность Гейне состоит из ряда элементов — английского юмора, французского блеска, немецкой иронии и еврейского остроумия, все из которых, за исключением последнего, были проанализированы критиками. Склонность к порицанию, критике и обсуждению сопутствует острому интеллекту, склонному к тщательному изучению и анализу. Из жизнерадостности еврейского характера и силы еврейской субъективности возникло еврейское остроумие, первые проявления которого можно проследить в Талмуде и мидраше. Его призывы обращены как к воображению, так и к сердцу. Он наслаждается антитезой и, как было сказано выше, тесно связан с еврейской субъективностью. Его отличительной чертой является желание признать свое превосходство, не задевая чувствительных людей, и объяснение его особенности можно найти в печальной судьбе евреев. Герои трагедий Шекспира полны иронии. Неистовство на самом безумном уровне выливается в веселые остроты и презрительный смех. Так было и с евреями. Волны угнетения, вечно захлестывающие их, натянули их нервы до предела. Мир был враждебно закрыт для них. Им ничего не оставалось делать, кроме как смеяться — смеяться с наигранным весельем из-за тюремной решетки и из глубины своего душераздирающего смирения. Жалобы можно было подавить, но никто не мог запретить им смеяться, каким бы ужасным это ни было. М. Г. Сапфир, один из лучших представителей еврейского остроумия, справедливо сказал: "Евреи завладели оружием остроумия, поскольку им было запрещено использовать любой другой вид оружия". Какую бы обиденную жизнь ни предлагала им средневековье, им приходилось подчиняться скальпелю их остроумия.

Как правило, еврейское остроумие проистекает из живого понимания того, что гениально. Серьезное начало внезапно принимает веселый, шуточный оборот, порождая в элегических пассажах Гейне диссонирующие окончания, столь шокирующие чувствительные натуры. Но было бы несправедливо по отношению к поэту приписывать эти быстрые переходы тщеславной фантазии художника. Его сатира направлена против идеалов его поколения, а не против самого идеала. Резкие, диссонирующие ноты не выражают истинного характера поэта. Это преувеличенное романтическое чувство, для которого он сам, ведомый инстинктивно чистым представлением о добре и прекрасном, которое в равной степени противостоит болезненной сентиментальности и резкому диссонансу, искал выход в иронии.

Юмор Гейне, как я упоминал выше, проистекает из его признания трагедии жизни. Это выражение непримиримого различия между реальным и идеальным, восприятия того, что мир, несмотря на его величие и красоту, является миром безумия и противоречий; что все существующее и сформированное несет в себе зародыш смерти и разложения; что сам Господь всего творения - всего лишь волан непреодолимой, абсолютной силы, заставляющей безоговорочно сдаться субъекта и объекта.

Таким образом, юмор вырастает из созерцания трагедии жизни. Но этим дело не ограничивается. Если мир так жалок, так хрупок, он не стоит и слезинки, не стоит ненависти или презрения. Единственный разумный выход - принять это таким, какое оно есть, как ничто, абсолютное противоречие, вызывающее насмешки. В этот момент ощущение трагедии

трансформируется в демоническое ликование. Это состояние больше не является постоянным. Юморист слишком импульсивен, чтобы принять его как окончательное. Более того, он чувствует, что вместе с миром уничтожил самого себя. В призрачном царстве, в которое он превратил мир, его смех отдается призрачной пустотой. Признавая, что мир значил для него больше, чем он был готов признать, и что кроме него у него нет другого существования, он снова уступает ему и принимает его с возросшей страстью и пылом. Но едва совершилось возвращение, едва он начал осознавать красоту и совершенство мира, как грусть, страдание, боль и пытка дают о себе знать, и им овладевает старое всепоглощающее ощущение жизненной трагедии. Этому ходу мыслей, ясно различимому в стихотворениях Гейне, он также обязан своему происхождению. Человек, склонный к подобным размышлениям, естественно, ищет поэтического утешения в *Вельчмерце*, который, как всем известно, является еще одной семейной реликвией его расы.

Это наиболее важные характеристики, некоторые из которых достойны восхищения, некоторые достойны порицания, которые Гейне унаследовал от своей расы, и именно они настроили против него противников, одним из самых интересных и выдающихся среди которых является немецкий философ Артур Шопенгауэр. Два его мнения о Гейне, высказанные почти в одно и то же время, типичны для антагонизма, вызванного поэтом. В своей книге "Мир как воля и идея", [102] он пишет: "Гейне - настоящий юморист в своем *романе Зеро*. За всеми его колкостями и насмешками скрывается глубокая серьезность, о которой *стыдно* говорить откровенно". В то же время он пишет в своем дневнике, опубликованном посмертно: "Несмотря на то, что Гейне был шутком, у него был гений, и отличительный признак гения - простодушие. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что его простодушие коренится в еврейском бесстыдстве, ибо он тоже принадлежит к нации, о которой Риммер говорит, что она не знает ни стыда, ни горя".

Противоречие между двумя суждениями слишком очевидно, чтобы нуждаться в объяснении; это интересная иллюстрация распространенного опыта, когда критики сбиваются с пути, имея дело с Гейне.

II

Когда, по выражению Гейне, "великая рука заботливо поманила его", он в расцвете сил покинул свое немецкое отечество и отправился в Париж. В его дружеской атмосфере он чувствовал себя более комфортно, более свободно, чем в своем собственном доме, где еврей, писатель, либерал сталкивался только с предрассудками. Переезд в Париж был неблагоприятной переменной для поэта, и то, что он оставался там до конца, еще меньше способствовало его удаче. Он много дал Франции, а Париж за свою жизнь мало что сделал для погашения долга. Очарование, оказываемое "Вавилоном на Сене" на каждого незнакомца, разрушало его характер и его работу и дает нам единственный критерий до конца его дней. И все же, несмотря на его преданность Парижу, тоска по дому, тоска по Германии отныне были доминирующей нотой его произведений. В то время Гейне считал иудаизм "давно проигранным делом". Философские демонстрации Гегеля и его учеников лишили его представления о Боге иудаизма; его знания о доктринальном иудаизме были минимальными; а его острое расовое чувство, его исторический инстинкт были оттеснены на задний план другими симпатиями и антипатиями. В то время он размышлял о давно вынашиваемой идее о том, что людей можно разделить на *эллинистов* и *назарян*. Себя, например, он считал упитанным эллинистом, в то время как Берне

был назарянином, аскетом. Интересно и имеет отношение к нашей теме, что большинство вердиктов, взглядов и острот, которые Гейне высказывает в адрес Берне в знаменитом воображаемом разговоре на Франкфуртской *Юденгассе*, возможно, были произнесены самим Гейне. На самом деле, многие из них частично повторяются теми же или похожими словами в записях, найденных после его смерти.

Этот разговор представлен как состоявшийся во время праздника *Ханука*. Гейне, который, как было сказано выше, в то время получал удовольствие, изображая эллиниста, просит Берне объяснить ему, что этот праздник был учрежден в ознаменование победы доблестных маккавеев над сирийским царем. Подробно рассказав о героизме маккавеев и трусости современных евреев, Берне говорит:[\[103\]](#)

"Крещение - обычай среди богатых евреев. Евангелие, тщетно возвещавшееся бедным Иудеи, теперь процветает среди богатых. Его принятие - самообман, если не ложь, и поскольку лицемерное христианство резко контрастирует с ветхим Адамом, который вскоре появится, эти люди подвергают себя беспощадным насмешкам. — На улицах Берлина я видел, как бывшие дочери Израиля носили на шеях кресты длиннее носа, доходящие до самой талии. Они несли евангелические молитвенники и обсуждали великолепную проповедь, только что услышанную в церкви Святой Троицы. Один спросил другую, куда она ходила на причастие, и все это время от них пахло. Еще более отвратительным было зрелище грязных, бородатых, вонючих польских евреев, родом из польской канализации, спасенных для рая Берлинским обществом обращения евреев и, в свою очередь, проповедующих христианство на своем неряшливом жаргоне. Таких польских паразитов, безусловно, следует крестить одеколоном, а не обычной водой".

Это следует воспринимать как выражение собственных чувств Гейне, которые ясно проявляются, когда, "стойко верный еврейским обычаям", он ест, "с хорошим аппетитом, да, с энтузиазмом, с преданностью, с убежденностью", *Шалет*, знаменитое еврейское блюдо, о котором он говорит: "Это блюдо восхитительно, и оно вызывает болезненное сожаление, что Церковь, обязанная иудаизму столькими хорошими вещами, не смогла представить *Шалет*. Это должно стать ее целью в будущем. Если когда-нибудь для нее настанут тяжелые времена, если когда-нибудь ее самые священные символы утратят свою силу, тогда Церковь прибегнет к *Шалет*, и неверующие народы бросятся в ее объятия с новым аппетитом. Во всяком случае, тогда евреи присоединятся к Церкви по убеждению, ибо ясно, что только *Шалет* удерживает их в ветхом завете. Берне уверяет меня, что отступники, принявшие новое устройство, чувствуют что-то вроде тоски по синагоге, стоит им только понюхать *Шалет*, так что *Шалет* можно назвать еврейским убежищем для вас".

Гейне забыл, что в другом месте он произнес эту остроту от своего имени. Он долго продолжал получать особое удовольствие от своего догматического разделения человечества на два класса: худых и толстых, или, скорее, на класс, который постоянно худеет, и класс, который, начиная со скромных размеров, постепенно достигает полноты. Слишком скоро поэт осознал радикальную ложность своего определения. Холодное февральское утро 1848 года принесло ему осознание своей роковой ошибки. Больной и измученный поэт совершал свою последнюю прогулку по бульварам, в то время как толпа сторонников революции хлынула на улицы Парижа. Наполовину ослепший, наполовину парализованный, тяжело опираясь на трость, он пытался выбраться из шумной толпы и, наконец, нашел убежище в Лувре, почти пустом в дни волнений.

С трудом он дотащился до зала богов и богинь древности и внезапно столкнулся лицом к лицу с идеалом красоты, улыбающейся, чарующей Венерой Милосской, чьи чары не поддались времени и увечьям. Удивленный, растроганный, почти испуганный, он, пошатываясь, опустился на стул, слезы, горячие и горькие, текли по его щекам. Улыбка блуждала на прекрасных губах богини, раздвинутых, словно от живого дыхания, а у ее ног корчилась несчастная жертва. Одно мгновение открыло мир страданий. Движимый сознанием своей участи, Гейне писал в своих "Признаниях": "В мае прошлого года я был вынужден лечь в постель, и с тех пор я не вставал. Я откровенно признаюсь, что тем временем во мне произошла большая перемена. Я больше не толстый эллинист, самый свободный человек со времен Гете, веселый, несколько тучный эллинист, презрительно улыбающийся худым евреям, — я всего лишь бедный еврей, смертельно больной, воплощение изможденной нищеты, несчастное существо".

Эта поразительная перемена совпала с первыми симптомами его болезни и не отставала от нее. Сдерживаемые силы веры давили на его постель; религиозные беседы, чтение Библии, воспоминания о его юности, о его друзьях-евреях почти полностью заполняли его время. Альфред Мейснер почерпнул много интересных сведений из своих бесед с поэтом. Например, однажды Гейне разражается словами:[104]

"Странные это люди! Угнетенный на протяжении тысячелетий, всегда плачущий, всегда страдающий, всегда покинутый своим Богом, но цепляющийся за Него цепко, преданно, как никто другой под солнцем. О, если мученичество, терпение и вера, несмотря на испытания, могут даровать патент благородства, то этот народ благороднее многих других. — Это было бы абсурдно и мелочно, если бы, как меня обвиняют люди, я стыдился того, что я еврей. И все же для меня было бы столь же нелепо называть себя евреем. — Как я инстинктивно бесконечно презираю все злое, устаревшее, абсурдное, фальшивое и нелепейшее, так и моя природа побуждает меня ценить возвышенное, восхищаться тем, что велико, и превозносить каждую живую силу ". Гейне говорил так много с глубокой серьезностью. В шутку он добавил: "Дорогой друг, если маленький Вейль посетит нас, у вас будет еще одно доказательство моего преклонения перед древним мозаизмом. Вайль раньше был регентом синагоги. У него звонкий тенор, и он поет песни иудиной пустыни в соответствии со старыми традициями, варьирующимися от простой монотонности до изобилия ветхозаветных интонаций. Моя жена, которая не имеет ни малейшего подозрения, что я еврей, немало удивлена этим своеобразным музыкальным воем, этой трелью и ритмикой. Когда Вайль запел в первый раз, пудель Минка забрался под диван, а попугай Кокотта попыталась задушить себя между прутьями своей клетки". М. Вейль, мсье Вейль! - в ужасе воскликнула Матильда, - прошу вас, не заходите в шутке слишком далеко." Но Вейль продолжал, и милая девушка повернулась ко мне и умоляюще спросила: "Анри, умоляю, скажите мне, что это за песни". "Это наши немецкиенародные песни", - сказала я, и я упрямо придерживалась этого объяснения".

Мейснер передает забавный разговор с мадам Матильдой о друзьях семьи, в которых первая по их особенностям признала евреев. - Что? - воскликнула Матильда. - Евреи? Они евреи? "Конечно, Александр Вейль еврей, он сам мне об этом сказал; почему он собирался стать раввином". "Но остальное, все остальное? Например, есть Абелес, это имя звучит так чисто по-немецки". "Скорее, оно звучит по-гречески", - ответил Мейснер. "И все же я осмеливаюсь настаивать, что в жилах нашего друга Абелеса так же мало немецкой, как и греческой крови". "Очень хорошо! Но Джейтели—Калиш—Бамберг - это тоже они.... О нет, вы ошибаетесь, ни один из них не еврей! - воскликнула Матильда. - Вам никогда не заставить меня в это поверить. Скоро

вы выдадите Кона за еврея. Но Кон состоит в родстве с Гейне, а Гейне - протестант". Так Мейснер выяснил, что Гейне никогда ничего не рассказывал своей жене о своем происхождении. Он серьезно ответил: "Вы правы. Что касается Кона, то я, конечно, ошибся. Кон, безусловно, не еврей".

Это просто шутки. На самом деле сообщения его друзей о религиозном отношении Гейне того периода представляют величайший интерес. Однажды он сказал Людвигу Калишу, который сказал ему, что весь мир взволнован его обращением:[105] "Я не делаю секрета из своей еврейской верности, к которой я не вернулся, потому что я никогда от нее не отказывался. Я не был крещен из отвращения к иудаизму, и мои исповедания атеизма никогда не были серьезными. Мои бывшие друзья, гегельянцы, оказались негодяями. Человеческие страдания слишком велики, чтобы люди могли обходиться без веры".

Наиболее полная картина превращения, более правдивая, чем любая из тех, что даны в письмах, отчетах или воспоминаниях, представлена в двух последних его постановках - "*Романцero*" и "*Исповеди*". Не может быть более точного описания обращения поэта, чем содержится в этих "признаниях". Во время болезни он искал облегчение от своих страданий — в Библии. С меланхолической улыбкой он мысленно вернулся к воспоминаниям своей юности, к героизму, лежащему в основе иудаизма. Утешения Псалмопевца, возвышающие принципы, изложенные в Пятикнижии, оказали на него сильное воздействие и наполнили его душу возвышенными мыслями, облеченными в слова в "*Исповеди*":[106] "Раньше я не испытывал особой привязанности к Моисею, вероятно, потому, что во мне доминировал эллинский дух, и я не мог простить еврейского законодателя за то, что он совершил грех". его нетерпимость к образам и всякого рода пластическим репрезентациям. Я не смог увидеть, что, несмотря на свое враждебное отношение к искусству, Моисес сам был великим художником, одаренным духом истинного художника. Только у него, как и у его соседей-египтян, художественный инстинкт проявлялся исключительно в колоссальном и нерушимом. Но в отличие от египтян он не лепил свои произведения искусства из кирпича или гранита. Его пирамиды были построены из людей, егоobelisks вытесаны из человеческого материала. Слабую расу пастухов он превратил в народ, бросающий вызов векам, — великий, вечный, святой народ, народ Божий, образец для всех других народов, прообраз человечества: он создал Израиль. С большей справедливостью, чем римский поэт, этот художник, сын Амрама и повитухи Иохаведы, мог похвастаться тем, что воздвиг памятник, более долговечный, чем медь.

Что касается художника, то мне не хватало благоговения перед его творчеством, евреями, несомненно, из-за моих греческих пристрастий, враждебных иудейскому аскетизму. С тех пор моя любовь к Элладе пошла на убыль. Теперь я понимаю, что греки были всего лишь красивыми юношами, в то время как евреи всегда были мужчинами, сильными, непреклонными людьми, не только в древности, но и сегодня, несмотря на восемнадцатистолетий преследований и страданий. Я научился ценить их, и если бы гордость за происхождение не была абсурдной для поборника революции и ее демократических принципов, автор этих листовок хвастался бы, что его предки принадлежали к благородному дому Израиля, что он потомок тех мучеников, которым мир обязан Богу и морали, и которые сражались и проливали кровь на каждом поле битвы мысли".

Ввиду таких признаний возвращение Гейне в иудаизм является несомненным фактом, и когда один из его друзей с тревогой спросил о его отношении к Богу, он вполне мог ответить с

улыбкой: *Прости меня, мой сын*. В те дни Гейне составил свое завещание, свое истинное, неподдельное завещание быть первым, кто опубликовал книгу, которую нынешний автор всегда будет считать отличием своей жизни. Вступление гласит: "Я умираю с верой в единого Бога, Творца неба и земли, о милосердии которого я молю от имени моей бессмертной души. Я сожалею, что в своих произведениях я иногда легкомысленно говорил о священных вещах, обусловленных не столько моей собственной склонностью, сколько духом моего времени. Если я невольно нарушил добрые обычаи и мораль, которые составляют истинную суть всех монотеистических религий, пусть Бог и люди простят меня".

С этим признанием на устах Гейне скончался, умерев в гуще битвы, и даже его гробницу преследовали духи антагонизма и противоречия....

"Греческая радость жизни, вера в еврейского Бога,
И вьющиеся, как арабески,
завитки плюща нежно обвивают их обоих".

В характере Гейне, безусловно, были резкие контрасты. Теперь мы видим его евреем, теперь христианином, теперь эллинистом, теперь романтиком; сегодня смеющимся, завтра плачущим, сегодня пророком современной эпохи, завтра защитником традиции. Кто знает этого человека? Но кто, вступив в заколдованный круг его жизни, сможет устоять перед искушением разгадать загадку?

Одно из самых известных его стихотворений - жалобное:

"Месса по мне не будет отслужена,
Кадош не будет произнесен,
Ничего не будет спето и ничего не будет прочитано
У моего смертного одра".

Пророчество поэта не сбылось. Поскольку эта дань уважения в духе была возложена на его могилу, тысячи людей всегда будут с добром вспоминать о нем, с нежностью вспоминая, как он боролся и страдал, боролся и стремился; как на заре нового дня, с энтузиазмом провозглашенного им, его дух устремился ввысь, в регионы, где сомнения рассеяны, надежды исполнены, а видения стали реальностью.

МУЗЫКА СИНАГОГИ [107]

Дамы и господа: Пусть эмоции, вызванные нотами великих мастеров, сейчас затихающими в эфире, продолжают звучать в ваших душах. Более убедительно и красноречиво, чем мои слабые слова, они выражают мысли и чувства, соответствующие этому торжественному случаю.

Такой праздник, как наш, редко отмечался в Израиле. Почти две тысячи лет муза еврейской мелодии молчала; в течение всего этого периода из неиспользуемой лиры редко извлекался новый аккорд. В Талмуде [108] есть причудливая история на эту тему: левит Хигрос, живший во времена упадка израильской национальности, был последним искусным музыкантом, и он отказался обучать своему искусству. Говорят, что когда он пел свои изысканные мелодии, прикасаясь ко рту большим пальцем и ударяя пальцами по струнам, его товарищи-священники,

захваченные магической силой его искусства, падали ниц и плакали. Под восточными атрибутами этой сказки скрывается глубокое сожаление по поводу упадка старой еврейской песни. Алтарь в Иерусалиме был разрушен, и песни Сиона, которые прежде исполняли левитские хоры под руководством Корахидов, больше не были слышны. Тишина не нарушалась до тех пор, пока в наши дни группа одаренных людей не сняла старые арфы с ивняка и снова не извлекла древние мелодии из их дрожащих струн.

На голову выше большинства реставраторов возвышается тот, в честь кого мы собрались, кому приносим приветствия и поздравления. В таком случае, герр Левандовски, я обращаюсь к вам, чтобы передать вам глубокую благодарность и сердечные пожелания ваших друзей, берлинской общины и, могу добавить, всего Израиля. Вас назначили для выполнения больших задач — большие задачи вы успешно выполнили. В то время, когда иудаизм находился в упадке, лишь едва различимые признаки обещали светлое будущее, Провидение послало вас занять должность гида в самой важной, самой большой и самой интеллигентной еврейской общине Германии. В течение пятидесяти лет ваше рвение, ваше усердие, ваша верность, ваша преданность, ваше искреннее почтение к нашему прошлому и ваши выдающиеся дары украшали наш офис. Если бы требовалось свидетельство о ваших дарах и характере, оно было бы дано сегодняшним празднованием, доказывающим, что ваши братья поняли основную мысль вашей деятельности, осознали ее значение для еврейского развития и оценили ее влияние.

Вы переделали богослужение в еврейской синагоге, добавив элементы набожности и святости. Под вашим прикосновением старые песни облеклись в современные одежды — новый ритм вибрирует в наших исторических мелодиях, более острая сила в знакомых словах, повышенное достоинство в любимых песнях. Два поколения и все части света прислушивались к вашей гармонии, откликаясь на нее слезами радости или печали, чувствами, поднимающимися из глубины сердца. Вашу музыку зачарованно слушали юноша и девушка в день объявления своей верности завету отцов; юноша и девушка в самый торжественный час жизни; мужчины и женщины во все священные моменты года, в дни траура и праздников.

Четверть века назад, когда вы праздновали окончание двадцати пяти лет полезной работы, здесь стоял лучший человек и говорил с вами. Леопольд Цунц по этому поводу сказал вам: "Старые мысли были преобразованы вами в современные эмоции, а долго хранившиеся слова, приправленные вашими мелодиями, стали вкусной едой".

Это ваша доля в возрождении еврейской поэзии, и то, что вы реанимировали, переделали и воссоздали заново, сохранится, отдаваясь эхом по всем землям. В тебе, Хигрос, Левит был возвращен нам. Но твои мелодии никогда не погрузятся в забвение. Почетная группа учеников перенесла их в далекие страны, за океан, в общины в отдаленных странах цивилизации. Таким образом, они стали вечным наследием конгрегации Иакова, народа, который всегда любил музыку и стремился к ней, и только самые страшные страдания смогли набросить покров молчания на песни и мелодию.

Священное Писание относит происхождение музыки к первобытным временам существования человека, в то же время кратко указывая на примиряющую силу музыки: это потомок Каина, братоубийца, сын Лемеха, убивший человека до собственной смерти, о котором говорят, что он "отец всех, кто играет на арфе и гитаре" (*Киннор* и *Угаб*). Другой из сыновей Лемеха был первым мастером по изготовлению всех изделий из меди и железа, изобретателем военного оружия,

подобно тому как первый был изобретателем струнных инструментов. Оба использовали духовые, один, чтобы петь, другой, чтобы сражаться. Таким образом, музыка возникла из печали и битвы. Песни и хороводы, тимпаны и арфа сопровождали наших предков в их странствиях и предшествовали вооруженным людям в битве. Так же приветствовали возвращающегося победителя, и в Храме на гребне Мориа радостные песни благодарности превозносили милость Господа. Из арфы вырвался псалом, посвященный славе Божьей — любовь к искусству породила псалтирь, сборник песен для народов, а его автора Давида можно назвать основоположником национальной и храмовой музыки древних евреев. Своей песней он изгнал злого духа из души Саула; своим искусством игры на гуслях он победил своих врагов и возглавил ликующий хор в Святом Городе, воспевающий честь и славу Всевышнего.

Сравните древнееврейскую и эллинскую музыку древних времен: Орфей своей музыкой очаровывает диких зверей; музыка Давида умиряет демонов. С помощью лиры Амфиона воздвигаются живые стены; израильские рога сровняют с землей крепостные валы Иерихона. Мелодии Ариона выманивают дельфинов из моря; еврейская музыка вселяет в учеников пророка дух Господень. Таковы чудесные эффекты музыки в Израиле и Элладе, передовых представителей древней цивилизации. Если бы одно объединилось с другим, какие небесные гармонии могли бы получиться! Но позже, во времена македонского империализма, когда встретились Александрия и Иерусалим, один олицетворял ослабленное язычество, другой — компромиссный иудаизм, и сочетание таких тонов не создает гармоничных аккордов.

Но мало что известно о древнееврейской музыке Храма, о певцах, песнях, мелодиях и инструментах. У евреев были песни и инструментальная музыка по всем праздничным, торжественным случаям, особенно во время богослужения. На их национальных праздниках, в их домах, на их развлечениях, даже в их путешествиях и паломничествах к святилищу их гимны были одновременно религиозными, патриотическими и социальными. [109] У них были виола и кифара, флейты, тарелки и кастаньеты, и, если наши авторитетные источники правильно интерпретируют, орган (*магрефа*), громкость звука которого превосходила все описания. Когда в День Искупления его звуки разнеслись по залам Храма, они были слышны по всему Иерусалиму, и весь народ в смиренном поклонении склонился перед Господом Саваофом. Старая музыка прекратилась со свержением еврейского государства. Левиты развесили свои арфы на ивах у ручьев Вавилона, и каждая просьба о "словах песни" встречалась укоризненным вопросом: "Как мы должны петь песнь Господню на земле чужеземцев?" Левит Хигрос был последним израильским звукорежиссером.

Израиль отправился в свои судьбоносные странствия, в свое беспримерное паломничество через земли и века, по бесконечному, тернистому пути, залитому кровью, орошенному слезами, через народы и престолы, одинокий, ужасный, возвышенный суровой величием трагических сцен. Это не те виды и переживания, которые вдохновляют на радостные песни — мелодия приглушена ужасом. Только плач обретает голос, бесконечный, гнетущий, тревожный вопль, звучащий на протяжении двух тысяч лет, как протяжный вздох, отдающийся далеко идущим эхом: "Доколе, о Господи, доколе!" и "Когда же восстанет искупитель для этого народа?" Эти элегические припевы Израэль не устает повторять во всех своих путешествиях. Время от времени прерывистый отблеск солнечного света проникает в многолюдные еврейские кварталы, и сразу же слышится более радостная нота, торжествующе возвышающаяся над

скорбным плачем, нота, которая ликующе звучит на праздновании памяти героев Маккавеев, в дни *Пурима*, на свадебных пирах, на любовных пиршествах благочестивого братства. Это слияние меланхолии и радости является лейтмотивом средневековой еврейской музыки, выросшей из гротескных контрастов еврейской истории. Тем не менее, несмотря на свою романтическую печаль, она пропитана духом далекого прошлого, что делает ее законным ответвлением древнееврейской музыки, о характеристиках которой, безусловно, мы догадываемся только по догадкам. О нашей средневековой музыке верны слова поэта: "Она радуется так трогательно, она так радостно скорбит".

Тот, кто слышал, никогда не забудет мелодии Израиля, то вспыхивающие радостью, то погружающиеся в печаль: возносящие свои ноты к небесам, то погружающиеся в бездну горя: то ликующие, то подавленные; то дающие надежду, то изливающие скорбь и боль. Они передают всю историю Иудеи — его славное прошлое, его скорбное настоящее, его возвышенное будущее, обещанное Богом. Когда их звуки наполняют нашу душу, перед нашим мысленным взором проносится череда видений: Храм во всем его непревзойденном великолепии, ликующий хор левитов, священники, исполняющие свои священные обязанности, почтенные фигуры патриархов, законодатель-наставник народа, пророки с поднятым предостерегающим перстом, достойные раввины, бледнолицые мученики средневековья; но мелодии, вызывающие в нашем воображении все эти призрачные фигуры, несут только одно бремя: "Как нам воспевать песнь Господню на земле чужеземцев?"

Это постоянно повторяющийся *мотив* еврейской музыки средневековья. Но смешение самых разных эмоций не способствует созданию мелодии. Светские явления накладывают свою печать на религиозную музыку, о которой некоторые имеют столь высокое представление, что называют ее одним из семи свободных искусств или даже превозносят ее выше поэзии. Якоб Леви из Майнца (Махарил), живший в начале пятнадцатого века, считается основоположником немецкой синагогальной музыки, но в его произведениях не было поэтических и богослужебных результатов. Он черпал свои лучшие сюжеты из инопланетных источников. Во времена итальянского Возрождения музыка настолько прочно завоевала признание народа, что проповедник Джуда Мускато посвятил музыке первую из своих знаменитых проповедей, придав ей высокую миссию среди искусств. Он интерпретировал легенду об эоловой арфе Давида как красивую аллегорию. Основываясь на стихе из Псалмов, он показал, что это символизирует духовный опыт царственного барда. Другой писатель, Абрахам бен Давид Порталеоне, счел времена еще более зрелыми; он мог рискнуть написать теорию музыки, как учили его его учителя, Сэмюэл Аркеволти и Менахем Лонсано, оба из которых решительно выступали против использования определенных светских мелодий, распространенных в то время в Италии, Германии, Франции и Турции, для религиозных песен. Среди еврейских музыкантов последних веков средневековья самым выдающимся был Соломон Росси. Он тоже не смог оказать влияния на формирование еврейской музыки, которая все больше и больше восхищалась гротеском и отклонениями от хорошего вкуса. Происхождение синагогальных мелодий относилось ко все более отдаленным периодам; самые проникновенные гимны были приспособлены к легкомысленным напевам. Еще позже, в то время, когда немецкая музыка достигла своего расцвета, когда процветали Бах, Гендель, Гайдн, Моцарт и Бетховен, еврейский бродячий музыкант *Клесмер*, нищенствующий как в мире песни, так и в мире финансов, странствовал по провинции со своими двумя друзьями.

Внезапно новая эра наступила и для Израиля. Солнце человечества послало несколько своих лучей в убогое гетто. Его стены пали под звук трубы, возвещающей избавление. Со всех сторон раздавался крик о свободе. Братство людей, охватывающее всех, не исключало крещенный бурей Израиль. Старая синагога должна была соответствовать современным требованиям и была переодета в новое одеяние. Среди тех, кто разработал и смастерил новую одежду, выделяется тот, в честь кого мы собрались сегодня.

Из нашего короткого путешествия сквозь века музыки мы вернулись к тому, кто преуспел в великой работе по восстановлению на почетном месте музыки синагоги, которой так не хватало, к которой так стремились, и вернул нам старые песни в новом обличье. Старая песня и новая мелодия! Старая песня о неизменной любви, верности и покорности воле Божьей! Его девизом был прекрасный стих: "Моя сила и моя песнь - Господь"; и его неизменный припев, ликующее восклицание: "Благословенна ты, прекрасная музыка!" Мудрый человек однажды сказал: "Высоко почитайте Богородицу Музыки!" Мудрым человеком был Мартин Лютер — еще один пример примиряющей силы музыки, стоящей высоко над барьерами, воздвигнутыми религиозными различиями. По этому случаю стоит упомянуть, что на праздновании четырехсотлетия Мартина Лютера в церкви Себальдус в Нюрнберге, самом протестантском из городов Германии, который сам Лютер называл "оком Божьим", на музыку, сочиненную нашим сегодняшним гостем, был исполнен псалом Давида.

"Высоко почитайте Богородицу Музыки!" Мы примем это наставление и воздадим должное артисту, благодаря чьей заботливой заботе музыка синагоги обрела новую жизнь; кто с благочестивым рвением собрал наши дорогие старые мелодии и спел их нам со всем пылом и силой, которыми Бог по Своей доброте наделил его.

"Скульптор должен имитировать жизнь, от поэта я требую интеллекта;
Душу можно выразить только Полигимнией!"

Сирота, песня скиталась туда-сюда по миру, и спустя много дней ее встретил музыкант, который с состраданием принял ее и облек своими мелодиями. На крыльях музыки она теперь парит, куда ни глянет, принося радость и благословение, где бы ни приземлилась. "Старая песня, новая мелодия!" Слушайте! в тишине ночи в этот торжественный момент до наших ушей доносится одна из тех старых песен, облеченная нашим *маэстро* в новую мелодию: "Я помню тебе доброту твоей юности, любовь твоих браков, твой поход за мной в пустыню, по земле, которая не засеяна!"

Прислушайтесь! Разве мы не можем различить в ее нотах, наполняющих наш слух, предвестие музыки будущего, любви и доброжелательности? Кажется, мы слышим шелест молодых листьев новой весны, воскресения, предсказанного тысячи лет назад нашими поэтами и пророками. Мы видим, как медленно наступает тот великий день, когда человечество, пробудившись от беспокойного сна ошибок и заблуждений, объединится в исповедании символа веры братской любви, и песня Израиля станет песней человечества, когда мириады голосов в унисон вознесут к небесам хвалебный псалом: Аллилуйя, Аллилуйя!

ПУБЛИКАЦИИ Американского еврейского издательского общества

очерки еврейской истории. От возвращения из Вавилона до наших дней. Автор: леди Магнус.
(Переработано М. Фридлендером.)

думайте и благодарите. Автор: Сэмюэл В. Купер.

раввин и священник. Милтон Голдсмит.

преследование евреев в России.

"женитьба Фогеле и другие рассказы". Луи Шнабель.

дети гетто: изображение необычного народа. автор: И. зангвилл.

несколько еврейских женщин. Генри Цирндорф.

история евреев. Профессор Х. Грец.

Том I. От древнейшего периода до смерти Симона Маккавея (135 г. до н.э.).

Том. II. От правления Гиркана до завершения работы над Вавилонским талмудом (500 г. н.э.).

Том III. От завершения написания Вавилонского талмуда до изгнания евреев из Англии (1290 г. н.э.).

Том IV. От возникновения Каббалы (1270 г. н.э.) до постоянного поселения маррано в Голландии (1618 г. н.э.).

Том V. В стадии подготовки.

субботние часы. Мысли. Либман Адлер.

документы еврейского женского конгресса.

старые европейские евреи. Дэвид Филипсон, д.д.

Взносы, 3,00 доллара США в год

все публикации для продажи в магазине и в офисе общества

ОСОБЫЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ ШКОЛ И БИБЛИОТЕК

Еврейское издательское общество Америки

Офис, ул. Арч, 1015

Почтовый ящик 1164 ФИЛАДЕЛЬФИЯ, ПЕНСИЛЬВАНИЯ.

ОЧЕРКИ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ.

От возвращения из Вавилона до настоящего времени,
1890 год.

С тремя Картами, Фронтисписом и хронологическими таблицами,
От ЛЕДИ МАГНУС.

Отредактировано М. фридлендером, доктором философии

МНЕНИЯ ПРЕССЫ.

Вся работа представляет большой интерес; она написана сдержанно и в то же время с большим энтузиазмом по отношению к великой расе, которая предстает перед мысленным взором читателя.—*Atlantic Monthly*.

Мы сомневаемся, что на английском языке существует лучший очерк еврейской истории. Еврейское издательское общество следует поздравить с успешным началом его карьеры. Такое движение, начавшееся столь благоприятно, заслуживает сердечной поддержки общественности.—*Нация* (Нью-Йорк).

Представляет всеобщий исторический интерес.—*Philadelphia Ledger*.

Простым языком многое сжимается.—*Baltimore Sun*.

Хотя книга полна сочувствия к ее собственному народу, она не лишена особой ценности для читателей, чьи религиозные убеждения отличаются от религиозных убеждений автора.—*"Нью-Йорк таймс"*.

Одно из самых четких и компактных произведений в своем классе, созданных в наше время.—*New York Sun*.

Еврейское издательское общество Америки оказало услугу не только всем молодым евреям, но и всем язычникам, которые желают видеть еврея таким, каким он сам себя видит.—*Boston Herald*.

Мы не знаем ни одной однотомной истории, которая давала бы лучшее представление о той замечательной роли, которую евреи сыграли в древней и современной истории.—*Хроника Сан-Франциско*.

Краткая, хорошо написанная история замечательной расы.—*Курьер Буффало*.

Лучший справочник по еврейской истории, который могут найти читатели любого класса.—*New York Herald*.

Удобный и привлекательный справочник по еврейской истории.—*Cleveland Plain Dealer*.

Эта работа достойна восхищения, и как руководство по еврейской истории она может быть рекомендована людям любой расы и вероисповедания.—*"Филадельфия таймс"*.

В целом было бы трудно найти другую книгу на эту тему, содержащую столько информации.—*Американец* (Филадельфия).

Книга леди Магнус - ценное дополнение к тому запасу литературы о евреях, который у нас уже есть.—*Новости Чарльстона (Южная Каролина)*.

Мы хотели бы видеть этот том в библиотеке каждой школы штата.—*Олбани Аргус*.

Краткое, полезное описание еврейской истории. —*Boston Post*.

В тканевом переплете. Цена с постоплатой 1,00 доллара, библиотечное издание.
75 центов. Школьное издание.

"ПОДУМАЙ И ПОБЛАГОДАРИ".

Сказка для юных, повествующая в романтической форме о детстве сэра Мозеса Монтефиоре.

с шестью иллюстрациями.

Автор: СЭМЮЭЛ В. КУПЕР.

МНЕНИЯ ПРЕССЫ.

Яркая и интересная история, полная происшествий и приключений, с присущим ей замечательным духом, созвучным доброму и обаятельному, хотя и смелому и энергичному характеру выдающегося филантропа.—*Американец (Филадельфия)*.

думать и благодарить - самое полезное средство для устранения расовых предрассудков. Это также глубоко интересно как биографический очерк выдающегося англичанина.—
"Филадельфия Леджер".

Прекрасная книга для чтения мальчиками любого класса.—*Общественное мнение (Вашингтон)*.

Это будет особенно интересно мальчикам его расы, но все школьники вполне могут позволить себе прочитать это и извлечь из этого пользу. —*Albany Evening Journal*.

Сказано просто и хорошо.—*New York Sun*.

Отличная история для детей.—*Журнал Индианаполиса*.

Как старые, так и молодые могут извлечь из этого урок. —*Еврейский представитель*.

Это захватывающая история, чрезвычайно хорошо рассказанная.—*Американский израильтянин*.

Книга написана простым стилем и хорошо адаптирована для библиотек воскресных школ.—
Еврейский зритель.

Это одна из очень немногих книг на английском языке, которую можно дать в руки еврейскому мальчику с уверенностью, что она пробудит и поддержит его интерес.—*Еврейский журнал*.

Предназначено для молодежи, но вполне может быть прочитано и взрослыми.—*Detroit Free Press*.

Яркое и привлекательное чтение.—*philadelphia Press*.

"думай и благодари" понравится мальчикам, и это будет популярно в библиотеках воскресных школ.—*"Нью-Йорк Геральд"*.

Эта история прекрасна и дает четкое представление об обстоятельствах, подготовке и мотивах, которые придали импульс и энергию делу всей жизни великого филантропа. —*Kansas City Times*.

Мы должны быть рады узнать, что эта небольшая книга имеет большое распространение как среди язычников, так и среди "избранного народа". В нем нет и следа религиозного фанатизма, и его прочтение не может не послужить лучшему знакомству христиан и евреев друг с другом.—*Philadelphia Telegraph*.

В тканевом переплете. Цена с последующей оплатой 50 центов.

РАВВИН И СВЯЩЕННИК.

ИСТОРИЯ.

Автор: Милтон Голдсмит.

МНЕНИЯ ПРЕССЫ.

Автор попытался правдиво изобразить обычаи и практику русского народа и правительства в отношении еврейского населения этой страны. Книга представляет собой сильную и хорошо написанную историю. Мы читаем и страдаем вместе со страдающими.—*Общественное мнение* (Вашингтон).

Хотя она и адресована евреям, с призывом добиваться свободы и мира в Америке, ее должны прочитать гуманные люди всех рас и религий. Мистер Голдсмит - мастер английского языка, и его чистый стиль - одно из настоящих удовольствий этой истории.—*Philadelphia Bulletin*.

Достоинством книги является то, что она хорошо написана, в высшей степени занимательна и не может не представлять интереса для всех, кто, возможно, захочет ознакомиться с положением дел, которое в последнее время привлекает всеобщее внимание.—*Звонок из Сан-Франциско*.

Раввин и священник обладают подлинной ценностью и имеют право на звание лучших в своем классе.—*Minneapolis Tribune*.

Писатель рассказывает свою историю с еврейской точки зрения, и рассказывает хорошо.—*Республика Сент-Луис*.

Описания жизни в России яркие и значительно усиливают очарование книги.—*Курьер Буффало*.

Очень захватывающая история.—*Новости Чарльстона (Южная Каролина)*.

Очень похоже на ужасные истории, которые приходят из несчастной России.—*Новоорлеанский пустяк*.

Ситуации драматичны; диалог оживлен.—*Еврейский вестник*.

История проходящих событий в интересной форме.—*Еврейские вести*.

"Раввин и священник" вызовет симпатию каждого читателя своей трогательной простотой и правдивостью.—*Еврейский зритель*.

В тканевом переплете. Цена с последующей оплатой - 1 доллар.

СПЕЦИАЛЬНАЯ СЕРИЯ № 1.

Преследование евреев в России.

с картой, показывающей черту еврейского расселения.

Кроме того, Приложение, содержащее краткое изложение законов,

Особые и ограничительные меры, касающиеся евреев в

Россия, доведенная до 1890 года.

МНЕНИЯ ПРЕССЫ.

Брошюра полна фактов и будет очень полно информировать людей об основаниях жалоб евреев на Россию. Мы надеемся, что она получит очень широкое распространение.—*Общественное мнение* (Вашингтон).

Законы и постановления, регулирующие деятельность евреев в России, подвергающие их жестокому притеснению, тяжким ограничениям и систематическому преследованию, изложены в сжатой форме с точными ссылками, что требует точности при составлении и представлении дела этих несчастных людей.—*Galveston News*.

Эта брошюра содержит информацию, которая пользуется большим спросом и которая должна быть широко известна в просвещенных странах.—*"Коммерческая газета Цинциннати"*.

Учитывая нынешнюю агитацию по этому поводу, это очень своевременная публикация.—*Новоорлеанский пустяк*.

Это, несомненно, наиболее компактное и подробное изложение русско-еврейского вопроса.—*Американский израелит*.

Лучше подходит для того, чтобы дать адекватное представление о проблемах, связанных с нынешним великим кризисом в делах евреев России, и последствиях этого кризиса, чем кипы риторики.—*Еврейский журнал*.

Бумага. Цена с постоплатой 25 центов.

СПЕЦИАЛЬНАЯ СЕРИЯ № 2.

Женитьба Фогеле и другие истории.

ЛУИ ШНАБЕЛЬ.

МНЕНИЯ ПРЕССЫ.

Серия из девяти хорошо написанных коротких рассказов, основанных на любви и религии, которые делают чтение довольно интересным.—*Берлингтонский соколиный глаз*.

Брошюра, содержащая несколько набросков, полных высоких моральных принципов и довольно интересных событий, связанных с простыми человеческими ситуациями.—*Общественное мнение* (Вашингтон, округ Колумбия)

Интересно как для иврита, так и для язычников.—*Minneapolis Tribune*.

Помимо того, что книга интересна, она написана с определенной целью и несет в себе полезный урок.—*Звонок из Сан-Франциско*.

Это сборник кратких историй из еврейской жизни, некоторые из которых представляют большой интерес, в то время как все хорошо написаны.—*"Новости и курьер" Чарльстона* (Южная Каролина).

Небольшой том в целом любопытен, помимо претензий на художественные достоинства.—*Американский книготорговец* (Нью-Йорк).

Короткие рассказы о жизни евреев под деспотическими законами Восточной Европы, полные мельчайших деталей.—*Книжные новости* (Филадельфия).

Написан в восхитительном стиле, отчасти в манере Комперта и Бернштейна.... Для многих брошюра станет желанным гостем и доставит огромное удовольствие.—*Ежемесячная менора*.

Эти истории пронизаны еврейским духом, который характерен для всех произведений мистера Шнабеля.—*Американский иврит*.

Бумага. Цена с постоплатой 25 центов.

ДЕТИ ГЕТТО

БЫТИЕ

ФОТОГРАФИИ НЕОБЫЧНЫХ ЛЮДЕЙ.

автор: И. зангвилл.

Искусство Хогарта или Крукшенка не могло бы выделить типы характеров с большей силой или более рельефно, чем это удалось перу этого автора.—*Рекорд Филадельфии*.

Это одна из лучших картин еврейской жизни и мысли, которые мы видели со времени публикации "Даниэля Деронда". — Лондонская *Pall Mall Gazette*.

Эта книга - не просто механическое фотографическое воспроизведение людей, которых она описывает, но их яркое изображение со всем пульсирующим сочувствием того, кто понимает их, их мысли и чувства, со всей живописной точностью художника, который ценит духовное значение того, что он стремится изобразить.—*Еврейский журнал*.

Зарисовки персонажей в ней имеют наивысшую ценность.... Не часто мы отмечаем такую свежую, правдивую и во всех отношениях полезную книгу.*Philadelphia Evening Telegraph*.

Сильная и примечательная книга. Найти ей параллель непросто. Мы не знаем ни одного другого романа, в котором так полно и авторитетно рассказывалось бы об Иудее в современном Лондоне.—*Спикер, Лондон*.

Одно из известных произведений того времени.... Все, что здесь изображено, является неоспоримой истиной.—*Еврейский представитель*.

Многие фотографии сразу узнают те, кто бывал в Лондоне или вообще знаком с жизнью этого города.—*Детройт Фри Пресс*.

Это серия резко написанных реалистичных изображений.—*Американец из Балтимора*.

ДВА ТОМА.

В тканевом переплете. Цена с последующей оплатой - 2,50 доллара.

НЕСКОЛЬКО ЕВРЕЙСКИХ ЖЕНЩИН.

Автор:

ГЕНРИ ЦИРНДОРФ.

МНЕНИЯ ПРЕССЫ.

Нравственная чистота, благородство души, самопожертвование, глубокая привязанность и преданность, горе и счастье - все это присутствует в этих биографиях, и интерес, испытываемый при их прочтении, усиливается теплотой и сочувствием, которые проявляет автор, а также его культурным и энергичным стилем письма.—*Рекорд Филадельфии*.

Его методы - это одновременно упрощение и расширение Иосифа Флавия и Талмуда, просто рассказанные истории, точное изложение добродетелей и нередко пороков персонажей, иногда легендарных, но, как правило, реальных.—*"Нью-Йорк Уорлд"*.

Приведенные здесь жизни интересны во всех случаях, а в некоторых случаях и захватывающи.—*Общественное мнение* (Вашингтон, округ Колумбия).

Этот том представляет всеобщий исторический интерес и представляет собой описание ранних судебных процессов над еврейскими женщинами.—*Бостон Геральд*.

Хотя главы кратки, они явно являются результатом глубокого и досконального исследования, которое придает скромному объему историческую и критическую ценность.—*"Филадельфия таймс"*.

Это в целом похвальное начинание, которое автор довел до столь приятного завершения — создание силуэта библейского женского персонажа на фоне тех древних исторических времен.—*"Миннеаполис Трибюн"*.

Генри Цирндорф занимает высокое положение как студент, мыслитель и писатель, и эта небольшая книга будет способствовать дальнейшему изучению литературы на иврите.—*Республиканец из Денвера*.

Книга изящно написана и содержит множество сильных штрихов в характеристиках.—*Клинок Толедо*.

Зарисовки основаны на доступной истории и написаны в четком повествовательном стиле.—*Новости Галвестона*.

Генри Цирндорф проделал выдающуюся литературную работу в "Некоторых еврейских женщинах". — *Ст. Луи Пост-Депеш*.

Это привлекательная на вид книга, полная любопытных биографических исследований.—*Baltimore Sun*.

Писатель проявляет тщательное исследование и добросовестность, делая свои повествования исторически верными и отдавая каждой героине должное.—*Американец-израильтянин* (Цинциннати).

В тканевом переплете с орнаментом, с позолоченным верхом. Цена с последующей оплатой 1,25 доллара.

Автор:

ПРОФЕССОР Х. GRAETZ

- Том. I. От древнейшего периода до смерти Симона Маккавея (135 г. до н.э.).
- Том. II. От правления Гиркана до завершения Вавилонского талмуда (500 г. н.э.).
- Том. III. От завершения Вавилонского талмуда до изгнания евреев из Англии (1290 г. н.э.).
- Том. IV. От возникновения Каббалы (1270 г. н.э.) до постоянного поселения марранов в Голландии (1618 год н.э.).
- Том V. В стадии подготовки.

МНЕНИЯ ПРЕССЫ.

История профессора Греца общепризнанна как добросовестный и надежный вклад в религиозную литературу. *Philadelphia Telegraph*.

Помимо его ценности как историка, он придает своим страницам очарование благодаря маленьким иллюстрациям, которые появляются только по мановению гения.—*Чикаго Между океанами*.

Писатель, который, безусловно, считается величайшим из еврейских историков, является пионером в своей области деятельности — истории без теологии или полемики.... Его монументальный труд обещает стать стандартом, по которому евреи будут оценивать все остальные еврейские истории на долгие годы вперед.—*Балтиморский американец*.

Всякий раз, когда тема вынуждает автора обсуждать христианскую религию, он воодушевляется духом, вполне достойным философствующего и возвышенного героя романа Лессинга "Натан Мудрый".—*New York Sun*.

Это исчерпывающий научный труд, за который изучающий историю имеет основания быть искренне благодарным.... Это будет приветствоваться также за превосходный стиль писателя и за почти светскую манеру, с которой он отходит от серьезного повествования, чтобы украсить свои страницы наглядными описаниями жизни и пейзажей.—*Детройт Фри Пресс*.

Одной из ярких особенностей сборника является его лаконичность и быстрота повествования, при этом не приносятся в жертву необходимые детали.—*"Миннеаполис Трибюн"*.

Какие бы споры ни вызвала эта работа, о ее благородной учености не может быть и речи.—*Ричмондская диспетчерская*.

Если кто—то желает изучать историю еврейского народа под руководством ученого и приятного писателя, который симпатизирует своему предмету, потому что сам еврей, ему следует обратиться к томам Греца.—*Обзор рецензий (Нью-Йорк)*.

В дорогом переплете, с постоплатой, 3 доллара за том

СУББОТНИЕ ЧАСЫ

МЫСЛИ

Либман Адлер

МНЕНИЯ ПРЕССЫ

Раввин Адлер был человеком сильного и плодотворного ума, и его проповеди в высшей степени удобочитаемы.—*"Таймс воскресной школы"*.

Переходя от проповеди к проповеди, человек накапливает множество наставлений, которые, если бы он стал практиковать, он сделал бы счастливее и себя, и других. Мы могли бы цитировать с каждой страницы какое-нибудь благородное высказывание или приятную мысль, достойную того, чтобы ее лелеяли как евреи, так и христиане.—*Ричмонд Диспатч*.

Обсуждаемые темы в большинстве случаев носят практический характер. Все они поучительны, и часто встречаются отрывки редкого красноречия.—*Звонок из Сан-Франциско*.

Проповеди - это простое и тщательное изучение, иногда доктрины, но чаще учения и заповедей.—*"Чикаго таймс"*.

Он сочетал научные достижения с практическим опытом, и эти проповеди охватывают широкий круг тем. Некоторые из них необычайно современны по тону.—*Новости Индианаполиса*.

Это современные проповеди, посвященные проблемам дня, и они передают интерпретацию, которую эти проблемы должны получить в свете истории Ветхого Завета.—*Boston Herald*.

Хотя эта книга небезынтересна для тех общин, где нет недостатка в религиозном обучении и влиянии, она не может не представлять особого интереса для тех общин, где еврейское учение практически отсутствует.—*Американский Балтимор*.

Проповеди вдумчивы и серьезны по тону и извлекают много убедительных и уместных уроков из записей Ветхого Завета.—*Сиракузский вестник*.

Они пропитаны библейскими знаниями, но каждый случай, взятый из Ветхого Завета, призван проиллюстрировать какую-то истину из современной жизни.—*Хроника Сан-Франциско*.

Они спокойны и консервативны, ... применимы в своем сущностном значении к современным религиозным потребностям как язычников, так и евреев. По стилю они в высшей степени ясны и прямолинейны.—*Обзор рецензий (Нью-Йорк)*.

Умелые, убедительные, полезные размышления на темы, наиболее важные для процветания семьи, общества и государства.—*Общественное мнение* (Вашингтон, округ Колумбия).

Цена в тканевом переплете, с постоплатой, \$1.25

ДОКУМЕНТЫ

ИЗ

Конгресс еврейских женщин

Состоялось в Чикаго в сентябре 1893 г.

МНЕНИЯ ПРЕССЫ

Это заседание проходило в первую неделю сентября и было отмечено презентацией некоторых особенно интересных выступлений и планов. Этот том представляет собой полный отчет о заседаниях.— *"Чикаго таймс"*.

Сборник докладов, прочитанных на Конгрессе еврейских женщин, в виде книги ... представляет собой интересную и ценную книгу об истории и делах еврейских женщин Америки.—*Сент-Луис Пост-Депеш*.

Красивый и ценный сувенир, посвященный событию, имеющему большое значение для людей еврейской веры и представляющему большой интерес и ценность для умных и хорошо информированных людей всех вероисповеданий.—*"Канзас-Сити Таймс"*.

Конгресс был филиалом Парламента религий и имел большой успех, вызвав интерес как у евреев, так и у христиан, и объединив женщин со всех концов страны, интересующихся своей религией, занимающихся схожими направлениями работы и сочувствующих им по образу мыслей.... Все статьи в этом томе представляют интерес.—*Детройтская свободная пресса*.

Еврейское издательское общество Америки проделало хорошую работу по сбору и изданию в виде хорошо напечатанного тома "Документов Еврейского женского конгресса". -*Cleveland Plain—Dealer*.

Цена в тканевом переплете, с постоплатой, 1 доллар

СТАРЫЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ ЕВРЕИ

Автор: ДЭВИД ФИЛИПСОН, доктор медицинских наук

МНЕНИЯ ПРЕССЫ

Эта неприязнительная небольшая книга преследует благую цель ... она содержит такое количество информации, которое было бы трудно найти в другом месте без большого труда. Тема автора - гетто, или еврейский квартал в европейских городах.—*Литературный мир* (Бостон).

Это интересно ... увидеть основу ... так много знакомой нам художественной литературы — отправиться, как автор здесь отправился в одну из своих поездок за границу, в руины старого еврейства.—*Baltimore Sun*.

Его книга представляет собой тщательное исследование, ограниченное официальным гетто.—*Cincinnati Commercial-Gazette*.

Свежая информация, предоставленная исследователем древностей, легла в основу работы об исторических гетто Европы —*Milwaukee Sentinel*.

Он рассказывает историю гетто спокойно, сочувственно и добросовестно, и его выводы согласуются с выводами всех других умных и справедливых людей.—*Ричмондская диспетчерская*.

Поразительное исследование результатов системы, которая оставила свой след среди евреев всех стран.—*Хроника Сан-Франциско*.

Он тщательно просмотрел все опубликованные отчеты и разборчиво использовал публикации, как недавние, так и более старые, по своей тематике на немецком, французском и английском языках.—*Сторонник реформ* (Чикаго).

Цена в тканевом переплете, с постоплатой, \$1.25

СНОСКИ:

[1] Цунц, *Гезаммельте Шрифтен*, I., 42.

[2] Г. Шерр, *Всеобщее обозрение литературы*, I., стр. 62.

[3] Ф. Фрейлиграт, *Бильдербергский клуб*.

[4] D. Cassel, *Lehrbuch der jüdischen Geschichte und Literatur*, p. 198.

[5] Гейне, *Романzero, Иегуда бен Халеви*.

[6] F. Delitzsch, *Zur Geschichte der jüdischen Poesie*, p. 165.

[7] Гейне, л. к.

[8] Гейне, Л. к.

[9] M. J. Schleiden, *Die Bedeutung der Juden für die Erhaltung der Wissenschaften im Mittelalter*, p. 37.

[10] Иезекииль. xxiii. 4. [Тр.]

[11] Ad. Jellinek, *Der jüdische Stamm*, p. 195.

[12] "Макама (множественное число, Макамат), арабское слово, обозначающее место, где люди собираются для обсуждения общественных дел, стало использоваться как название

формы поэзии, находящейся на полпути между эпосом и драмой". (Карпелес, *Справочник по еврейской литературе*, vol. II., стр. 693.) Самым известным арабским поэтом Макамат был Харири из Бассоры, а самым известным евреем - Иегуда Хариси. См. выше, стр. 32 и стр. 211 [Tr.]

[13] Хирт, *Библиотека*, V., стр. 43.

[14] *Мидраш Эча*, I., 5; Мишна, *Рош Ха-Шана*, глава II.

[15] Сmp. Wünsche, *Die Haggada des jerusalemischen Talmud*, and the same author's great work, *Die Haggada des babylonischen Talmud*, II; also W. Bacher, *Die Agada der Tannaiten*, *Die Agada der babylonischen Amoräer*, and *Die Agada der palästinensischen Amoräer*, Vol. I.

[16] М. Сакс, *Стиммен против Иордании и Евфрата*.

[17] Эмануэль Дойч, "Литературные останки", стр. 45.

[18] Выступление на открытии нового молитвенного дома Независимого ордена бнай Брит в Берлине.

[19] Числа, xxi. 17, 18.

[20] Псалом sxxxiii.

[21] М. J. Schleiden: *Die Bedeutung der Juden für die Erhaltung der Wissenschaften im Mittelalter*, p. 7.

[22] *Моэд Катан*, 26a.

[23] Сmp. "Поиски Израиля в Африке", стр. 257-258

[24] Сmp. Gutmann, *Die Religiousphilosophie des Saâdja*.

[25] М. Гесс, *Рим и Иерусалим*, стр. 2.

[26] *Мидраш Ялкут* о Притчах.

[27] *Берахот*, 10a.

[28] *Баба Меция*, 59a.

[29] *Сота*, 20a.

[30] *Берахот*, 51б.

[31] См. статью В. Бахера в *Сборнике Монашрифта Франкеля-Греца*, Том XX., стр. 186.

[32] Сmp. E. David, *Sara Copia Sullam, une héroïne juive au XVIIe siècle*.

[33] Для дальнейшего сравните Кайзерлинг, *Сефарды*, стр. 250 и далее.

[34] Сmp. *Rahel, ein Buch des Andenkens für ihre Freunde*, Vol. I., p. 43.

[35] Юлиуса Роденберга.

- [36] Риттер, *Книга о христианской философии*, Том I., стр. 610 и далее.
- [37] Joel, *Beiträge zur Geschichte der Philosophie*, Vol. II., p. 9.
- [38] Graetz, *Geschichte der Juden*, Vol. VI., p. 298 f.
- [39] "Путеводитель для сбитых с толку", английский перевод, к которому обращались в этой работе, выполнен М. Фридлендером, доктором философии (Лондон, Trübner & Co., 1885). [Тр.]
- [40] Джоэл, *l. c.*
- [41] Смп. Кайзерлинг, *Сефарды*, стр. 23 и далее
- [42] Перевод Тикнора. [Тр.]
- [43] Смп. Ф. Вольф, *Исследование истории испанской национальной литературы*, стр. 236 и далее.
- [44] Смп. Кайзерлинг, *l. c.* стр. 85 и далее
- [45] Livius Fürst in *Illustrierte Monatshefte für die gesammten Interessen des Judenthums*, Vol. I., p. 14 ff. Смп. also, Hagen, *Minnesänger*, Vol. II., p. 258, Vol. IV., p. 536 ff., and W. Goldbaum, *Entlegene Culturen*, p. 275 ff.
- [46] Graetz, *Geschichte der Juden*, Vol. VI., p. 257.
- [47] Для Габироля, смп. А. Гейгера, *Саломона Габироля* и М. Сакса, *Религиозная поэзия иудеев в Испании*.
- [48] Х. Гейне, *Роман Зеро*.
- [49] Перевод Эммы Лазарус. [Тр.]
- [50] См. Примечание, стр. 34. [Тр.]
- [51] Дж. Шор в *He-Chaluz*, Том IV., стр. 154 и далее.
- [52] С. Штайн в "*Фрейтагабенде*", стр. 645 и далее.
- [53] Х. А. Мейзель, *Исследование Пруфштейна де Калонимо*.
- [54] Ливиус Фюрст в "*Знаменитом Монатшефте*", Том I., стр. 105 и далее.
- [55] *Абода Сара* 18б.
- [56] Мидраш о Плаче, гл. 3, ст. 13 и далее.
- [57] Иерусалимский Талмуд, *Берахот*, 9.
- [58] Смп. Berliner, *Yesod Olam, das älteste bekannte dramatische Gedicht in hebräischer Sprache*.
- [59] Delitzsch, *Zur Geschichte der jüdischen Poesie*, p. 88.
- [60] Еллинек, *Еврейский штат*, стр. 64.

- [61] Аристотель, *История. Аним.*, 8, 28. Никифор Григора, *Hist. Byzant.*, p. 805.
- [62] Исаяя хі. 11-16.
- [63] Иеремиа хххі. 8-9.
- [64] Исаяя хlix. 9 и ххvii. 13.
- [65] Иезекииль хххvii. 16-17.
- [66] Смр. Spiegel, *Die Alexandersagen bei den Orientalen*.
- [67] Смр. А. Эпштейн, *Эльдад ха-Дани*, стр. х.
- [68] Рюппель, *Райзен в Нубиене*, стр. 416.
- [69] Смр. Эпштейн, Л. С., стр. 141.
- [70] *Отчет Альянса* за 1868 год.
- [71] Халеви, *Приоры Фалашей*, Введение.
- [72] Смр. Эдельманн, *Гедулат Шауль*, Введение.
- [73] Смр. Н. Гольдбаум, *Entlegene Culturen*, стр. 299 и далее.
- [74] *Восход*, 1889, № 10 и далее.
- [75] Грец, *Основные положения иудаизма*, IX., стр. 480.
- [76] Иезекииль хххvii. 1-11.
- [77] Дж. Г. Гердер.
- [78] М. Кайзерлинг: *Моисей Мендельсон и Л. Гейгер, Еврейская школа в Берлине*, II.
- [79] Лессинг, *Учебное пособие*, Том XII., стр. 247.
- [80] Мендельсон, *Веселая музыка*, Том. IV², 68 и далее.
- [81] Хензель, *"Смерть семьи Мендельсона"*, Том I., стр. 86.
- [82] См. I. Хайнеманн, *Мозес Мендельсон*, стр. 21.
- [83] Смр. Buker and Caro, *Vor hundert Jahren*, p. 123.
- [84] Адрес, произнесенный при установке ложи Леопольда Цунца в Берлине.
- [85] В *Сиппуриме*, I., 165 и далее.
- [86] Администраторы светских дел еврейских общин. [Тр.]
- [87] Сострадание, милосердие. [Тр.]
- [88] Талмудическая диалектика. [Тр.]
- [89] Смр. Штродтман: *Х. Гейне*, Том I., стр. 316.

- [90] Цунц, *Учебное пособие*, Том I., стр. 3 и далее.
- [91] Там же., стр. 301.
- [92] Там же., стр. 310.
- [93] Там же., стр. 316.
- [94] Там же., стр. 133.
- [95] Смп. *Воспоминания* в его Собрании сочинений, том VI., стр. 375 и далее.
- [96] Ludwig Kalisch, *Pariser Skizzen*, p. 331.
- [97] Собрание сочинений, том IV., стр. 227.
- [98] Там же., том III., стр. 13.
- [99] Там же., том IV., стр. 257 и далее.
- [100] Там же., том. VIII., стр. 390 и далее
- [101] Там же., Том I., стр. 196.
- [102] Том II., стр. 110. Смп. Frauenstädt, A. *Schopenhauer*, p. 467 ff.
- [103] Собрание сочинений, том VII., стр. 255 и далее.
- [104] Альфред Мейснер, *Генрих Гейне*, стр. 138 и далее.
- [105] Людвиг Калиш, *Pariser Skizzen*, стр. 334.
- [106] Собрание сочинений, том VII., 473 и далее.
- [107] Выступление на праздновании пятидесятилетия герра Левандовски в качестве музыкального руководителя.
- [108] *Йома*, 38a.
- [109] Смп. Fétis, *Histoire générale de la Musique*, Vol. I., p. 563 ff.
-